

Бурлан&Бурлан
СИМОРОН
из первых рук

или
Как достичь того,
чего достичь невозможно

ББК 88.4
УДК 159.99
Б91

*Все права защищены. Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

Бурлан П., Бурлан П.

В91 Симорон из первых рук, или Как достичь того, чего достичь невозможно. — СПб.: «Издательство «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2006. — 320 с.

ISBN 5-94946-210-6

Перед вами книга о самой загадочной из существующих психотехнологий. О безотказном инструменте под названием «Симорон», над которой поразительной эффективности которого ломают головы многие. Кроме тех, кто просто берет и пользуется этим инструментом, придуманным почти два десятилетия назад киевскими исследователями Петрой и Петром Бурланами.

Их десятки тысяч, жителей разных стран, девиз которых — успех в любых начинаниях, выигрыш во всех лотереях жизни. Сегодня они — первопроходцы, первооткрыватели новых возможностей человечества, участники удивительных, не находящихся стандартного объяснения событий.

Присоединиться к ним — нет ничего проще. Достаточно раскрыть эту книгу, авторы которой впервые приподнимают завесу над созданной ими загадкой по имени «Симорон».

ПЕТРА БУРЛАН, ПЕТР БУРЛАН СИМОРОН ИЗ ПЕРВЫХ РУК, ИЛИ КАК ДОСТИЧЬ ТОГО, ЧЕГО ДОСТИЧЬ НЕВОЗМОЖНО

Редактор: Н. Мигаловская

Художественный редактор: В. Шимкевич

Иллюстрации: Moskinzen

Макет и верстка: Е. Маликова

**В оформлении обложки использована картина
киевской художницы О. Радионовой «Лицом к лицу».**

Подписано в печать 9.12.05. Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 20000 экз. Заказ № 22.

«Издательство «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК». 195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 41.

Издание осуществлено при техническом участии ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

© Бурлан П., Бурлан П., 2005

© Серия, оформление,

«Издательство «Прайм-Еврознак», 2006

© «Издательство «Прайм-Еврознак», 2006

ISBN 5-94946-210-6

Содержание

Снимая с себя грим...	5
Между нами	18
Предыстория	19
Дерни за веревочку...	31
Кушать подано	39
Впереди паровоза	51
Симпатияга начинает и выигрывает	67
Партитура для Ван Гога	83
Карл у Клары...	93
Подержите штангу...	107
Утки и документы	123
Маска, я вас знаю!	131

Не учи ученого!	141
С больной головы на здоровую	157
Дедушка учил делиться	171
По столовой ложке после еды	183
С днем рождения!	195
Забавные миры	207
Из практики симоронистов	214
1. Самообгон и симпатизация	216
2. Погружение в игры и выход из них	244
3. Полет по трассе, прояснение, симвование	293

СНИМАЯ С СЕБЯ ГРИМ...

Достичь невозможного...

Поставить цель...

Неужели действительно можно достичь невозможного?..

Когда понимаешь, что речь идет не просто о том, чтобы четко поставить перед собой цель, спланировать все шаги и напряженно работать над их реализацией, а о «сказочном» методе: захотел — свершилось, то невольно предполагаешь следующие варианты.

1. Тебя дурят. Используют такое заявление как наживку. Цыганочное: «Дай, милый, погадаю» — оборачивается пустотой в твоих карманах.

2. Эти граждане недавно выходили на связь с инопланетянами и попутно — с лечащим врачом психиатрической больницы.

3. Очередная атака суеверного невежества. Злобные старухи с крысиными лапками, приворотами и порчей.

4. А все-таки в этом что-то есть... Говорят же о тонких энергиях, есть же Ванга, Нинель Кулагина, Ури Геллер и прочие. А вдруг?

Суеверие...

Дай
погадаю...

Геллер...

Ванга...

В этом что-то есть...

Петра и Петр Бурланы не подпадают ни под одну из этих категорий. Это люди образованные, здравомыслящие, скромные, интеллигентные. Без искр из глаз и пламени из ушей. Просто люди.

И они — авторы СИМОРОНА, системы, которая помогает достичь... но чего достичь!

Если вы пожелаете заполучить «мерседес», потому что он имеется у соседа, — ничего не выйдет. Захотите стать тоньше тростинки по образцу известной фотомодели — талия не уменьшится ни на сантиметр. Попытаетесь конкурировать с Чумаком-Кашпировским (чем вы хуже?) — надорветесь и только. Поедете в Индию, дабы поучиться у тамошних йогов зарываться на полгода в землю, — потеряете время и деньги...

То есть СИМОРОН в этих делах вам не союзник.

Но, может быть, душа рвется играть на скрипке, а среда, обстановка выращивают из вас счетовода или каменистого? Не сомневайтесь: вы будете вторым Паганини. А может — и первым, पहले того.

Чувствуете в себе будущую Жанну д'Арк? Пройдет время, и хрупкие женские плечи украсят генеральские погоны.

Мечтаете полетать — не подражая птицам, просто зная, что это естественно, как дышать воздухом... Что ж, вскоре друзья, глядя в синеву, будут путать вас с журавлями.

Вот какого рода желания осуществляет СИМОРОН. **Осуществляет!** Если бы не было так, к системе этой не тянулись бы тысячи людей в разных концах Земли — от Мурманска до Владивостока, от Бостона до Мельбурна... Помимо центра симоронского движения — бурлановской школы в Киеве, работают ее филиалы, очаги во многих городах Украины, России, дальнего зарубежья. Бурланы регулярно проводят семинары, на которые съезжается народ из десятков стран, чтобы получить необычное образование: научиться быть тем, что ты есть в подлинности своей. И это продолжается уже почти 20 лет. «Живая газета» — молва распространяет информацию о системе, о ней широко говорят в прессе, в Интернете, ее обсуждают на научных кафедрах как открытие, не имеющее ана-

логов, новую страницу в философско-психологическом прочтении мира.

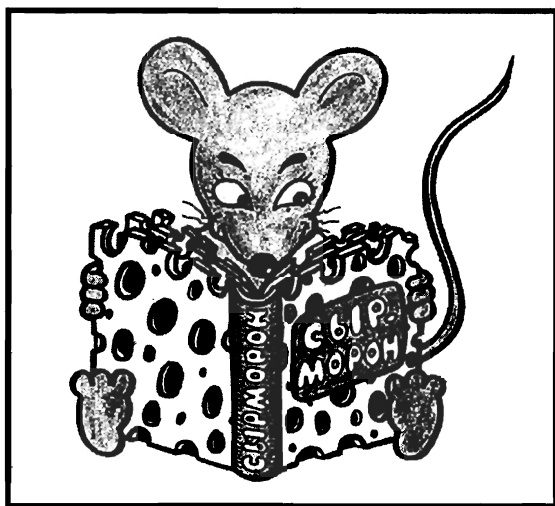
Настоящее издание — первое точное и обстоятельное популярное изложение СИМОРОНА. Записанное авторами его таким образом, чтобы читатель, не посетивший школу, мог заочно примерить на себе ее постулаты. Не только теоретически, но, прежде всего, практически, приняв из первых рук новейшие, самые последние находки Бурланов.

Если эта книга попадет к тем, кто в той или иной степени уже приобщился к симоронскому методу, они могут сразу переходить к основной ее части. Дальнейшие же строки нашей преамбулы предназначены для тех, кто услышал о СИМОРОНЕ впервые. И кто хотел бы присоединиться к многочисленной армии людей, разучившихся покупать кота в мешке и открывших в себе умение с первого захода попадать в «десятку».

Что для начала можно сказать такому читателю?

СИМОРОН — это игровой психотренинг, помогающий рожденному в социуме человеку восстановиться в своем «космическом» Я, по отношению к которому земная личность занимает то же положение, что, скажем, нос или пятка по отношению к телу.

Эффект этот достигается благодаря раздвижению границ нашего самосознания. Обычно внимание людей ориентировано на какой-то конкретный, локальный предмет, находящийся перед ними или в их памяти: книжка, которую мы читаем; ложка супа, подносимая ко рту; собеседник; проезжающая мимо машина; атрибут работы или учебы; какие-то числа, понятия, картины, протекающие перед нашим внутренним взором... Отдаваясь *одному* такому объекту, мы упускаем из виду *другие*, которые могут обогатить нас информационно, дать более развернутое представление о характере тех или иных явлений. В результате такой суженности восприятия мы часто промахиваемся, попадаем впро- сак, не находим решения возникшим проблемам. Расширенный взгляд помогает увидеть мир масштабно, многопланово, обнаружить выходы из любых тупиков.

Средства, способы, с помощью которых это осуществляется, сводятся к разоблачению правил, условностей, в русле которых протекают наши житейские игры. СИМОРОН — веселый «стриптиз», срывающий с глаз шоры, которые заслоняют действительность. Этот принцип делает систему общедоступной, легко осваиваемой, способствует достижению скорых и очевидных результатов.

Любые препятствия, казавшиеся непреодолимыми, расступаются, стоит подойти к ним с симоронской позиции. Такие понятия, как болезни, отсутствие средств к существованию, конфликты со своим окружением, теряют значимость. Человек выходит из этих ситуаций, как актер из трагедийного спектакля, снимая с себя грим и подставляя лицо свежему ветру... Мы как бы рождаемся заново, для нас открываются возможности, о которых мы и не подозревали. Диапазон этих возможностей лишь частично может быть представлен такими природными талантами, как ясновидцы, целители, «маги» и т. п.: симоронское **Я** неизмеримо шире любой специализации, доступной человеческому воображению.

8 Сделав программу школы СИМОРОН опорной платформой своего бытия, мы вправе считать себя «законными»

членами сообщества, жизненная территория которого простирается далеко за пределы известных нам очертаний пространства-времени.

Итак, друзья, вы пробежались по симоронскому фарватеру и, конечно, вряд ли разобрались с ходом в его течении. Для этого придется фундаментально погрузиться в реку...

Однако давайте еще осмотримся, пощупаем пальцем ноги, насколько холодна-горяча в ней вода. Зададим несколько вопросов авторам, благо вот они — рядом. Внимательно выслушаем ответы. Это поможет не упустить главное при дальнейшем чтении.

Что означает название «Симорон»?

Что значит вообще любое название? Набор звуков, которые должны помочь как-то отличать один предмет от другого. Скажем — «кенгуру»... Что рисуется нам, когда мы слышим это слово? Забавное животное с шерстяным карманом на пузе и пружинным хвостом. На самом же деле это в переводе: «Я вас не понимаю...» Именно так ответил австралийский абориген англичанину, сошедшему с корабля и задавшему вопрос по поводу скачущего невиданного зверя. Понятие «симорон» — из той же оперы. Хотите — наполните его таким смыслом: «*See more on...*» Или: «*Seet or on...*» А лучше — переведите, примерно, так: «*Синяя редиска на треугольной щеке милого аэродрома, который чешет лапу подоконника своей кухни*». Думается, это будет точнее всего.

Издано некоторое количество книг,

где делается попытка описать

симоронские приемы.

Но те, кто открыл СИМОРОН,

обозначил это явление, до сих пор

молчали... Почему?

Помните классическую притчу? Слепые путники нагнулись на слона. Один погладил хобот и сказал: «Змея».

Другой обнял слоновью ногу и сделал вывод: «Столб». Третий нашарил разлапистые уши: «Листья лопуха»... То, что вы называете симоронскими приемами, — именно такие «уши» и «хоботы», отдельные черты целостного явления, не передающие его настоящего содержания. Можно успешно пользоваться той или иной техникой, но это примерно то же, что забинтовывать ранку: станет легче, тем не менее корни недуга окажутся незатронутыми и через какое-то время дадут новые всходы. Поэтому, придумывая, разрабатывая эффектные и эффективные *психотерапевтические* приемы, приведенные в упомянутых книгах, мы понимали, что все это — лишь приближение к системе, что истинные ее возможности вырисуются тогда, когда удастся увидеть «слона» целиком. Это далось не сразу, ушли годы... Но теперь, когда метод кристаллизовался, когда в нем не осталось практически ничего необязательного, «бинтовочного», можно честно говорить о СИМОРОНЕ как таковом. Не о «таблеточном» наборе на тот или иной случай, а о программе, способе существования, обещающем переход к принципиально иному качеству жизни. Это упраздняет необходимость в разных техниках: найдена единая, предельно простая технология, пронизывающая систему во всех ее аспектах. Ныне мы точно знаем, к чему ведем своих учеников. Вот почему книга наша появилась только сейчас.

**Следует ли из сказанного,
что о «раннем» Симороне
целесообразно забыть, что давние
ваши приемы не работают?**

Отчего же... Работают — и еще как! Вопрос лишь в том, что человек ищет в системе: «скорую помощь» или выход на новые рубежи своего бытия, тотальное освобождение от слепоты. На втором пути тоже распутываются проблемные узелки, но, во-первых, это происходит походя, незаметно, во-вторых, они не завязываются вновь, поскольку

мы покидаем игровую площадку, где культивируются данные приключения.

Так кто ж такие авторы СИМОРОНА, скрывшиеся под таинственными именами?

Как вам сказать... Двуногие существа, которые истоптали за время пребывания на третьей планете Солнечной системы не один десяток пар обуви. В процессе чего переходили из одного помещения в другое, вынося оттуда дипломы и звания: на всесоюзных театральных смотрах (режиссерская и актерская работа в театре), на кинофестивалях (сценарная деятельность в научном и игровом кинематографе), на защитах ученых степеней (по философско-психологической тематике)... Попутно еще выращивали картошку на даче, пылесосили квартиру и иногда кричали «горько» на свадьбах своих друзей. Все. Остальное — в жэковской домовой книге и в квитанциях на оплату телефонных переговоров.

Кто первый сказал «э»? Были ли у вас предшественники, чье влияние вы ощущали больше всего?

Безусловно были. Это — огромное рассветное солнце, стремительно поднимающееся над кромкой дымчатого горизонта... Это — журавль, который чинно переступает по заливному лугу и по-нарциссовски любит свое отражение в лужах... Это — буйная аллея апрельского абрикосового цветенья... Это — искрящаяся радугой струйка у «мальчика-писс» в Брюсселе... Это — почти что бразильский карнавал на танцплощадке в городском парке, где девушки-бабушки, вспомнив юность, лихо отплясывают танго... СИМОРОН выплеснулся из этих истоков как гейзер, заполонивший наше внутреннее пространство. Что касается имен, то, конечно же, мы не прошли мимо исследователей разного толка, древних и нынешних, ища близких

нам по духу. Их немало, но назвать кого-то чистым единомышленником вряд ли возможно: у нас свой путь.

Если СИМОРОН — это так просто, то почему человечество столько лет мучалось, не в силах открыть истину?

А нужна ли человечеству «истина»? Есть хорошая сказка у кого-то из старых русских писателей. Жили-были люди в болоте, в полной мгле, и жизнь эта их устраивала, поскольку другой они не знали. Но ходили слухи о том, что где-то, за тридевять земель, расположен край, озаренный светом ярчайших звезд... Периодически смельчаки отправлялись на поиски, никто из них не возвращался. Но вот однажды небо стало светлеть, и в поле зрения появился один из таких искателей. В высоко поднятой руке он нес звезду, излучавшую сияние... Герой взошел на центральную площадь, и мир вокруг стал праздничным. Люди ликovali, радовались новым ощущениям... а потом посмотрели друг на друга и впервые при свете дня увидели, насколько они безобразны, пропитанные болотным смрадом и покрытые язвами... И возник ропот. «Если бы не этот звездоносец, — возмущался народ, — все было бы, как прежде, мы бы не знали, как выглядим...» Толпа угрожающе двинулась к площади, окружила героя, руки потянулись к звезде... Но она вдруг сама с шипением упала в жижу, погасла. А с нею — и тот, кто держал ее. Оказалось, звезда горела, питалась его жизненной энергией, и когда та иссякла, все закончилось... Вновь наступила темень, история эта потихоньку стала забываться, люди не замечали уродств друг друга, были по своему счастливы...

Еще Горький когда-то писал: «Основной стон и крик большинства — не мешайте нам жить, как мы привыкли». Так что человечеству СИМОРОН ни к чему: смысл его существования — в борьбе за существование. Это питает, вооружает задачами, целями, придает жизни «вкус»... Из шести

миллиардов людей, живущих ныне на планете, может быть, одна десятая-сотая процента морально готова к освобождению.

**Но, может, философия СИМОРОНА
для многих сложна, непостижима с ходу?
Мысли, которые авторам кажутся
такими естественными, требуют
«перевода» на общепринятые
представления, а это не всегда
получается...**

**Имеет ли смысл излагать систему
несерьезным языком,
как это принято у симоронистов,
не отталкивает ли это некоторых
из тех, кто хотел бы приобщиться к ней?**

«Несерьезный» язык — способ разоблачения, о котором говорилось выше. Беда наша в том, что мы цепко держимся за языковые формулы, этикетки, присвоенные тому или иному явлению, хотя интуитивно чувствуем, что они далеко не отражают содержания этих явлений. Расплатать иллюзорную стабильность, законсервированность понятийного словаря — значит обеспечить большую маневренность и свободу в наших операциях с реальностью. Невозможно задуматься над смыслом той смешной чепухи, которую неустанно исторгают уста симорониста, — ибо традиционного смысла в ней нет. Зато есть приглашение к творчеству, созданию новых форм, структур, отношений, не знаемых доселе людьми. В принципе, наши ученики легко включаются в этот процесс, который сравнительно быстро вводит их в стихию беспрестанных открытий. Это наслаждение, которому нет аналогов...

Ну а те, кто упорно твердит: «Вот это стул — на нем сидят»... что ж, их право. Убедить их в том, что стул — это

бо-ольшая гребенка для расчесывания малого количества волос на бо-ольшой голове... или молоток для одновременного забивания четырех гвоздей, — невозможно. Да и нужно ли? Пусть себе живут спокойно на белом свете, где, кроме СИМОРОНА, есть еще столько всякого разного...

Нужны ли какие-то особые качества, чтобы овладеть симоронским методом?

Самое главное — чувство юмора. Оно изначально помогает относиться ко всему вокруг как к чему-то «невсамделишному», бутафорскому. Это — первый шаг на пути к независимости от шаблонов, стереотипов, с него начинается наше генеральное раскрепощение. Если человек постоянно озабочен, живет в ожидании бед, катастроф, прислушивается охотно ко всему, что мало-мальски может подтвердить эти ожидания, — он вряд ли состоится как симоронавт. Такие люди приходят в школу в надежде, что им выдадут «волшебную палочку», стоит взмахнуть которой — как все изменится... Работать над собой они не умеют и не хотят, симоронская наука проходит мимо их ушей. Естественно, надолго у нас они не задерживаются.

Из чего вытекает: готовность к преображению, самораскрытию — второе важное качество наших студентов. Работа эта не обременительна, не требует душевных или физических затрат, выполняется с удовольствием... Но тем не менее без нее воз не сдвинется с места.

Третья существенная особенность — умение начинать с «белого листа». Сознание человеческое замусорено множеством разнообразных отрывочных сведений, полезных и бесполезных. Наложив на этот грунт новую информацию, мы, как правило, лишь придаем некоторый свежий привкус своей обычной ментальной «жвачке». Все возвращается на круги своя... Поэтому лучше всего и быстрее симоронским мастерством овладевают те, кто не утратил способности удивляться миру, в ком не угас детский наив.

**Что читатель найдет в этой книге?
Описание истории СИМОРОНА
или новейших авторских открытий?
Теоретические рассуждения
или четкое изложение методики?
Нечто, над чем он может поразмыслить,
руководство к действию или инструкцию
о том, как жить дальше?**

Все это плюс — неизбывное ощущение «новогоднего утренника», которое сопутствует всем симоронским начинаниям. Эта атмосфера постоянно «витает» на занятиях нашей школы, где не умолкает смех. Примерно того же сорта, что у одного юноши, который задорно хохотал во время исполнения на концерте печального романса. Когда его спросили: «Что тебя развеселило, Ваня?», — он ответил: «Так она же так здорово пела!»

К сожалению, книжные страницы не могут передать полноценно эту стихию улыбочивости, живого озорства. В какой-то мере мы попытались компенсировать названный недостаток за счет «буффонной» стилистики книги, «опереточности» ее персонажей: может быть, в этой подаче прочтется тональность занятий в симоронской школе и читатель сможет представить себя их участником.

Однако можно точно обозначить, чего в этой книге нет. Нет зовущей, сверкающей рекламы: подлинность не нуждается в позолоте. Меньше грома и молний — больше конкретного дела. Мы не опираемся на предположения, допущения, натяжки, не делаем ставок на энтузиазм, эмоции, на эпизодические «чудеса» у отдельных лиц, не показательные для других людей. Все, что здесь предлагается, отличается предельной *предметностью*. В книге нет ни одного случайного, лишнего слова, ни одной рекомендации «так, на всякий пожарный», ни одного совета, выполнение которого требует особых условий или усилий, который может быть применен без стопроцентной гарантии успеха.

Придирчивый читатель легко обнаружит, что весь материал — от корки до корки — апеллирует к фактам, лежащим на поверхности, не притянутым за уши, не могущим быть истолкованными так или этак.

**Для кого предназначена
данная книга: для новичков или тех,
у кого за плечами уже не один день,
месяц, год пребывания
в СИМОРОНЕ?**

Полагаем, она будет интересна и тем и другим. Первым — по причине непосредственного погружения, не заслоненного предшествующими представлениями о системе. Окунувшись в симоронские «волны», они остро почувствуют тот очищающий душу и тело «озон», который так привлекает задыхающихся в смоге социума людей. Правда, с непривычки, возможно, им придется перечитывать некоторые разделы по несколько раз: текст достаточно насыщен и не предрасполагает к позевывающему перелистыванию, лежа на диване. Это сделано намеренно: отступного читателю мы не даем. Хочет прийти к реальным результатам — динамичный, экспрессивный поток информации станет тем трамплином, который вынесет его на гребень. Просто пошуршит страницами — и поставит через час книжку на полку, где уже выстроились тома «просветительской» литературы, зовущей человечество к полету и ни звуком не поясняющей, что делать *конкретно*, чтобы вырастить у себя крылья.

Другая категория предполагаемых читателей — люди, так или иначе знакомые с симоронскими взглядами. Или, по крайней мере, с их отдаленным подобием. Довольно пестрая компания: здесь и те, кто в свое время прошел бурлановскую школу — в нашей подаче или через наших активистов-учеников; и те, кто узнал о СИМОРОНЕ из упомянутых выше книжек, статей, Интернета или из уст друзей, обучившихся методу; наконец, немалая группа участников

различных психо-мероприятий, семинаров, не имеющих отношения к СИМОРОНУ, но использующих его вывеску и некоторые его идеи, термины. Книга, надеемся, поможет всем поставить точки над «i»: одним — углубить свои представления и навыки, другим — узнать, что в действительности представляет собой СИМОРОН и, при желании, примерить на себя его возможности.

Для этого придется, конечно, не только *читать*: перед вами — своеобразное практическое пособие по овладению методом, уроки, последовательно ведущие к симоронским вершинам. В школе, на стационаре, на их проработку уходит несколько месяцев. Люди тренируются на занятиях, выполняют домашние задания, обмениваются опытом... Сколько времени уйдет на освоение системы у того или иного читателя — зависит от него самого. Единственное, рекомендуем не спешить, не рваться вперед, пока предшествующие практики не отольются в устойчивый навык. Беглость в учебе — причина поверхностного полужнания, мы же заинтересованы выпустить мастеров.

Последний вопрос — от имени

«непонятливого» читателя:

«Что все же я получу от общения с этой книгой? Смогу ли помочь себе и близким людям? Кем я стану?»

Не сомневайтесь: будете есть-пить — не отравляясь, производить продукцию — качественную, получать зарплату — по достоинству, служить отечеству — отменно, вырастить потомство — талантливое, жизнеспособное, спасать-выручать ближних и дальних... Но все это теперь — как бы само собой, без натуги, стараний. То есть ничем таким *специально* заниматься уже не понадобится: существование ваше отныне — сплошное творчество, не утилитарное, не привязываемое к копейке или к народнохозяйственным нуждам, не имеющее задачи и сверхзадачи. Жизнь по призванию, нескончаемый праздник...

Между нами

Книга эта, возможно, еще нескоро бы встретилась с вами, друзья, если бы не ваша настойчивость. На протяжении многих лет мы слышали голоса отовсюду: «Отзовитесь, Бурланы! Неужели так сложно повторить на бумаге то, что вы ежедневно произносите перед своими учениками?»

Но явственнее, громче других в этом хоре звучал призыв из Питера. Известное издательство «Прайм-ЕВРО-ЗНАК», можно сказать, не давало нам передышку, напоминая чуть ли не каждый месяц, что тысячи читателей ждут встречи с Симороном «из первых рук». И мы — сдались... И не жалеем. Особенно ощутимой стала для нас поддержка руководства издательства (М. Чураков) и редактора (Н. Мигаловская) в последний период работы над материалом, приближения его к печатным требованиям. Редко встретишь такую неформальную, человеческую заинтересованность в том, чтобы книга получилась качественной во всех отношениях.

Поскольку заинтересованностью этой подвижны все, кто воодушевлял нас своими ожиданиями, мы очень надемся, что не подвели вас. И что страницы эти станут для вас, друзья, путеводителем по самым путаным тропинкам житейского лабиринта.

Попутного симоронского ветра!

Петра и Петр Бурланы

ПРЕДЫСТОРИЯ

С чем
его едят?

Симорон.

СИМОРОН.

СИ — МО — РОН!

Может, еще громче? Не стоит? Тогда объясните: что это за фрукт такой — Симорон? С чем его едят? Не знаете? Вот и мы до конца не знаем. Честное слово. Хотя сами придумали это слово и носимся с ним уже пару десятилетий. Не только мы. Выйдите на улицу, прислушайтесь: у каждого пятого-десятого на устах — Симорон. По телевидению сообщение: «В передовом совхозе “Туда!” свиноматка Марфуша *осиморонилась*». Американцы называют свою ведущую фирму «*Simarpon*»... Дюже, значит, пришлось по вкусу народу. Взяло, так сказать, за душу. Не отпускает.

Когда ж это бедствие началось, в какой день и час?

Возможно, в тот самый, когда один из нас, авторов этой книжки, Петр Бурлан, вознамерился прохладиться в доморощенном азиатском бассейне, вырытом в глинистом иле, где обслуживали ишаков и верблюдов. Не так уже возрастом был он велик, чтобы заметить: шаг-другой в это скользкое месиво — и назад пути нет. Но на дворе — полсотни по Цельсию, верблюды плещутся, как моржи с тюленями. Бултых и... ноги уже не чувствуют дна. Малыш барахтается, отдаляясь от берега... Вдруг слышит: *нечто* ведет его, подталкивает... выталкивает из воды...

Осиморонилась...

Взяло
за душу...

Нечто...

Подталкивает...

А может, случилось раньше — в роддоме. Петра Бурлан, отсидевшая в животе у мамы положенное, внезапно затихла. Ни гугу. Врачи, конечно, подсустились, вытянули репку... Но какую! Синюю, как синяя птичка-курочка за 80 копеек в советском гастрономе. Шлеп туда, шлеп сюда — опять ни гугу... Прошли годы, и Петра вспомнила, как, вопреки диагнозам и слезам, *нечто* пробудило в ней жизнь. Иначе на обложке вы не увидели бы ее имени...

Что же это было? Провидение? Ангел-хранитель? А если серьезно?..

В разные периоды своего возрастного становления каждый из нас, Бурланов, испытывал ощущение *неприсутствия* в собственном теле. Будто находимся мы где-то вовне и наблюдаем за приключениями своей личности как за сторонним объектом. Та же, примерно, ситуация, что в театре кукол, где живой человек управляет петрушкой, нахлобученным на руку. «Живой человек» — это как бы наша подлинность, а то, что на руке, — одежда, прикид...

Временами ощущение забывалось, иногда — особенно в решающие моменты жизни — ярко всплывало, задавая тональность поступкам, событиям нашей биографии. И оказывалось, что события эти — малозначащие, что не они определяют суть того, в чем мы обычно участвуем. Что суть эта лежит за пределами повседневных прогулок между пунктами «А» и «Б».

Конечно, мы, Бурланы, в этом плане не уникальны: многолетние контакты с разнوماстной публикой показали, что чувства такого свойства испытывают сотни, тысячи... Однако, не в силах познать природу данного явления, соплеменники интерпретируют его в нескольких ракурсах. Первый, расхожий: мощные внешние инстанции (боги, духи, инопланетные цивилизации...) координируют всякий наш шаг. Другой взгляд: человечество выделяет из себя, создает коллективное энергополе (эгрегор), обладающее известной автономией и держащее под прицелом каждого индивида. Третья позиция изложена выше: внутренний *Кукловод* и наружная *кукла*. Нам это представляется очевидным, поскольку подтверждается не умозрительными гипотезами,

а целостным мироощущением любого непредубежденного Иван-Иваныча (см. следующую главу).

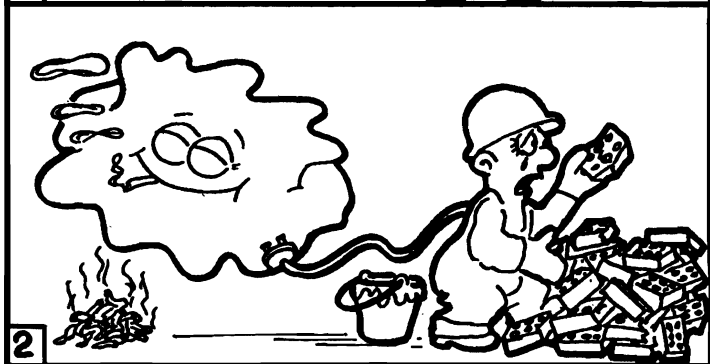
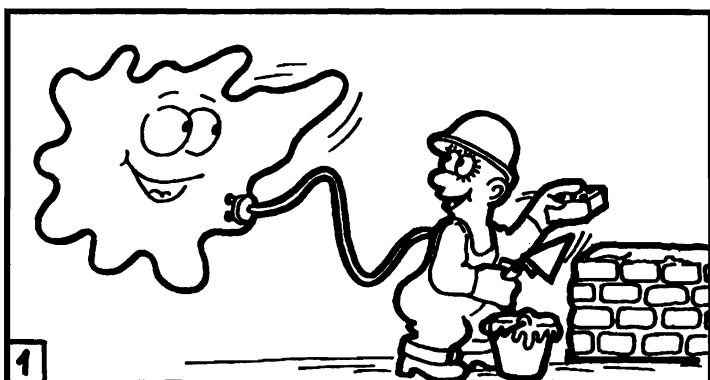
Итак, человек — «двуликий Янус»: *шестерка* и одновременно курирующий ее *туз*. Периодически мы сознаем себя преимущественно в одной из этих ролей — над театральной ширмой или в тени, за нею. Чаще — над, в качестве персонажа житейской игры. Но если не забывать, что куратор рядышком, за тонкой перегородкой... Намечается какая катавасия — постучали в стенку: «Але, нужна помощь!» Беда в том, что оттуда, с той стороны, подчас никакого ответа. Будто оглохли там или удалились на перекур. Можно бы и подождать, но перекуры нередко затягиваются...

Есть и другое подозрение. Когда-то один отечественный фантаст придумал историю о том, как земляне осваивали Юпитер. Поскольку планета эта жутко холодная и вообще вредная для здоровья советского человека, на ее поверхность был выпущен робот. Специально устроенный так, чтобы плавать в тамошних аммиачных морях, как на курортах Алупки-Алушты. Оператор, управляющий этим роботом, сидит в орбитальной станции над Юпитером и страшно завидует ловкому, как Валера Леонтьев, пловцу. В связи с тем, что он, оператор, весь из себя развалина, пациент разных клиник... И вот, в какой-то момент, не утерпев, переселяется «душой» полностью в тело робота и отдается кайфу...

А что, если наш *туз* временами ведет себя так же? Увлеченный приключениями *шестерки*, растворяется в ней, забывает о своем чине-должности? Очень, очень похоже...

Значит, задача у нас чисто хирургическая. Как в случае с сиамскими близнецами: разделить надвое. После чего взять бразды в собственные руки, то есть переместиться в операторское кресло. И тем самым снять с повестки вопрос о слепых блужданиях личности, ее победах и поражениях.

Дело за малым: нащупать рычаги управления. Но... где? В какой аппаратной? Наш мозг? Сердце? Аппендикс? Может быть, невидимые чакры? Где, где размещается этот командный пункт, как к нему достучаться? Сложность ведь в том, что кирпич пытается объять здание, частью которого является...

Начались многолетние поиски. Мы создали в Киеве студию творческой импровизации, где добровольцы выплескивали наружу фонтаны непредсказуемых откровений, побуждая наблюдать в действии их источник. Затем — «Театр на стульях», подхвативший эстафету этой студии и в течение полутора десятилетий исследовавший в хэппенингах механизм спонтанной гениальности. Работа над первым советским фильмом о «паранормальных» явлениях «Информация для размышления» и по ходу ее — встречи с феноменальными людьми, демонстрировавшими вещи, которые не вписывались ни в какие представления. Погружение в классическую и нетрадиционную психологию, эзотерику, идеи Востока и Запада...

И вот, наконец, ощущение, что жар-птицу удалось зацепить за хвост. 1988 год. Первые учебные группы. Первые «ошеломляющие» результаты: выход из череды недугов и неудач, успех за успехом у тех, кто начал применять Симорон. Воображение лихо подсказывает прием за приемом, технику за техникой... Эффективно, наглядно, ощутимо — что еще нужно? Освобождение от вековой борьбы за существование, превращение жизни в *парение*, путешествие по беспроблемной и беспрепятственной траектории... Казалось: стоит хорошенько впрячься в придумки, которыми мы пытались потеснить в мозгу банальность традиционных взглядов, и путешествие это не будет иметь конца...

Вот они, находки раннего Симорона. Бывали ли вы в планетарии? В центре зала — шар, в середине горит лампа, освещающая его внутренние стенки (первый экран на пути излучения). Но шарик — дырявый, сквозь дырки просачиваются лучи, вырисовывая на потолке зала звездное небо (следующий, второй экран). Расшифруем эту метафору применительно к нашим потребностям: лампа — глубинное Я, затем личность, затем ее продолжение — внешний мир. То есть все, что находится там, за чертой личности, обязано своим существованием ей, ее «пропускным» возможностям. Если какие-то щелки замусорены, лучи через них не проходят, — стало быть, мы увидим на втором экране картины

ущербности, недостаточности света. Получается, наши собственные болезни и беды — причина аналогичных явлений во внешней среде. Живут себе мирно-тихо сограждане, наслаждаются ДеЦлом и капучино, и вдруг начинают усердно кашлять, объявлять соседку бабу Груню врагом нации и ходить нагишом по городу с транспарантами «Долой стыд!» А все потому, что вы, дорогие друзья, персонально вы, выпустили из своих недр некую пакость...

Впрочем, если вас мучает совесть, подскажем выход. Само собой разумеется, панорама, распластавшаяся на потолке, — посolidнее, нежели мелкотравчатая картинка внутри шара-в-дырочку. То, что в нашем теле едва зарождается, выглядит на этом экране более крупно, развернуто: можно рассмотреть, в какие кущи разрастутся сегодняшние побеги через некоторое время... Используем же данные изображения как сигналы, предупреждающие о будущем, и, таким образом, избежим собственного погружения в неприятности и приостановим тех, кто рвется туда по нашей путевке.

Хорошо, мы поняли, что личные наши пропускные щелки забиты грязью. Вопрос: как же теперь убрать ее? Оказывается, проще простого: узрев вне себя очередной сигнал, чистосердечно *поблагодарим* его за подсказку. Так, как если бы он был живым существом, добрым нашим приятелем *Ванечкой*... И недуги с горестями уйдут, не успев разгореться.

Комментарий психотерапевта N. Когда люди кого-то благодарят, они тут же начинают его любить. Ненадолго, пока парение... то есть испарение изнутри выходит. И пока этот выход осуществляется, у них снимаются внутренние зажимы, противостояние тем или иным обстоятельствам. И удивленные, застигнутые врасплох обстоятельства могут ответить тем же. Правда, в таком же скоростном режиме. Чмокнули друг друга в щеку — и разбежались. Потому как — дела. До следующего приступа благодарности. В промежутках же, в остальные 23,99 часа, можно и мордобитием поразвлечься, отдохнуть...

24 Все это послужило причиной того, что красивый наш планетарий накренился, а затем и рухнул, как карточный

домик. Если тон всему задает безупречный супер-светильник, то каким образом он может пятнить озаряемую им территорию? С чего бы он заискивал нашими устами перед этими пятнами? И почему не способен ублажить их за раз так, чтобы не было больше нужды к данной операции возвращаться? (Один наш весьма уважаемый ученик подсчитал как-то, что в течение дня пришлось говорить сигналам «спасибо» 800 раз — только таким способом удалось справиться с назревающими проблемами.) Если же кукловод уцербен, если его самого не мешает сдать в химчистку, то на кой ляд, извините, нам такой надобен?..

Словом, благодарственная эйфория вскоре стала для нас блекнуть. И к середине 90-х годов в головах наших родилась новая «спасительная» идея — *переименование*.

У Сергея Михалкова есть басня «Лев и осел». Однажды кто-то в шутку или по ошибке повесил на клетке льва в зоопарке табличку: «Осел». Проходящая мимо публика удивлялась несходству, но — мало ли какие аномалии попадают в природе... Напрасно царь зверей уговаривал, доказывал: «Ребята, это неправда, я истинный Лева!» — рычал, тряс рыжей гривой... Басня заканчивается так: «И как-то на заре из логовища льва вдруг донеслось ослиное “и-а-а”...» То есть сама жертва дезинформации уверовала в приписываемый ей образ.

То, чем мы себя обычно считаем, есть сумма наших отражений в окружающем пространстве. Если сместить точку зрения, увидим совершенно иную картину, ничего общего не имеющую с нашим представлением о себе. Присвоив этот *чуждый* образ, мы как бы перечеркиваем сложившиеся отношения с миром и устанавливаем возможность других отношений, в которых не будет прежних разрушительных, губительных для нас тенденций.

Например, на прилавке — сало, на голове у продавщицы — чепчик. Разрешите представиться: «Я не Вася, за которого все принимали меня до сей поры, я — продавщица в чепчике, которая торгует салом». Или — наблюдаю летящий на посадку самолет и собаку, пьющую из лужи: «Я тот самый самолет, который летит мимо собаки, пьющей

из лужи». Или — смотрю на начальство, которое тискает секретаршу: «Я — начальник, целующий секретаршу». Этого оказывается достаточно, чтобы гаишники, постоянно штрафовавшие меня, отныне отдавали мне честь. Ибо давешнего неудачника Васи они перед собой не обнаруживают...

Одно неудобно: выглядеть круглые сутки *салом* или *самолетом* — непросто... Нет-нет да и проскользнут сквозь маску выдающие нас «паспортные» черты. Что ж, не будем держаться жестко за один образ — будем менять их, как носовички, хоть сто раз в минуту. Эта процедура получила у нас название «скользящего» переименования: безостановочно прячемся за любые встречные предметы, явления, возникающие в поле зрения, свободно комбинируем их названия, не задумываясь о «дозволенных» грамматических-синтаксических связях между ними. Скажем: «Я тот, кто закутывает сало в чепчик», «Я та лужа, которая летит на собаку и пьет самолет», «Я левый ус начальника, секретарящего поцелуй». Вроде бы панацея найдена: смотри неусыпно вокруг — и объявляй себя без пауз одним, другим, третьим... Совокупность автопортретов сложится в универсальный образ исходного Я — того самого куратора-шефа.

Правда, маленькое сомнение: для чего куратору доказывать самому себе, что он многолик? Что за утомительная потребность? Иными словами, тот ли это оператор, чье кресло манит нас? Вместо ожидаемой безоблачной жизни — бессменная потогонная работа, вызывающая, в конечном счете, раздражение, отторжение...

Шло время. И, повздыхав печально по поводу ненадежности собственных изобретений (а их было намного больше, здесь описана только часть), мы поняли, что развивать Симорон можно в двух направлениях. Первое. Безжалостно развенчиваем эфемерность, утилитарность всего, за что держимся. Обеспечиваем такое капитальное «срывание крыш», чтобы некогда было задуматься о том, где ты находишься и что с тобой происходит. Выбиваем себя из контекста осязаемой реальности, ввергаемся в пучину абсур-

да, парадоксов, иносказаний, рассчитывая, что творческое наше **Я**, вскрытое таким способом, само по себе зазвучит в полный голос, наступив на горло «малоформатному» бытовому опыту. Естественно, опыт этот ни в коем случае не должен быть печкой, от которой мы пляшем: если держать в тылу задание — менять жизнь в лучшую сторону, двигаться к здоровью, достатку и т. п., — крыша далеко не улетит. Будет буря в стакане воды, то есть просто шипучка, газировка. Ну а перережем канат, привязывающий нас к этому миру, — по какому адресу нас тогда искать?.. Иными словами, описываемый вариант — для десятка смельчаков, рискующих потерять или приобрести все одним махом. Которым в принципе никакой Симорон не нужен. На худой конец — в их распоряжении куча способов психологического экстрима, медитативной или галлюциногенной самонаркотизации...

А как же быть с остальным народонаселением, не склонным к каскадерству? Для него — направление № 2. Честная кукла вряд ли ответит себе на вопрос, какой род занятий, какая судьба для нее перспективнее. Ниточки дергает кукловод, и совершенно очевидно, что, поскольку такая работа ему интересна, это — не бесстрастный всевидящий Абсолют, Хозяин, Автор, а лишь персонаж вселенского театра, занимающий чуть более высокую иерархическую ступеньку, нежели личность. И сыграть с ним партию «кто кого», не так уже сложно. Перехватив их, ниточки, мы обнаружим дороги, о существовании которых, возможно, и не ведали. И, если таковое случится, с удовольствием, вдохновенно двинемся в новых направлениях, напрочь забыв о темах-проблемах, которым были отданы силы в прежние времена. Во всяком случае, заботиться о них уже не придется: они разрешатся походя, без наших стараний...

Итак — честность. Не опираемся на домыслы-помыслы, не оглядываемся на авторитеты. Даже на тот, в руках которого, возможно, упряжь для всех управителей. Разобраться бы с синицей в собственной руке, прощупать ее пальцами... Стерильно вымытыми, так чтобы не осталось

ШПАРГАЛКА I

Первые слова по поводу Симорона сказаны. Если они прорисовали в вашем сером веществе тропинку, можно приступить к ее расширению путем листания следующих страниц. Но — рекомендуем все же сдать мини-зачет: насколько понято то, что должно быть понято. Дабы не случилось заторов на дальнейшем пути.

В помощь — шпаргалка:

«Человек напоминает собой айсберг: внизу, под водой, — его главная, невидимая основа, снаружи — наблюдаемая верхушка. Подводный фундамент задает тональность этой верхушке — примерно так, как артист кукле, надетой на руку. Если кукловод исправно выполняет свои обязанности, то и ведомый им персонаж демонстрирует уверенность, силу, благополучие. Но стоит управляющему отвлечься — увлечься, как вверху начинаются шатания... Забывчивым его делает, скорее всего, пылкий интерес к тому, что происходит над ватерлинией. Представьте себе футбольного судью, который, возбужденный игрой, сам побежал за мячом...

В нашей жизни такое происходит довольно часто — начинается игра без правил. Нельзя ли перевернуть ситуацию наоборот — так, чтобы в нужную минуту кукла могла занять позицию своего шефа? Используя его масштабные возможности, она наверняка увидит выход из любых неожиданностей.

В течение многих лет мы, авторы симоронской идеи, пытались найти короткий и эффективный путь к осуществлению этой задачи. Ее удавалось решить частично. Причиной была неточная исходная установка: наделение кукловода универсальными свойствами, приравнивающими его к Абсолюту. В этом случае открытым остается вопрос, как вообще возможны промахи со стороны столь совершенной инстанции. И как объяснить необходимость исправления своих ошибок, приписываемую ей (приемы «благодарения», «переименования» и т. п.).

Нынешняя наша позиция исключает какую бы то ни было самомистификацию, самообман. Вещи называются своими именами. Все поверяется личным опытом, не допускающим досужих толкований. Результат — действующая система «Симорон». Действующая».

Зачет сдан? Все разложилось по полочкам? Темных мест не осталось? Тогда — вперед!

Впрочем, в быстротекущую нашу эпоху не принято горбиться за столом, перелистывая двадцатитомник Шекспира или Толстого. Достаточно включить «ящик» — и на вас обрушатся страсти Отелло и Анны Карениной. Через пару часов можно будет не только блеснуть знанием классики, но даже и преподать ее другим жаждущим. Вот и подумалось: к чему отнимать драгоценное время у наших читателей? Неужели Симорон столь сложен?..

Словом, для тех, кому не терпится, кому недосуг вникать, ниже — упрощенный Симорон. Как из «ящика». С картинками и фантиками.

ДЕРНИ ЗА ВЕРЕВОЧКУ...

В жизни Галактики...

Однажды...

Однажды в жизни нашей родной планеты...

...нет, к чему мелочиться, — в жизни Галактики, Космоса...

...произошло уникальное событие: на свет появился Иван Иванович. То есть шли себе столетия-тысячелетия, крутилось туда-сюда солнце, возводились и разрушались города, рождались и исчезали народы... И все протекало без Ивана Ивановича — без его участия. Ни в одном из названных мероприятий он лично замечен не был, ни в каких летописях, протоколах и ведомостях на зарплату не фигурировал.

Так продолжалось бы и дальше, если бы о приходе Ивана Ивановича не возвестил победный клич из родильного зала. Представляете? Друзья режутся в козла или пишут пулю, даже не думая его приглашать, поскольку приглашать-то некогда. Начальство объявляет приказ о награждении или выговор — но не ему. Маруся страстно бросается на шею, но... Не будем перечислять дальше. Просто примем к сведению, что мир спокойно существовал бы при полном отсутствии в нем нашего героя.

Рождались...

Исчезали народы...

Города...

Без Ивана Ивановича...

Ну да, какие-то яблони оказались бы непосаженными и какие-то джинсы — несношенными... Так были бы не яблони, а груши, не джинсы, а шорты. Или не были... Эта тема доводит подросткового И. И., не дает покоя.

— В чем уникальность моего прибытия? — говорит он себе. — Во времена прадедовские по Земле гуляла сотня миллионов двуногих, сейчас — шесть миллиардов. Что изменилось? Потребление зубной пасты на душу? Явление хот-догов и ноут-буков? Это лишь декорации — суть та же, что и у неандертальцев... Каков же особый, личностный вклад в мироздание, сделанный мною, Иван-Иванычем?..

Нет у него ответа на этот вопрос. И все чаще приходит в голову слово *трафарет*. Жизнь по трафарету. Трафаретное поведение. Любой поступок, любое различимое движение — повтор того, что тысячу раз уже было. И будет. И даже выход из этой «попугайности», конец земного существования — тоже калька. Римейк многократно прокатанного спектакля.

— Но ведь есть же где-то исходный сценарий, — не понимает И. И. — У кого-то же должен был созреть *замысел*...

...Сравнительно недавно на видеоэкранах мелькнул занятный фильм «Шоу Трумена». Живет себе молодой человек, живет заурядной жизнью современного горожанина: служба, жена, хобби... И вдруг начинает подозревать, что все вокруг как бы ненастоящее. Чувствует, что за ним постоянно наблюдают, координируют каждый шаг... Выясняется, что некая могущественная телекорпорация построила бутафорский город, окольцевала его бутафорским морем, увенчала бутафорским небесным куполом. Наняты сотни актеров, изображающих окружение юноши — его родственников, друзей, прохожих... Реален среди них только он сам. И вот — в стене студийного павильона открывается дверь, через которую можно прорваться в подлинный, натуральный мир...

— Не являюсь ли я таким Труменом? — задает очередной вопрос И. И. — А все вокруг? Каждый — участник большого шоу под названием «жизнь». И редко кто догадывается, что...

Хорошо, догадались. Одни по этому поводу бухнулись на колени — от ужаса или в порыве преданности к Постановщику, другие ринулись к упомянутой выше стене. Проникли, допустим, по ту сторону...

Пульт. За пультом — ОН. Тот самый. Ведет трансляцию, попутно беседуя с коллегами о своей подагре, обещая по мобилке жене не опоздать к семейному ужину...

— Так, так, — шевелит извилинами И. И. — А кто Автор *данного* спектакля? Кто тянет за вожжи *данного* Постановщика?

Ищущий взгляд нашего героя шарит по дверям...

Притча. Птичка обнаружила в своей клетке дверцу и давай долбить замок. Расклевала. Вылетела. Смотрит — давешняя тюрьма ее помещается в другой клетке, большего размера. Принялась крушить новые запоры... Освободилась и здесь, летит... Натывается на решетку следующей клетки, вобравшей все предыдущие. Снова за работу...

Как вы думаете, есть ли у этой истории счастливый конец?

— Все, господа, — окончательно пал духом Иван Иванович. — Никакого тебе просвета, прохода...

Никакого? Вот вам еще сюжетик. Вышел как-то малыш из дому, бредет, вдруг — зеленая дверь в стене (!). Чем-то она его притянула... Толкнул — оказался в саду. Но в каком! Цветы благоухают, как «шанели» всех номеров, птицы разговаривают по-человечьи, люди воркуют по-птичьи... Словом, каждый живет по закону: делай что хошь, только на мозоли встречным не наступай. Да и кому наступать-то, если все выглядят так, будто на парикмахерском конкурсе победили...

И вот что прелюбопытно: сколько ни ищи, ни оглядывайся — никаких садоводов на пушечный выстрел здесь не найдешь. Потому что сад этот — сам по себе сад, без стрижек и укладки.

Прошли годы, вырос герой этой истории, рассказанной Гербертом Уэллсом, и все мечтал снова увидеть свою зеленую дверь...

А вам, уважаемые читатели, она не встречалась? В самые неожиданные минуты, когда надеяться на спасение уже нечего. Ну-ка, гляньте на ситуации, вычитанные из достоверных источников: не с вами ли все это приключилось...

...Берег океана. Только что закончились съемки научно-популярного фильма, киношники сворачивают аппаратуру. Ассистент оператора решил напоследок искупаться. Отплыл от берега метров на пятьдесят, смотрит — летит на него стая акул... Слить невозможно — не успевает. Хищники в двух шагах, оскалили свою стоматологию... И вдруг *что-то* случилось: остановились как вкопанные. Шастают вокруг парня, тычутся носами в его бока... не находят! Так и уплыли ни с чем.

...Самолет падает с высоты пять тысяч метров. Погибли все — экипаж, пассажиры... Кроме нее: Валя отделалась ушибами.

34 ...Чернобыль. Первые дни после аварии. В самом пекле орудут обреченные люди — они не доживут до конца

года. Один из них, полковник Д., здоровствует по сей день. Не подхватил ни рентгена, хотя был защищен не более остальных...

Сразу договоримся: ни жители Сириуса, направляющие землян, ни ангелы-черты здесь ни при чем. По нашему глубочайшему убеждению. Просто однажды оказывается, что *зеленая дверь* — вот она, рядом. Туман, застилавший очи, расходуется, нужно *дернуть за веревочку* и...

...приходят решения, которые не давались годами...

...недуг, снедавший нещадно тело, покидает его сам по себе...

...мы рождаемся заново — для свободного творчества, в чем бы это ни проявлялось — в создании реального *perpetuum mobile* или изготовлении щей, не вкушенных еще человечеством.

— Везение! — комментарий Иван-Иваныча. — Счастливая случайность.

Нет. Случайность — исключение из правил, а *зеленая дверь* — это правило. Исключением является все остальное, то, что требует усердия, преодоления, поисков, борьбы. Картина, которая открывается после такой исступленной деятельности, — всего лишь следующий эпизод нашего житейского «телесериала». Очередная клетка для птички, разбивающей клюв о железо замков.

Как же миновать эти замки? Как высмотреть в многоцветной палитре всяческих дверей именно ту — *зеленую*?

В известной сказке про Али-Бабу хитроумная Фатима, чтобы сбить со следа разбойников, пометила входы во все дома крестиками. Совершенно одинаковыми. Выбирать, сортировать, разделять стало нечего: пропал азарт...

Это похоже на то, что предлагает СИМОРОНСКАЯ СИСТЕМА: сделать *встречные двери зелеными*. Точнее — убедиться, что они таковыми изначально являются. И только добровольный человеческий дальтонизм придает им другие тона.

Наш дорогой Иван Иванович — тому подтверждение. Заблудился, забыл волшебное «сим-сим». Потерял золотой

ШПАРТАЛКА 2

Все. Занавес опускается. Было обещано коротко изложить Симорон — мы выполнили обещание. Еще короче? Пожалуйста. Помните, как в фильме «Бриллиантовая рука» динамично излагается содержание второй серии — «Костяная нога»? Попытаемся в том же стиле...

«Однажды на свет появился Иван Иванович.

— В чем уникальность моего прибытия? — сказал он себе. — Повторилось то, что тысячу раз уже было...

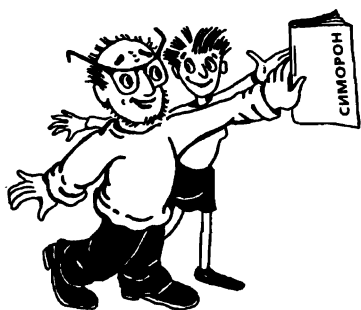
Нет. Мы рождаемся для свободного творчества, в котором не будет плагиата, чужих стандартов, повторения чьих-то бед или радостей...»

Дальше можно не пережевывать. Закрывать книжку.

* * *

Или... если уж очень хочется... открыть. Надолго. На долгую,
долгую жизнь.

КУШАТЬ ПОДАЮ

Теснимся...

Не могу...

Не знаю...

Нет
денег...

В Симорон принято не входить, а вбегать. Влетать. Врываться. В испарине. С криком «SOS!..»

Представьте себе: сидим мы вдвоем, Петра и Петр, пьем чай, закусываем «Киевским» тортом (в Киеве, как известно, ничем другим не закусывают). И вдруг на пороге...

ДЯДЯ В ЛЕТАХ. Не могу прокормить себя и семью...

БАРЫШНЯ. У меня — как в песне: девушка плачет, жениха все нет...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Сердце шалит. Боюсь инфаркта...

ГРАЖДАНКА. Теснимся с детьми в одной комнатухе...

БАБУЛЯ. Ночами не сплю: кошмары...

Кошмары...

Сердце...

Так, так... В подобных случаях лучшее лекарство — наш торт. Желаете разрешить проблему? Отведайте — и все, что мешает жить, исчезнет. Уйдет. Рассосется.

Нет
где
жить...

Не сплю...

Замуж...

Делимся по-братски с гостями. Ничего, у нас «Киевскими» два холодильника забиты. Ждем. Предвкушаем... Сейчас заалеют щеки, закустятся от удивления брови...

Ни в одном глазу. Те же слезы, скупые мужские и щедрые женские. Охи и ахи... В чем дело? Может, продукт попался некачественный? Как же — штамп ОТК, свежая дата. Обмана нет...

Допрос с пристрастием.

Протокол № 1

- Итак, дяденька, по каким таким причинам семья голодает?
- Бабок не хватает.
- А вы их искали?
- Искали.
- Может, не там искали?
- Может. Тычемся-то наугад, вслепую...

Протокол № 2

- Барышня, а барышня... Замуж пора?
- Давно. Пересидела. Смотрю на дверь, жду: откроется и войдет он...
- Уверены, что войдет именно в эту дверь?
- Другой не знаю... Не вижу...

Протокол № 3

- Проблемы с сердцем?
- Они.
- Лечимся?
- Без толку. Не найду эффективного средства. Где оно лежит, на какой полке?..

Протокол № 4

- Негде жить, гражданка?
- Пять человек на двенадцать квадратов. Хоть головой об стенку...
- Непробиваемо?
- Железобетон!

Протокол № 5

- Говорите, бабуля, кошмары...
- Мертвецы, призраки. Стоит глаза сомкнуть...
- Пытались избавиться?
- Возможно ли?..

Сделаем перерыв в заседании и обратимся к вам, досточтимый читатель. Впрочем, вы ведь сейчас, в данную минуту, наверняка в *единственном* числе: кресло, глаза, руки, в руках эта книжка... Как-то не к месту официальность. Что, если с ходу — на брудершафт? Не возражаешь? О'кей! Видишь, насколько все проще стало...

Итак, не вписываешься ли и ты, друг, со своими житейскими темами в оглашенный выше список? Не звучат ли частенько и в твоей душе слова: *не знаю, не вижу, не могу?* Не натыкаешься ли десять раз на дню на запертые ворота, проход через которые не просматривается?

Эти вопросы, конечно, адресованы не тем, кто, пробежав предыдущую главку, вооружился, наподобие Фатимы, мелом и стал метить все преграды. Приватизировал, так сказать, право на входы и выходы.

Давай-ка посмотрим, как получается, что мы с тобой оказываемся перед этими воротами. И подумаем, что сделать, чтобы они раскрылись.

Выйдем во двор. Детская площадка-песочница. Народ, который пешком под стол, возится с экскаваторами и вездеходами, сооружает дворцы и храмы... Вдруг чьи-то слоновьи ножищи прошлись небрежно по стройке, развалив, втоптав в землю надежды архитекторов. Всплеск негодования-огорчения в виде коллективного рева...

Что ж, не останемся безучастными, поможем юному человечеству, восстановим попранное. Три-четыре-пять — и все снова счастливы.

А теперь представим себе то же, но — в масштабе. Бо-ольшая песочница, пустыня Сахара. Среди океана дюн и барханов — цветущие острова-оазисы, плоды рук поколений... И вдруг налетает какой-нибудь самум, в считанные минуты причесывая всю эту красоту под «ежика». Нам не привыкать, три-четыре-пять — и...

Не получается? Как так? Почему?

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЯ. Мы слишком *крохотны* — не хватает сил, расторопности...

Иными словами — бесправные участники спектакля, который поставлен грозными стихиями. Мечемся, тычемся в тупики...

Вернулись к дворовой площадке. Здесь мы с тобой — гаргантюа и пантагрюэли. Нам сверху видно все. Стоит кому пошалить, как...

Есть у тебя под рукой ватман, краски? Запишем торжественный лозунг и вывесим на видном месте:

«Если мы хотим жить,

не ожидая никаких подвохов

от обстоятельств, нужно

РАСШИРИТЬСЯ, ВЫРАСТИ из них —

так, чтобы они оказались

ВНУТРИ обозреваемого нами

пространства».

Наблюдаем сомнение в твоих глазах: легко сказать — вырасти... Как это реально осуществить?

Но подумай, друг-товарищ... всегда ли мы с тобой пребывали в роли гонимых ураганным ветром былинки? Не было ли в нашей жизни периода, когда пустыня выглядела для нас детской песочницей? Если бы данное предположение приобрело статус факта, достаточно было бы просто вернуться на исходные позиции...

«Гипотеза — и не более», — скажешь ты. Согласны. И предлагаем проверить ее, гипотезу. С каковой целью пройдемся по твоей биографии в *возвратном* направлении...

Впрочем, начнем не с тебя. Вспомним, что рядышком в деликатном молчании присутствует энное количество наших гостей, зазря вкусивших *киевского торта*. Продолжим с ними дознание.

Протокол № 1-а

- Напомните, дяденька, что привело вас в Симорон?
- Я же говорил — безденежье.
- Ай-яй-яй... Как думаете, до вас человечество сталкивалось с такими проблемами? Или вы первый?
- Какое там первый... Тысячи, миллионы...
- Выходит, вы включились в известный уже ритуал. Нарисовали в своей жизни беду, которая многократно была нарисована прежде, другими... То есть — как бы *скопировали* ее у других...

Протокол № 2-а

- Вам не удастся создать семью...
- Не удастся.
- Вы не оригинальны.
- Нет, конечно... Многие одиноки...
- И вы решили *присоединиться* к их печальному опыту?

Протокол № 3-а

- Молодой человек озабочен своим сердцем...
- Понимаю. Хотите сказать, что я вольно-невольно *следую* тем, кто болел до меня...
- Разве не так?

Протокол № 4-а

- История с жильем...
- ...которого нет. Жизнь поступила с нами жестоко...
- ...как и с несметным количеством бездомных. Какие вы по счету в этой шеренге?..

Протокол № 5-а

- Монстры донимают бабулю...
- Кровь пьют...
- Им все мало? Мало тех, кто дрожал перед ними столетиями? И у кого вы *позаимствовали* свою дрожь...

Заметь, читатель: перед всеми одна задача — *подсмотреть в щелку к соседям, заполучить то же, что имеется и у них.* Никто не ставит целью, скажем, перетереть на мясорубке крышу своего дома и заварить из этого порошка кофе

по-тюменски. Или научить своего хомяка играть Девятую симфонию Бетховена на стиральной доске. Хотя, если бы процентов двадцать-тридцать землян специализировались в этих направлениях, подражатели непременно сыскались бы. И в немалом количестве...

Извини, но ты... не Иван-Иваныч? Да, да, тот, который... Ты себя к числу плагиаторов не относишь? То, что происходит в жизни с тобой, никогда ни с кем на свете не происходило? Все твои страсти-мордасти первичны, не являют собой повторение чьих-то желаний, заданий, ожиданий?..

Мы обещали прогуляться по твоей биографии. Попытимся назад, в малолетство... Ты тянешься ручками из коляски-кроватки — туда, в загадочное пространство, где непонятные существа свободно маневрируют, не привязываясь к одной точке. Скорей бы встать на ноги, перемещаться по белу свету, подобно им... Почему же, скажи, тебя не устраивает ползание или движение на четвереньках? Не потому ли, что рядом, вокруг — *двуногие*?.. Еще раньше, в колыбели, вокал на тему: «Дайте соску, смените пеленки!..» Не знаем слов *человеческих*, но запросы *человеческие* уже звучат во весь голос. А рождение, появление в мире? Ты же вышел из материнского лона не в виде каракатицы или баобаба — как бы заранее примерился к роду *людскому*! А предшествующее этому событию зачатие? Как так получилось, что две клеточки — мужская и женская — соединились в прообраз именно будущего *Homo sapiens'a*? Откуда им было знать, как должен выглядеть этот *homo*?..

Смотри, до чего мы дотанцевались... Прочертив прямую линию от сегодняшнего твоего портрета к его истокам, обнаружили, что и там, в начале начал, ты занимался тем же — присматривался к другим, обезьянничал, надевал на себя их одежды... Но ведь тебя, как такового, *не было*! Кто же присматривался, кто обезьянничал?..

Сейчас ты откроешь рот и четко все объяснишь. Ответ лежит на поверхности, правда? Уж сколько раз твердили миру: неким верховным силам зачем-то понадобилось вылепить наши личности и прописать их в человеческом обществе. О чем рассуждать, господа? Все мы — зависимые

существа, бесправные исполнители чьей-то воли... Прекрасно. На этом наше исследование закончено. Можно благополучно плыть дальше — в направлении кладбища...

Одну минуту. Рекламная пауза.

Скажи-ка, товарищ-друг, прозвучавшие только что идеи принадлежат *тебе*? Рождены персонально *твоими* извилинами? Или так же успешно списаны у соседей по племени, как и все остальное? Если бы ты появился на свет внутри герметичной бочки и каким-то образом произрос в ней, скажи, пришли бы тебе в голову мысли о Демиурге, Мировом Разуме и т. п.?.. Нет, нет, боже тебя упаси заподозрить нас в махровом атеизме: просто мы *не знаем*, как устроен Универсум, и не хотим копировать *чью-то* представления на этот счет.

Будем последовательны в своих

наблюдениях — этого, ей-богу,

окажется достаточно, чтобы

постичь многое...

Так вот, опираясь на вышеизложенные факты, не следует ли сделать вывод, что ты был на свете *до того*, как в любовном объятии сплелись мамина и папина частички? Причем, был именно *ты* — индивид, особь, не имеющая еще, правда, привычного материального облачения. Если бы нам захотелось в ту пору найти тебя в околосолнечном пространстве, нынешние паспортные данные вряд ли сошлись бы: они ведь характеризуют нечто конкретное, осязаемое, а не бесплотную «эманацию»...

Но, допустим, нашарили мы это облачко, дымку, перли к стене: ты кто?

Женщина али мужчина?

Сколько вам лет, дорогуша?

Каков анализ мочи?

Объем талии?

Предвыборная программа?..

Убеждены, что все эти наши подачи остались бы без
46 ответа... А *сейчас* у тебя ответ на них есть? Точно есть?..

Некогда Кобо Абе, японский фантаст (словно они сговорились, фантасты) сочинил повесть «Совсем как человек». На Землю прилетели с Марса исследователи, которые настолько растворились среди людей, что напрочь забыли о своем происхождении. Сюжет разворачивается в доме одного из таких «заблудших»: строгий инспектор-марсианин пытается любыми средствами восстановить в сородиче память. Бесполезно: тот считает себя исконным землянином...

Так и мы все: с чистой душой заполняем анкету из сорока пунктов, каждый из которых требует врать, врать, врать...

Как же нам назвать себя, друг-товарищ, как обозначиться в *дочеловеческом* — незакамуфлированном своем исполнении? Для удобства, условно, дабы отличать паспортное *я* от «марсианского» *Я*? Пусть это будет придуманное слово — **СИМОРОН**. Никакой такой Симорон, не имеющий вкуса, цвета и запаха.

Фигурально можно представить себе «клювокрыла», пролетающего над нашей планетой, с пассажиром-туристом из неведомого Космоса. Может быть, он проследовал бы себе мимо... но что-то его заинтересовало.

Поставь себя на место этого «марсианина»: пестрая земная суета, какие-то букашки шастают туда-сюда... Чем это они занимаются? Голову даем на отсечение — не догадаешься. Потому что, быть может, нигде больше в мироздании такого явления нет. Итак, раскрой пошире уши (или что там их у тебя заменяет)...

ОНИ — ЕДЯТ!

Едят *воздух* — каждое мгновение, наяву и во сне, в сознании и в беспамятстве...

Едят *воду*, не в силах прожить без нее двух дней...

Едят тела *зверей* и *растений*, прерываясь лишь на переваривание этих тел...

Едят круглосуточно *чувства* и *мысли* существ, подобных себе...

Тотальная зависимость от условий существования на этой планете, постоянная забота о добывании пищи

разного рода, вечный страх нехватки ее — вот что такое жизнь на Земле.

У туриста, если бы ты им был, глаза полезли бы на лоб (или что там его заменяет):

— И что, ничего другого в здешнем репертуаре нет? Никаких иных тем?

Никаких! Что бы ни затевалось — работа, торговля, изобретения, врачевание, строительство и разрушение, мир и война — все это лишь блюда в «общепитовском» меню человечества.

— Странно... Зачем есть друг друга — ведь Вселенная сыта сама собой... Неужели они этого не видят?

Не видят, наверное...

— А может... в этом их занятии есть какая-то особая прелесть? Может, и мне стоит попробовать?..

Не ручаемся точно, но что-то подобное из твоих «уст» тогда прозвучало. Роковое решение принято, остались детали: в каком облике появиться на планете, какую выбрать расу, нацию, пол... Объектов для подражания, экипировки — тьма тьмущая, прыг в назначенную координату!

Так или примерно так сворачиваем мы со своего магистрального пути на космическую обочину, соблазнившись непостижимыми играми ее населения. И — запускаемся во всеобщую земную трапезу, выступая периодически в ролях то едоков, то их пищи.

Пока ты пережевываешь это сообщение, обратимся к нашим давешним гостям.

Теперь вы понимаете, друзья, почему не сработал торт? Слишком мощный панцирь надели мы на себя, панцирь, сплавленный из множества заимствованных, чужих целей, задач... Увидеть сквозь эту толщу проходы-выходы — непросто. Все вокруг настолько вовлечены в «кулинарные» процедуры, настолько ослеплены ими, что полагают: это и есть реальность, и, куда бы мы с вами ни сунули нос, какие парсеки ни преодолели, — повсюду будут слышны запахи той же «кухни». Но стоит сделать всего лишь шаг в сторону, как слетают шоры, шторы, шорты и фиговые листки и становится очевидной эфемерность наших представлений...

ШПАРТАЛКА 3

Контрольный вопрос: обязательно ли участвовать в данном шоу в качестве беспомощных персонажей?

Варианты ответа:

- а) никуда не денешься;
- б) назад дороги нет;
- в) жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо...
- г) ну что вы ко мне пристали?

Мда... Ни одна из таких отговорок не тянет даже на копейку. В любой валюте.

Хорошо, сыграем в игру попроще — в шахматы. Морщины на лбу, просвет в очах: «е-2 – е-4»! Почему, однако, не вскакиваешь на доску, не перемещаешься по клеткам ногами? А-а, ты не слон, не ладья, не пешка... Отсюда, со стороны, наблюдаешь возможности, закрытые для «взора» этого войска, и используешь их для создания выигрышной обстановки?

Что ж, раз уж ты выбрал такую независимую позицию, сделай следующий шаг. Раздвинь в своем личностном психофизическом пространстве игровые границы, восстановись в качестве космического гуляки, который, увлекшись некогда тем, что происходит на этой планете, отклонился от своей *симоронской* трассы и спикировал к здешнему «столу».

Варианты вопроса по данному поводу:

- а) произошло это буквально?
- а) или не произошло?
- в) метафора это?
- г) или исторический факт?

Ответ: не имеет значения!

Если ты поднимешься в своем *сознании*, *мироощущении* к той позиции, с которой началось описываемое падение, расширишься до параметров своего исходного *Я*, ключ ко множеству житейских ситуаций, кажущихся неразрешимыми, найдется сам по себе.

* * *

И не только это найдется... Высотность предрасполагает к тому, чтобы увидеть в низовьях отблески той же высотности. Как сказал один знакомый шестилетний молодой человек, наблюдавший за отражением облаков в воде: «Небо в реке утонуло, а поэтому можно сразу и летать, и плавать». Так просто... Просто взять и соскоблить с земной карты случайный наружный слой, прорисовать на ней то, чего карта эта никогда не знала: маршруты далеких миров. Что уж никак не лишне для тех, кто путешествует здесь по непроходимым болотным тропкам.

В твоих руках — эстафета собратьев, наследство, которому нет цены: баранка вселенского вездехода. Если когда-нибудь обнаружится, что рамки, предписанные местной автоинспекцией, очень уж для этого транспорта тесноваты, — что помешает тебе повернуть туда, где ждет льготная безграничность? Или — безграничная льготность?..

ВПЕРЕДИ ПАРОВОЗА

Личность...

По мере продвижения по житейскому лабиринту мы лепим собственную личность — противоречивую мозаику тех или иных черт, красок, свойств, присущих нашему окружению и сканируемых у него. Чем больше в нашем характере отражены элементы этого окружения, тем основательнее отдаляемся мы от своего «ключевых крыла». Следы теряются, затушевываются — как найти дорогу обратно?..

Следы
теряются...

Характер...

Логика подсказывает: прежде всего желательно прекратить, наконец, коситься на встречную публику, перенимая на всякий пожарный ее ужимки. Если все же страсть к обезьянничанию не затухает, придется заняться ее искоренением целенаправленно. В надежде, что вместе с водой выплеснем, может быть, и «ребенка» — уже намотанные на себя хвори и прочие несуразицы.

Лабиринт...

Какие у нас просматриваются в этом плане возможности? Ага, вот классический вариант. Схоронимся от всех в пещере, пустыне, защелкнем окна-двери, посидим так с десятков лет... М-да. На одиннадцатый год выходим, смотрим: ложки-вилки за это время отменены, люди спят не на подушках, а на кадушках. Беда! — как же теперь общаться с народом? Придется учиться заново...

Найти
дорогу...

Учиться заново...

Хорошо, давайте по-другому. Хочется сесть на стул — поступим наоборот: водрузим стул на себя. Все ходят ногами — будем ходить на головах. Читать книжки с конца. Хрюкать, гоготать, щебетать... Снова *м-да*. Ибо описанное не противопоказано человеку мыслящему. Часто даже способствует его пищеварению и имиджу...

Третий рецепт. Вооружаемся мечом или кувалдой, при первой же провокации на захват нашего внимания лупим, дубасим не глядя. Одни ошметки кругом — нечему подражать... Или мирный способ. Заслонимся от всех и вся щитом — элегантной идеей типа: «Все дхармы пусты, хоть шаром покати». Никакая собака не проникнет — извилины расшибет... Беда лишь в том, что и меч, и щит взяты из того же арсенала, что и другие этикетки-наклейки. Кто научил нас пользоваться кувалдой? Героический сантехник дядя Митя. Кто вбил в голову «пусто-пусто»? Соседка Рама-Брама, в девичестве Ксюша. Ну не наше все это, блин, чужое это хозяйство: кто-то наварил, нажарил, а мы травимся...

Словом, ни прятаться, ни сражаться, ни выкручиваться — ничто не проходит.

Сколько бы мы ни возились

со своей ПОВТОРЯЕМОСТЬЮ,

пытаясь что-то в себе изменить,

стать не такими, как все, —

в конечном счете оказывается, что

мы лишь укрепили, упрочили нити,

которые держат нас в паутине.

Единственный выход...

Представь себе, друг-товарищ, что ты находишься в большом, просторном помещении. Удобно, уютно, ничто не мешает работе, движению, отдыху. На стенах обои приятного тона, рисунка... Но вот как-то ты заглянул к приятелям, увидел модный интерьер и решил изменить свой, чтобы в духе времени, так сказать. От нетерпения использовал

для «подстежки» прежние обои. Через год или месяц — новые впечатления, новая переклейка... Потом еще и еще...

Однажды обнаружилось, что перемещаться в пространстве, дышать стало тяжело: массивная толща драпировок сжала его до объемов камеры-одиночки в китайской тюрьме. И это не предел — ведь обработка стен продолжается. Скоро в этом склепе совсем не останется места — он вытолкнет тебя наружу, на вольную волю...

Сообразил, к чему мы ведем? Если не получается соскresti, сбросить взятое «напрокат» у других, нужно просто выйти из душного, тесного помещения на свежий воздух. Не выйти — *выскочить, катапультироваться*, как при пожаре или землетрясении. Но для этого огонь должен разгореться вовсю: если он только тлеет, мы будем упорно сидеть в своей камере, тихонько брызгать водичкой и разгонять дымок...

Как долго приходится ждать аварийной ситуации? Возможно, десятилетия... И когда, наконец, представится случай, у нас, скорее всего, не окажется уже сил. Да, взрывная волна выбросит из тюрьмы, но — куда? В могилу...

Так вот, читатель. Катапультируемся заблаговременно. Не дожидаясь катастрофы.

Каждый из нас имеет в своем игровом репертуаре море замыслов, планов, которые «украдены» у других. Исполнение их по этой причине наталкивается на барьеры. Для достижения в своей жизни ожидаемого благополучия приходится заниматься их преодолением. За одними преградами вырастут другие, на борьбу уйдут годы...

Что ж, воспользуемся этой своей целеустремленностью: утолим, наконец, жажду успеха!

Сыграем игру так, чтобы тут же, не отходя от кассы, получить максимальный выигрыш!

Чтобы на нашем лице было написано: тот, кому несказанно везет!

Чтобы тишина вокруг взорвалась аплодисментами...

...городские площади украсились монументами в нашу честь...

...а учебники истории — летописью нашего супер-взлета!

Полагаешь, шутка?

Извини: на шутки нет времени. Потому что сейчас приоткроется завеса над первейшим симоронским секретом под названием **самообгон**.

Итак, у нас появилась проблема...

**Незамедлительно начинаем мечтать,
как могли бы развиваться события
в случае, если бы все вокруг
сопутствовало нашей удаче.**

Уважаемые гости еще не ушли? Ну да, как уйти, когда такая каша заварилась... Что ж, вспомните о своих неурядицах и...

ДЯДЯ В ЛЕТАХ. Мечтаю прокормить себя и семью... Читаю в газете объявление, прихожу на фирму, где требуется работник моей квалификации, — поздно, уже приняли другого. Иду в бюро трудоустройства, говорят: ждите — пока ничего нет. Снова читаю газеты...

Скучное у вас завтра: сплошное повторение вчерашних неудач... Вы именно *этого* хотите?

ДЯДЯ. Нет, конечно... Это машинально. Пусть будет так: нахожу в газете объявление, прихожу, меня с радостью принимают, назначают на должность... Отличные условия, высокий оклад...

И что дальше?

ДЯДЯ. Ничего. Больше мне ничего не надо...

Скромновато. Привыкли к нищете — и ограничиваете себя даже в мечтах... А ведь вас сейчас ничто не сдерживает. Так что расточительствуйте со вкусом — по-купечески. Чтобы насытиться и *пресытиться*... Достигнуть желаемого горизонта и — шагнуть *за него*.

ДЯДЯ. Для чего это?

54 Когда мы чем-то объелись, мы еще долго не вернемся к блюду-виновнику. Может быть даже — никогда. И это —

физиология, субстанция грубая, малоподвижная. Что же тогда говорить о душе — материи трепетной, тонкой...

ДЯДЯ. Не понимаю...

Ну, скажем, подумайте, как вы распорядитесь полученными деньгами, какие вас ожидают приятности...

ДЯДЯ. Во-первых, купим машину.

Одну?

ДЯДЯ. Семья небольшая — хватит одной...

Не забывайте — по-купчески!

ДЯДЯ. Хорошо, каждому по машине... А можно еще самолет — лично для меня?

У Рокфеллера есть — почему у вас быть не может?

ДЯДЯ. С личным пилотом. А на бортах — моя фамилия, золотом... В баках вместо бензина — шампанское. Пролетая над городами и селами, будем поливать...

Вы утолены?

ДЯДЯ. По горло!

БАРЫШНЯ. И я хочу! Конечно, я не романтическая героиня, но «алые паруса» — это мое... Представляю, как рано утром — я еще сплю — мягкий луч скользнул по лицу... Приоткрываю глаза: на фоне светящегося золотом прямоугольника-окна — радужный силуэт... Склоняется, касается устами моих уст... Потом поднимает на руки меня, подносит к окну... Внизу конь перебирает копытами... Прыжок — и мы верхом на коне... Летим... Мой суженый, мой прекрасный не выпускает меня из рук и походя целует, все тело целует... Прибываем в сталактитовую пещеру... искрящуюся... Прозрачный, парящий трон... Он усаживает меня... парит вокруг, наполняя пространство пением...

А расточительство где? Пока что сплошной сусальный рационализм. Количество дивидендов растет, но все они аккуратненько складываются в одну пачку. Сделайте, как

Настасья Филипповна у Достоевского: бросьте пачку в огонь, чтобы полыхало красиво...

БАРЫШНЯ. На голос его слетаются птицы, подпевают, вся компания движется на съезд в Кремлевский дворец, исполняют «Гимн бригад коммунистического труда».

Браво!

ГРАЖДАНКА. Я тоже попробую... Являюсь десятый раз в райгосадминистрацию: нам положено, у нас все права! Узнают уже, не пускают... Хорошо, с черного хода. По пожарной лестнице. Проникаю в коридор, иду мимо кабинетов... Открываю дверь — казенная кухня, где для бюрократов пекут пироги... Беру обеими руками по чану с тестом, врываюсь в кабинет. Сидят, гады, глазки невинные... Запускаю им в фейсы тесто. Еще... еще... Белые маски. Глаз не видно, носа не видно. Задыхаются... Тычу зонтом туда, где должен быть рот, протыкаю дырки... Что скажете, зайчики? Подписать ордер желаете? Подпишите и посидите так до вселения нашего. Там посмотрим, что с вами дальше делать...

Что ж вы, так и оставите их, бедняг? С дырками?

ГРАЖДАНКА. Поняла. Втыкаю им в пасть букеты хризантем, отправляю на свадьбу в Нанайский национальный округ приветствовать молодоженов!

Видим в твоих глазах, читатель, недоумение...

ЧИТАТЕЛЬ. Вы говорили о выигрыше. Об аплодисментах и монументах... Но это же — чистый бред!

Конечно, бред! Обязательно — бред!

Только у каждого — иной. Одному грезится в перспективе рай земной, другой движим воинственностью, страстью к битве, третий глотает слезы обиды, унижения... Соответственно, все создадут разные картины, но всегда — с собой в главной роли и непременно со *сладостным happy end'ом*: разгром поверженных недругов, либо их милость, либо явление Санта-Клауса...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Можно мне? Сердце болит — ничего не помогает... Говорят, в Америке могут сделать

операцию, но — где взять такие деньги? И вдруг дед предлагает: «Знаешь, Колян, я зарыл в саду горшок с брильянтами. Выкопай — и пользуйся...» (*Вздыхает.*) Нет, не верю... Откуда у деда бриллианты? Он же всю жизнь пахал маляром...

Кто автор данного произведения? Дюма-отец? Дарья Донцова? Что мешает придумать историю, устраивающую вас?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Сердце покоя не дает. Хожу медленно, держусь на поручни... Останавливается машина «скорой помощи», забирает меня. В этот день клинику посещает новоизбранный президент страны. Моя палата — первая на его пути. Подписывает указ об обслуживании меня по высшему разряду. Вся лучшая профессура в моем распоряжении, аппаратура из-за бугра...

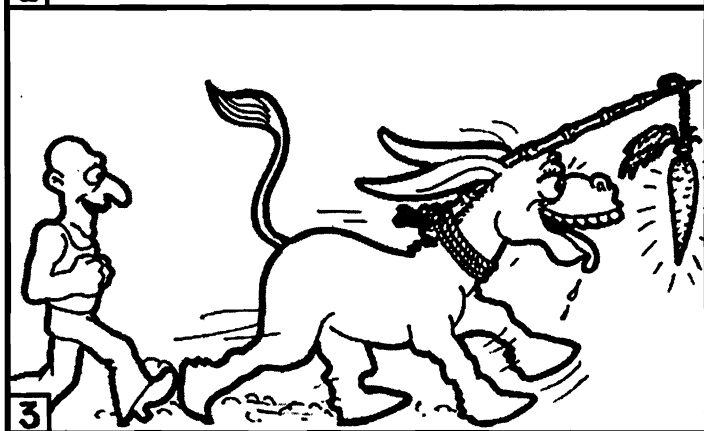
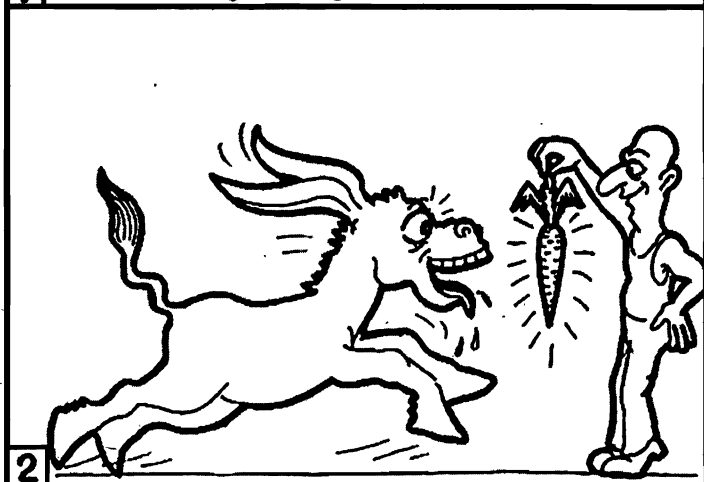
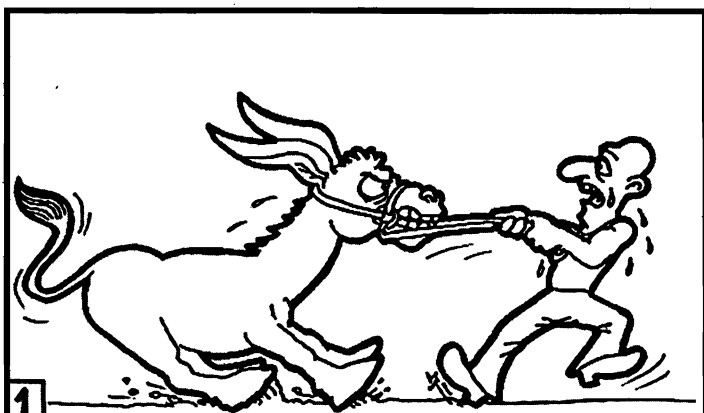
Ну? Почему пауза? Вы же явно недоговариваете...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Воображение отказывает.

Естественно, ведь вы все же оглядываетесь на «возможно-невозможно»... Вначале это не возбраняется: отрываемся от наработанных реалий, как бы нащупываем дорожку к выходу... Все должно быть убедительно для сочинителя. Теперь — сам выход, стремительный взлет. С преснятиной покончено. Слышали когда-нибудь игру на гармошке — неспешную, спокойную? То же самое в *сжатом* виде: бурно сдвигаются меха, осыпаются полутона, гремят одни аккорды... В драматургии самообгона это выглядит как *гипербола, гротеск* — фантазмагорическое нагромождение событий. Вспомните опыт классических хвастунов — Хлестакова, Мюнхгаузена, капитана Врунгеля... Хвастайтесь своими успехами!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Накаркаю — не сбудется.

Безусловно, не сбудется. Хвастовство — это и есть самообгон в чистом виде. Только обычно люди переживают по этому поводу, зажимают рот себе, а мы с вами раскрываем его пошире и выплескиваем фонтаны вранья. В итоге

жизнь преподнесет нам нечто куда более существенное. Искерпав свои пустые ожидания, мы видим реальные перспективы, которые нам и не снились...

Ну-ка, добавьте масла в кашу, с избытком... Что будет после вашего выздоровления?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я — экспонат мировой медицины. Как Шариков в «Собаьем сердце». Меня возят из страны в страну... в специальном вагоне... с джакузи... и персональным кордебалетом... девочки все *topless*... сверху и снизу...

Снова слышим читательский протест...

ЧИТАТЕЛЬ. Внушай себе не внушай, от пустопорожних сказок болезнь не перестанет называться болезнью.

А кто сказал, что перестанет? У нас другая цель:

**в коротком забеге израсходовать
весь запас энергии, предназначенной
для исполнения данного хотения.**

Представь себе такую аналогию... Матч века, тысячи людей устремились на стадион, мы в том числе. Приближаемся ко входу — и вдруг вспоминаем, что оставили дома, в ворохе одежек, включенный утюг... Оборачиваемся, пытаемся протиснуться назад сквозь напирющую толпу — куда там! Выхода нет: если мы не хотим, чтобы сгорел дом, помчимся через стадион, город, страну, континент, обогнем земной шар, окажемся у своего жилища с тыла...

Конечно, здравый смысл подскажет: можно же двадцать раз свернуть на пути и добраться до дома по более короткому маршруту... Но где он, этот трезвый голос, кто расслышит его в ажиотаже *такого* спринта? Нас несет, безоглядно несет! Примерно так, как если внезапно резко останавливается автобус — пассажиров швыряет вперед... Догадываешься, какова скорость, с которой мы будем лететь к своему утюгу, каковы те силы природы и социума, которые должны будут нам помогать, дабы мы выполнили задачу... А теперь — самое главное: набрав эту сумасшедшую скорость, мы пролетим сквозь дом без остановки!

Вот что такое *самообгон*. Как бы обгоняем реальное течение жизни. Перипетии, которые в реальности могли бы кваситься сто лет, сгущаются здесь в *концентрат*, прокручиваются в считанные минуты. Финал — чувство, описанное выше: *пресыщение* житейской игрой, нам становится смешно или скучно... Но ведь любые игры такого рода сходны, как близнецы: стоит подойти к завершению одной из них, как исчерпается потребность участия в этих играх в принципе!

В эти минуты мы приближаемся к границе своего экскурсионного тура. Еще шаг — и *общепит* окажется позади, мы обнаружим себя в исходной, дочеловеческой координате и... сможем *родиться заново!*

У нас появится шанс начать жизнь
еще разок — прямо с этого пункта,
но — без подражания здешним
аборигенам. Двинуться по своей
собственной, принесенной оттуда,
из Космоса, маршрутной карте...

ЧИТАТЕЛЬ. А как же уют? И дом? Пусть горит синим пламенем?

Не сгорит. В этой *новой* фазе нашего бытия никаких пожаров не может быть в помине. Огонь или вообще не подберется к дому, или лизнет его ласково и улетит... Все проблемы теперь решаются *сами по себе* и, как правило, с той стороны, которую мы и не замечали.

Впрочем, не будем спешить: это тема следующей нашей встречи, обещающей море открытий....

БАБУЛЯ. Не очень верится... От чудищ, которые греются ночью и днем, так просто не избавишься. Вот они, в темном углу — лохматые, страшные, крылья развешаются... Паду на колени, буду молить о снисхождении... Что мне сделать для вас, чтобы отпустили?..

Не пойдет. Не останавливайте себя, не ждите от них подсказки. Нарисуйте сами исход, который устраивает вас...

БАБУЛЯ. Ну, я... постригла их аккуратно, причесала. Одеда в чистые костюмчики с бантиками. Построила шеренгой и разучила с ними танец маленьких лебедей... Все?

Это — первая серия фильма. Теперь — вторая: что было после того, как они станцевали вам?

БАБУЛЯ. Отправила их в армию — послужить... Армия дисциплинирует, превращает в настоящих мужчин. Там они проявляют себя как герои: отвоевывают у американцев Аляску, помогают заселиться нашим бомжам, те выращивают на целине невиданный урожай, цены на хлеб падают... Но...

Что случилось? Почему слезы на глазах?

БАБУЛЯ. Жалко стало... бомжей... трудятся в поте лица, спать некогда...

Так... новая проблема. Стало быть — новая порция самообгона. Придумайте себе утешение.

БАБУЛЯ. Ну, пусть слезы мои станут жемчужинами... уже стали. Дарю их бомжам, украшаются, по вечерам на балы ходят...

А как ведут себя бывшие чудища?

БАБУЛЯ. Маршируют день-ночь. Чтобы не потерять форму...

Можете пристроиться к ним. Потому что достигнут пик вашего взлета. Торжественное шествие на пепелище скопированных проблем, ложных желаний...

ЧИТАТЕЛЬ. Что же, все человеческие намерения — ложны? Все чаяния, все идеи...

Мы этого не утверждаем. Среди замыслов наших, безусловно, есть и такие, которые порождены присутствующим в нас — независимо от того, помним мы об этом или нет, — «марсианским» началом. Естественно, препятствий их исполнению нет.

Хочешь проверить? Сформулируй какое-либо желание... Полетать на ковре-самолете? Запросто. Ковер в доме есть? Завалящая циновка хотя бы... Не взлетает? Как это не взлетает, если стремление данное выстрадано, соответствует коренным задачам жизни твоей... Ах, не соответствует. Ну, тогда выскажи что-нибудь *всамделишное*. Не задумываясь, не копаясь в ворохе своих долгов и фингалов.

Сдать на «отлично» экзамен? Что ж, отправляйся, мы пождем. Сходим пока в салон красоты, маникюр с педикюром давно не делали...

...Ну как? Удивлен? Чему ж удивляться, если это — как воздух, которым дышим, не давая себе команды. Просто дышим. И просто сдаем экзамен.

ЧИТАТЕЛЬ. Но я до этого завалил два экзамена... Значит, не стоило вообще готовиться к ним?

Пытаясь реализовать свои намерения, мы сразу видим — *наша* это программа или *чужая*. Чужая вырастает из вчерашних столкновений с обстоятельствами и заставляет нас распутывать узлы, образовавшиеся в результате этих столкновений. Только этим и занимаемся, запутываясь по ходу еще больше. Симоронские же побуждения не имеют в тылу вчерашнего игрового опыта и потому не связаны с освобождением от узлов и созданием новых.

**Наши ПРИРОДНЫЕ желания не встретят
преград ни на первом шаге,
ни на втором, ни на последующих;
ЗАИМСТВОВАННЫЕ же наткнутся
на стены практически мгновенно.**

ЧИТАТЕЛЬ. В общем-то, да... Мне не хотелось, я пересиливал себя...

То-то и оно. Усилия неизбежно приведут к поражению, даже если на первых порах покажется, что мы одержали победу. В давнем фильме «Плата за страх» нужно было доставить многотонный опасный груз, дорога была — не подарок. Все машины, за исключением одной, взорвались. На обратном пути водитель ее, сбросив напряжение, позволил себе разгуляться по трассе и... разбился. Типичнейшая ситуация. Если для выполнения того или иного задания требуются особые затраты — душевные или физические, не дадим себе расходо*ваться реально* — утолим эту потребность, придумывая пьесу под названием «Исполнение

ШПАРТАЛКА 4

Руки потянулись перевернуть страницу...

СТОП!

Внимательно ли ты прочитал предыдущую главу?

Разобрался в ее тезисах?

Проработал ли их детально на практике?

Добился в этом зримых успехов? Тогда — можешь дать рукам волю...

Если же не разобрался, не проработал, не добился — рекомендуем не спешить.

Данная книга — не медоточивый роман, каждая следующая глава — новый, подчас достаточно крутой поворот в сознании.

Может быть, имеет смысл еще недельку-другую потренироваться?

И лишь почувствовав, что пора менять коней, двинуться к переправе...

Напоминаем основное:

- Большинство наших желаний заимствовано у других людей. Поэтому исполнение их наталкивается на препятствия. Благодаря чему сразу можно определить — подвижны ли мы своей природной программой или чужой. Наша не встретит преград, чужая же наткнется на стены.
- Если таковое случится, приступаем к *самообгону*. Рисуем себе воображаемую картину преодоления препятствий, максимального успеха. Как бы обгоняем реальное течение своей жизни, забегаем вперед. События сгущаются в *концентрат*, доигрываемый до конца в считанные минуты. Приходит ощущение *насыщения* житейской игрой — *переизбытка, пресыщенности*.
- Случайные, скопированные прихоти и капризы развеиваются, а все, что жизненно необходимо, приходит к нам само по себе.

* * *

Ты освоил содержание предшествующих страниц.

Не раз и не два проверил его в реальных событиях и обстоятельствах.

Убедился, что знаешь и можешь.

Никаких вопросов.

Потребность дальнейшего продвижения.

Готовность понимать, принимать и действовать.

Имеет ли смысл тебя удерживать?..

СИМПАТИЯ НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Пропал...

Растворился...

Последовал
совету...

Дошел
до точки...

Возможный диалог:

ЧИТАТЕЛЬ. Я тут последовал вашему совету. Прогулялся по разным своим желаниям, дошел до точки, до ручки... И вдруг почувствовал... нет меня! Утонул! Растворился! Пропал!..

Нет
меня...

БУРЛАНЫ. Поздравляем, друг!..

Поздравляем...

Судя по твоей *возможной* реакции на наш восторг, ты подумал, что мы получили наследство от тетушки с Мадагаскара. Или обучили, наконец, свою персидскую кошку Заю читать Саади в подлиннике, по-персидски. Нет, дорогой, причина этого упоения в другом...

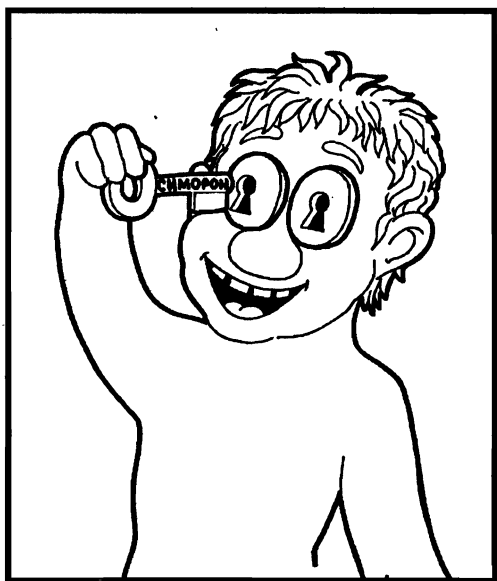
Выходя из необходимости продолжать игру, освобождаясь от самообольщения, ожидания «чуда», мы, как уже говорилось, восстанавливаемся в своем масштабном дочеловеческом Я. Оказываемся там, откуда все проистекло и откуда четко видно, чем имеет смысл заниматься на данной планете. Или — не на данной...

Ожидая...

Естественно, многим не терпится пощупать понюхать себя в этом обновлении, определиться, назвать это нестандартное качество бытия.

Смысл...

Восстанавливаемся...

Стоит дать команду, как из разных углов зазвучат голоса: Гармония, Совершенство, Дух, Бесконечность, Целостность, Пустота... Отдохните, сограждане. Сколько бы мы с вами ни припомнили таких красивых слов, все они будут взяты из человеческого глоссария, то есть из опыта, наработанного кем-то *до нас*.

Мы уже намекали на это? Что ж, приходится повторяться, так как *привязные ремни* используются соплеменниками бесконечно — по поводу и без повода. Давай, товарищ-друг, наберемся мужества. Если голый король гол, не станем делать вид, что на нем костюм от *Versace*. Или хотя бы плавки производства Черноуховской фабрики нижнего трикотажа. Если СИМОРОН невозможно поймать за хвост, не будем переживать, что он неслышим, неосязаем, неоощуаем. Ибо этот факт внушает надежду, что все, проецируемое из этого источника, не окажется покрытым плесенью вторичности.

Вот в чем причина наших оваций тебе! Нет тебя, говоришь? Нету рта и нет языка, которым можно прощупать во рту котлету? Бог с нею... Сейчас ты (тот, которого нет) продемонстрируешь *кой-чего*.

...когда чаша источаемой тобою патоки переполнится до краев...

...когда грудь коснется финишной ленты...

...безоглядно исторгни из себя то, что не имеет аналогов в твоём кулинарном опыте.

Ни в коем случае не озабочивайся данным намерением, не старайся его как-то обязательно реализовать — все случится само по себе. Просто возникнет вдруг озорное желание выкинуть *фортель*...

Какой именно? Ну, может быть... придумаешь паркет, который, если наступить пяткой, исторгает звуки, как Демис Руссос или Надежда Бабкина — в зависимости от инфляции на дворе. Или — изобретешь инкубатор, где вылупливаются бройлеры в тельняшках. Или — предложишь новую, перспективную модель авиалайнера, взлетающего при почесывании пассажирами живота. Словом, один из тех *фортелей*, которые перемещают человечество из пещер в президентские люксы.

Ну а как быть, если твоё творение — вообще ни в какие ворота? Если среди бытующих понятий-терминов нет таких, которыми можно было бы его описать? Полагаешь, не по плечу? Проще, нежели сконструировать шнурки для ботинок.

Настройся морально: почисти лишний раз зубки, оплати счета за электричество и телефон. Исполни опять-таки самообгон. Наешься до отвала. После чего, не делая пауз, ткни фломастером в лист бумаги — поставь точку.

Но это не конец, это только начало...

Вытяни из точки фломастером

линию — не задумываясь,

произвольно, куда поведет

неконтролируемое побуждение.

Продолжая безостановочное движение,

вырисуй «загогулину» — плавный узор

из вьющихся, переплетающихся дуг...

Все. Состоялось. Явления, равнозначного этому, в твоей биографии не было. Оно запомнится на годы. Потому что перевернет все твои представления, ощущения, весь мир. Прощай, мама, прощай, папа, прощайте союзники в борьбе за освобождение тарелок от пищи. Вернулся я на родину, шумят березки с кленами...

Откуда это известно? А вот, глянь на свое *кой-чего*... На рисунке отображено то, чем был занят взор до приостановки космического полета и спуска в плотные слои. Как бы фрагмент карты твоего маршрута, предшествующего названным событиям и охватывающего куда более обширное пространство.

Сравни теперь эту карту с путаными планами, по которым мы перемещаемся в дебрях планетарного лабиринта. Вообрази, будто вырисованные линии светятся, искрятся, как лед под коньками фигуристов. Если направить этот свет вниз, наложить эти линии на панораму знакомых нам по жизни дорог, совпадение вряд ли произойдет. Какими же будут твои шаги по земле, если не фокусировать зрачки на общепитовской дребедени, а продолжать двигаться в здешних условиях по этой — *светящейся* — карте? Будешь ли ты проваливаться в ямы-колдобины, наткаться на стены, достанут ли тебя стрелы и вирусы, которыми вольно-невольно обмениваются те, кто сталкивается друг с другом на темной и тесной тропинке?..

Движение по такому броду

автоматически гарантирует

непопадание ни в какие сети.

Все, что необходимо для утилитарного

нашего существования, решается

без каких бы то ни было усилий,

беспрепятственно, само собой.

Внимание всем постам!

Перед вами — документ, свидетельство дочеловеческого статуса нашего читателя.

СИМОРОНСКИЙ ПАТЕНТ, демонстрирующий право перемещаться по своей, не списанной у других жизненной траектории.

Сокращенно — СИМ-ПАТ.

Разговорно — *симпатия*.

Предъявителю данного документа обеспечивать «зеленую волну» по всем направлениям!

Однако... Если кто-нибудь сделает вывод, что за симпатию сойдут любые *каляки-маляки*, его ждет разочарование. Фальшивка, подделка видна невооруженным глазом. Причиной ее может быть незавершенность самообгонной операции, когда, не дойдя до стадии насыщения игрой, мы спешим что-либо намалевать... Другой вариант. По окончании этой операции иногда возникает *пауза*: все ли мы исчерпали? не оставили ли чего-то на доньшке? и что теперь делать дальше?.. Если не устранить этой озабоченности, она, так или иначе, отразится в контурах нашего чертежа.

Попроси-ка друзей начертить *загогулины*. Мы тем временем перекусим: торт черствеет...

...Ну как? Готово? Показывай...

М-да... Смотри, некоторые рисунки выглядят слишком *предметно*: в одном очертании явно читается дом с крышей, в другом узнается какая-то птица, в третьем — линии выстроились параллельно... Широтой кругозора здесь не пахнет — нераспакованное воображение видит во всем старые, разрушительные связи. Данные произведения выполнены старательно, в *поте* лица, — это не симоронские патенты, а, так сказать, СИМ-ПОТ-енты — *симпотенты*... Если симпатия — взгляд на мир, открывающийся с сотого этажа, то симпотент — картинка, наблюдаемая из подвала.

Сравни теперь с ними свое детище: не похоже ни на что вокруг!

ЧИТАТЕЛЬ. Хорошо, я зарисовал маршрутный лист. Но как им пользоваться *практически*? Как узнать, что идешь точно по его светящимся линиям?

Достаточно вспомнить о своем симпатяге — и мгновенно *симпатизируешься*. То есть являешь собой в эту пору масштабное, «всевидающее» Я. Естественно, любые желания,

возникающие при этом, не пахнут чужими запахами и потому осуществляются без помех.

ЧИТАТЕЛЬ. А если отвлекут прежние ориентиры? Если собою, сойду с дороги?

В помощь тебе — симоронские *светлячки*. Вот, глянь... Мебель, вещи в углу комнаты — все это случайно собрано в узор, чем-то напоминающий твой чертеж...

За окном — раскидистое дерево, изогнутые ветки... Не правда ли, очень сходно с твоей графикой?

Дальше, за деревом: перспектива разноэтажных зданий, очертания которых дублируют созданную тобой композицию...

Проехала машина, завернула в переулок: смотри — виток, совершенный ею, есть и у тебя на рисунке...

Симорон, как прожектор, высвечивает в окружающем пространстве *собственные подобию* — пункты, по которым здесь, на поверхности планеты, пролегает для нас та же космическая трасса. Почему бы и нет, ведь Земля — законный участок Вселенной... Стало быть, возвращаясь к своему Я, нет нужды отрываться от грунта ногами: мы теперь можем курсировать по нему так, как если бы и не покидали верхотуры.

Так что все в порядке, нет повода для волнений! Отвлечешься — светлячок сам напомнит о себе, вспыхнет поблизости, подсказывая, где пролегает истинный маршрут. Схватит тебя за ворот-шиворот и переставит на прочные рельсы. Это не значит, что ты должен *буквально* бежать за машиной, выкрутасы которой похожи на твою загогулину. Ее функция — напомнить, КТО ты есть и ГДЕ, в каком мире ты сейчас пребываешь.

Хочешь удостовериться? Прислушайся к своему побуждению и исполни, что оно подсказывает...

...Где ты побывал? В букинистической лавке? Ноги сами понесли? И что же произошло в этой лавке?

ЧИТАТЕЛЬ. Сначала — ничего. Я покрутился туда-сюда, думал уже уходить. Краем глаза заметил старый фоллиант, который кто-то сдавал. На обложке были вензеля —

копия моих каракулей! Заинтересовался, задержался... Вдруг увидел на полке книжку, которую искал во всех библиотеках... нашлась как раз нужная сумма...

Ладно, с книгой разберешься после. Куда влечет еще? Не придумывай себе приключений: все, что реально нужно, придет само.

Зазвонил телефон... Не правда ли, в его мелодии — созвучия, как бы повторяющие «партитуру» твоего рисунка? Удивляешься? Светлячок может быть адресован и ушам, и ноздрям, может восприниматься на вкус, тактильно... Кто на проводе? Приятель, с которым не общался сто лет? Предлагает лишний билет на «Мулен Руж»? Труппа впервые за всю историю приехала с гастрольями? Ты в восторге? Вот так-то.

ЧИТАТЕЛЬ. Странно... О книжке той я успел забыть — не надеялся когда-нибудь ее найти. Хотя она до зарезу нужна... А муленружское шоу мечтал посмотреть всю жизнь. Но ни с кем этим не делился, тем более с Сергеем, который только что звонил. Мы с ним вообще знакомы постольку поскольку... Откуда он узнал? Почему предложил именно мне?..

Ты его высветил... Типичнейшее явление, с которым еще не раз будешь сталкиваться.

ЧИТАТЕЛЬ. Значит, могут все же исполняться наши старые желания? Заимствованные у других?

Заимствованные — не могут. Но мы сплошь и рядом пытаемся выполнить свои кровные, жизненно важные задания подсмотренными у соседей способами. Это выглядит как штурм дверей современного отеля или супермаркета при помощи лома, хотя они, оказывается, сами раздвигаются, стоит чуть-чуть приблизиться. *Симпатизация* помогает отбросить орудия каменного века...

Впрочем, чаще всего открытия случаются совершенно не в той области, которая занимала наше внимание до этого.

К примеру. Наш сосед дедушка Веня никак не мог подобрать туфли, ибо размер ног у него — то ли 50, то ли 30... Самообгон, симпатия — все, больше к этой проблеме дед не возвращается: чувствует, что все скоро «устаканится». Однажды идет мимо обувного магазина, останавливается: зайти или не зайти... (То есть — не зашел сразу, без размышлений: засомневался, повернулся лицом назад, к загвоздке своей.) И вдруг дорогу пересекает грузовик, на борту которого вырисовывается деталь его загогулины в виде мазутного пятна. Другой бы обрадовался: счастливый знак — загляну в магазин... Но нашему пенсионеру вместо этого *почему-то* захотелось отправиться на вокзал. Сел в электричку, поехал неведомо куда... Вышел на какой-то станции, познакомился с носильщиком. Тот оказался дальним родственником Вени, в итоге он встретился со своей сестрой, с которой его разлучила когда-то война... Что касается туфель, то эта задача разрешилась как-то походя, незаметно.

Еще один случай. Учительница музыки Татьяна переживала по поводу непопулярности политической партии, к которой принадлежала. Созданный ею на этой почве симпатия был благополучно забыт, но как-то она узнала его очертания в абрисах скомканной газеты. Как бы поступил ты? Наверняка решил, что выход из проблемы связан с данной газетой: может, стоит напечатать там статью... Татьяна же в эту минуту *почему-то* вспомнила, что собиралась посетить русскую баню, у нее было свободное время... Шипение воды, падающей на раскаленные уголья, «впечатлило» ее. Через некоторое время поймала себя на том, что напевает мелодию, напоминающую этот шум... Так родилась песня, которая вскоре стала хитом. А политическая тема, с которой все начиналось, отошла куда-то на десятый план.

ЧИТАТЕЛЬ. То есть светлячок — не признак удачи, а наоборот? Не подтверждение того, что мы на верном пути? Он показывает, куда идти не надо?

Куда — надо! Вот оно, говорит, чистое твое течение, не сворачивай! Мутных ручейков вокруг — множество, все они ведут в болото... Ты же помнишь:

**наткнувшись единожды на запруду,
стоит ли грести в том же
направлении дальше?**

В глазах блеск... Зуд симпатизации донимает? Куда идем теперь? Ага, тебе должны большую сумму, не возвращают который год. Сейчас откроется дверь, и на пороге с виноватым видом...

...Не появились? Ай-яй-яй, свинство. Ты ведь старался, пыхтел... а может, причина как раз в *пыхтении*? В том, что ты пытался найти симпатяге работу. Впрямь его, вольного и необъятного, в узенькие сани... Нет, родной, если уж сошел с дистанции, оглянулся на свои хвосты... Конечно же — снова «обгонялка». Развивай картину возвращения долга до апогея, рисуй новую загогулину...

ЧИТАТЕЛЬ. Сделано! Поднял голову — увидел перед собой объект, в котором эскизно намечены элементы моего симпатяги...

Тотчас взял и увидел? Ты же не успел сойти с освещенной полосы, шагу еще не сделал... К чему спасительные подсказки?

ЧИТАТЕЛЬ. Все правильно, светлячки не нужны. Денежная тема перестала меня волновать... Есть острое желание постоять на голове часок. Ну, постою... а долг вернется?

А говоришь — перестала волновать. Тебе, возможно, выпадут козыри, о которых и не мечтал. Рядом с ними давшая сумма покажется копеечной... Если же понадобится именно она, то придет сама — не имеет значения, из каких источников.

Уважаемые гости рвутся что-то сообщить?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я сделал загогулину, потом заслушался вас, увлекся... Через какое-то время неожиданно вспомнил соседа с восьмого этажа: осанка, походка — очень похоже на мое произведение. Что-то летящее, кувыркающееся... Вдруг захотелось срочно связаться...

нет, не с ним, а с теткой своей. Я вообще-то недолюб-ливаю ее — болтлива уж очень, только время отнимает. Она страшно обрадовалась: «Коля, у нас сейчас гостит человек из Америки, приезжай...» Как вы думаете, ехать? Что, если этот гость поможет мне в плане сердца — нужна операция, которую делают там, за бугром...

Тревогу по поводу сердца следовало исчерпать на стадии самообгона. *Намеренно* знакомиться с американцем для этой цели — значит возвращаться на линию слепой игры. Вот если бы вы приняли предложение тетки просто так, без ожидания каких-то определенных последствий, положительных или отрицательных... И, допустим, во время встречи с американским гостем ненароком всплыла бы сердечная тема — тогда можно было бы говорить об эффекте симпатизации.

ЧИТАТЕЛЬ. Судя по последнему примеру, светлячок может появиться *не физически* — в мыслях, в памяти? И демонстрировать его могут не только предметы, но и живые люди?

Почему бы и нет? При этом возникает интересный эффект. Дело в том, что те, кто нас окружает, скорее всего, колонизировали общепит таким же способом, что и мы. Если это так, то в сердцевине их тоже гнездится симоронское Я. Декоративные отличия этих индивидуальных Я несут существенны — важно то, что исходное положение у всех одинаково: взгляд на планету со спины «клювокрыла». Поэтому, если в других людях естественно высветился *наш* Симорон, это означает, что в них включился и *собственный*. Окружающие ощущают в себе пробуждение забытой силы-энергии. Возникающие у нас и у них побуждения оказываются созвучными, мы становимся сотрудниками, партнерами по «альпинистской связке».

Словом, это не тот случай, когда готовишь на плите гуся, истекая слюной в преддверии его поглощения. Наш «гусь» благодаря данной процедуре вспоминает, кто он есть на самом деле. И как бы ни складывались отношения с ним *до того*, они начинают качественно меняться.

ГРАЖДАНКА. Что ж, если я вырисую симпатягу в бюрократах, они станут ангелами?

Направленная, искусственная
симпатизация людей — невозможна.

Так же как невозможна сухая лужа

или квадратная луна.

Природа симпатизации — исключительно ненасильственная. Если бюрократы сами не засветятся в вашем присутствии, оставьте их в покое. То же касается родственников, друзей — кого угодно... Переживать или озадачиваться по поводу того, что наша симоронская трасса пролегает мимо обстоятельств, с которыми мы связываем свои интересы, — не стоит. Любой из клиентов общепита имеет право на свое меню, и навязывать ему наше собственное мировосприятие, даже *суперправильное*, — дело неблагодарное и неблагоприятное. Если таковой объект морально готов к симпатизации, луч нашего прожектора рано или поздно выявит его и покажет, как выйти на трассу.

ДЯДЯ. А можно ли увидеть светлячка... в самом себе? Я глянул случайно в зеркало: черты лица — точно, как линии на моем рисунке...

Честно *случайно*? Тогда — пожалуйста. Мы можем заметить эти линии в своих повадках, одежде, расслышать в перестуке сердца... даже в работе кишечника.

БАРЫШНЯ. А я вот не замечаю их нигде... Исполнила все, как положено, начертила на листе симпатягу. Ищу теперь его продолжения... Вот этот стул? Нет, у него спинка мало выгибается... Может быть, складки на шторе? Слишком густые... Кошка свернулась в клубок — это оно? Смотрю на кошку... смотрю... Встает, потягивается... идет к кормушке... Я должна идти за ней? Блюдце с молочком... лакает... А я? Что делать мне? Ума не приложу...

Во-первых, не *искать*. Понадобятся ли вам фонари на освещенной солнцем улице?.. Но, допустим, вы ушли в тень.

В глаза бросился стул с *выгибающейся* спинкой... то есть что-то загогулистое в нем присутствует. Вперед, за этим проводником! Ах, мера симпатяжности, видите ли, недостаточна... Кто вынес этот вердикт? Симорон? Ничего подобного: это голос вашего игрового опыта, ваших колебаний, неуверенности в себе... Он же, голос, вывел вас к шторе, затем к кошке... Которая вообще заслонила белый свет — вы уставились на нее, как на икону, ожидая откровений... Каких? Ведь это продолжение тени, к которой вы настойчиво шли. «Сусанин», помогающий забрести в глухие дебри...

БАРЫШНЯ. Но если я не зафиксировала первого светлячка... появятся ли другие?

Появятся. Хотя по мере удаления от СЕБЯ замечать их все труднее: яркость уменьшается...

Это похоже на то, что хорошо известно водителям, курсирующим ночью между городами по петляющим и нешироким дорогам. С освещением там негусто, лишь по сторонам иногда стоят столбики с отражателями. Если фары ровно поливают дорогу светом — отражатели не видны, не захватываются. Но стоит машине свернуть к обочине, как они мгновенно вспыхнут, покажут, где края трассы. Не заметил водитель отраженного света, соскочил в канаву — крути-верти теперь руль во все стороны, чтобы зеркала эти появились... Далеко не уедешь.

ЧИТАТЕЛЬ. Так, может быть, изготовить тираж таких отражателей-симпатяг и разместить, развесить, расклеить в тех местах, где мы чаще всего бываем? Дома, на работе, по дороге... Не обязательно сами картинки — хотя бы условные крестики, как у той самой Фатимы. Наткнемся взглядом, вспомним...

Если будет охота — ради бога. Только есть опасность, что мы станем *специально* всматриваться в эти крестики. Превратим их для себя в некие защитные «талисманы», забыв, что срок жизни нашего светлячка — мгновение, в течение которого мы его воспринимаем. Водитель ведь

не останавливается, чтобы изучить свет в отражателях: проехал себе мимо и, может быть, больше с ними не пересечется. Наши же картинки будут маячить перед носом постоянно, заслоня собой все прочее...

Такие вещи в человеческой практике известны: жизненное пространство преобразуется в своеобразный симпатентский «заповедник». Ведь «прирученные», повторяемые открытия — это та самая толща обоев, которыми обклеивалось жилье в предыдущей главе. Общепит, скорее всего, тоже когда-то начинался с открытий — посмотри, во что это все переродилось... Нет, симпатяга хорош до тех пор, пока не укореняется внутри или вне нас, не канонизируется в багетной раме. Не забывай: загогулина — лишь *фрагмент* нашего доземного маршрута, кадрик из непрекращающегося фильма. Если мы уставимся в него, не заметим, что кино ушло вперед...

БАБУЛЯ. Значит, запоминать, как выглядит симпатяга, не имеет резона?

Можно ли удержать скользкого вьюна? Вот он мелькнул, блеснул, как солнечный зайчик, и — унесся, растворился в огнях... Собственно, мы наблюдаем не светляков, а свечение своего Я, передаваемое через их посредничество вперед. Скользит луч прожектора — не останавливаясь, движемся за ним по жизни...

Движение это очень скоро превращается в *автоматический* процесс: внутренне слышим, знаем, что все «о'кей», не тратя усилий и времени на просматривание дороги. Нам больше не приходится заботиться о будущем, намечать конкретные цели-задачи: *полетная стихия* всегда доставит именно в тот пункт, который будет очередной вехой на пути нашей творческой самореализации.

Впрочем, потакая своей житейской предусмотрительности, можем сами командировать симпатягу в свою дальнюю *послезавтрашнюю* координату — за пределы любых ожидаемых приключений. Поступаем, как путешественник, который забрасывает лассо на прочный сук-крюк, чтобы перебраться на другой берег. После этого мы физически

не сможем наткнуться на преграду: наш канат — то есть луч — протянется над ней, не задев. Если только мы сами не выключим свой прожектор и не станем изучать образовавшуюся симпотентную тень. Молиться на нее. Или воевать, что, в принципе, то же самое.

Словно полководец, расположившийся на холме, откуда обозревается вся панорама событий, мы видим победную перспективу своего движения во *времени и пространстве* — движения, не знающего пробок...

Хочешь, дружище, почувствовать себя сейчас таким полководцем? Расположись здесь, у двери... Внимание! Начинается великий исторический поход. Что там, в глубине коридора — тумбочка? Какая, извините, тумбочка — это та самая высота, на которой ты рано или поздно водрузишь свое симоронское знамя! Вперед, размеренным, четким шагом! Приближаемся к тум... то есть к высоте... еще шаг... полшага... уррра! Торжественный момент: поставь автограф на запыленной поверхности взятой вершины. Пальцем. Вырисуй контуры симпатяги. Всё!

Или, если хочется, сложи из бумажки с нарисованной загогулиной голубя, отправь его в полет через форточку...

Или — запечатай в чистый конверт и опусти в ближайший почтовый ящик, «на деревню дедушке»...

Ты будешь помнить, что маяк твой — там, везде и нигде, что ты неизменно идешь к нему, он будет возгораться на разных поворотах твоей судьбы, не давая сойти с пути, он всегда, всегда впереди...

ШПАРТАЛКА 5

По завершении самообгона без задержки рисуем *загогулину* – свободно выходящую ленточку. Предполагается, что автором ее является наше высвобожденное, расширенное Я. Это позволяет использовать данный чертеж как *симоронский патент (симпатиягу)* – маршрутную карту нашего успешного перемещения по лабиринту житейских обстоятельств. Помня о ней, высвечиваем в этом лабиринте брод и беспрепятственно движемся во времени или пространстве, реализуя свои рождающиеся побуждения. Если мы отвлекаемся, в поле нашего внимания загораются *светлячки*, элементы симпатизационного рисунка, представленные во встречных объектах. Одного светлячка достаточно, чтобы вернуться на трассу. Появление или искусственное создание энного количества симоронских проводников свидетельствует о нашей игровой «лихорадке» – хроническом падении, погружении в лабиринт.

Важное следствие симпатизации: упраздняется один из главных для человека движущих факторов – постановка утилитарной цели, намерение, планирование. Освобождая себя от необходимости бороться за жизнь, выживание, мы открываемся для творчества, проистекающего из нашего Я, привносим на Землю свое дочеловеческое знание-умение, овеществляя его в местном материале.

* * *

Вспомним, как Прометей, рассмотрев с высоты бедняг, которые кутаются в душегрейки и не знают вкуса шашлыка, презентовал им огонь. Просто так, не за спасибо, без гонорара...

И — последуем примеру титана. Если уж судьба занесла нас сюда, не будем размениваться на медяки — будем делать крупные и исключительно выигрышные ставки.

ПАРТИТУРА ДЛЯ ВАН ГОГА

Тайм-аут...

У нас тайм-аут. Двери на засов, с той стороны табличка: «Жильцы съехали, желающим просьба не беспокоить». Окна закрыты глухими ставнями. Штепсели из розеток. В уши — тампоны из синтепона. Кошке Зае — намордник из силикона...

Бабах...

Спим. И снится нам не рокот космодрома, а мирное заседание в диетическом кафе «Кашка-манашка». Мы, Петра и Петр, поднимаем бокалы за успешное продвижение по симоронской трассе тех, кто... Зачитываем список-свиток, в бокалах пенится напиток...

Бубух...

Бабах! Бубух!..

Вскочили. Смотрим друг на друга, как жертвы кариеса на бормашину. Кто? что? зачем? откуда?...

Бубубух!..

Кто...

Три часа ночи. Очередные пришельцы. Гости, которым надо. Силикон медузами по полу, синтепон ключьями под потолком...

— Подождите хоть до утра!..

Спим. В бокалах — кашка-манаш...

Бабабах!..

Пять часов. Светает.

— Вас же просили до утра...

— А мы не те, мы другие!

Спим. В бокалах — кашаш...

Бубубух! Бабабах!..

— Мы не другие, мы — третьи...

— Четвертые...

— Пятые...

Откуда...

Бабабах...

Солнце просочилось сквозь ставни, под напором гостей пала дверная броня, как Бастилия.

БАРЫШНЯ. Извините, неумогу!

БАБУЛЯ. Тяжело!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Устали!

ГРАЖДАНКА. Уморились!

ДЯДЯ. Сил никаких нет!

И — шурух ворохом бумаг, испещренных загогулинами...

Понятненько. Сами когда-то прошли через это. Но-сишься целыми днями с симоронскими дорожными картами наперевес, утонув в них носом, сопоставляя рисунок со встречаемыми светлячками... В душе опасение: вдруг забудешь маршрут, перепутаешь... Симпатия ведь — момент *нездешнего* бытия, просматриваемый из *здешнего*. Не умещается в голове. Вылезает за рамки. Как дрожжевое тесто из-под крышки. Запихиваешь обратно, а оно прет и прет...

У некоторых, правда, не прет: кастрюля, наверное, безразмерная. И крышки над нею не видно. Все, что варится-парится здесь, легко выплескивается наружу. Жили-были дед да баба, пришли в симоронскую школу, испекли себе колобок, покатались за ним туда, не знаю, куда... Ан нет — знаю, оказывается! Не допрашивая постовых, не подсматривая в путеводители...

Но это — некоторые. Другие же...

— Вот именно, другие. Третьи, четвертые, пятые...

Что ж, помочь вам можно пока одним способом: приготовив колобок из *известных* продуктов. Примерно так, как в киевском ресторане делают африканский деликатес из муравьев, собранных на задворках того же ресторана. Если не найдутся муравьи — сойдут божьи коровки. Или мошки. Вкус все равно будет божественный... Ибо главное — это рецепт.

Так вот, *рецепты* у нас есть, остается проследовать на кухню...

...где орудуют великие повара.

Гляньте-ка: Рублев и Микеланджело, Ван Гог и Марк Шагал... Перед каждым — то же, что и у вас. Загогулина. Замысел. Партитура, мелодия будущих полотен. Не ее ли

расслышали земные гении в высоте, не она ли повела их кисть, как адаптер по пластинке?

Вздыхаете... Зря. Кто сказал, уважаемые, что вы мельче рангом? Проницая «рентгеновским» взором свои чертежи, залейте их кисельные берега молочными реками...

ЧИТАТЕЛЬ. Как это?

Хочешь попробовать?

Запрокинь голову. В синеве плывут белые клочья, осколки, обрывки каких-то фигур... Но дай задание воображению — и оно сформирует из них портреты зверей, растений, вещей (помнишь чеховское «облако, похожее на рояль»?)... Теперь проделай то же со своим патентом-проектом...

Что получилось? Трактор? Жираф? Барабан? Демисезонное пальто? Математическая формула?.. Любая из этих картинок — нагляднее, осязательнее для начинающего симоронавта, нежели лежащая за ней «арматура». Ассоциативный образ, высмотренный в загогулине, может сообщить ей ту предметность, которой так жаждет глаз.

ЧИТАТЕЛЬ. Компромисс...

Да, но — временный. Для тех, у кого ритуал «завтрак-обед-ужин» не превратился еще в смутное воспоминание. Если ты лично не относишься к их разряду, можешь закрыть на этом книжку. И, пролетая над общепитом, помахать иногда бывшим сотрапезникам ладошкой... Если же в холодильнике у тебя колбаска, в телевизоре — вождёленая мыльная опера, а в полушариях — мысли о том, как увильнуть от нежелаемой командировки...

Вернемся к твоим жирафам и барабанам. Не кажется ли тебе, что они пахнут симпотентами? Образы, рожденные не придумкой, а тем же внутренним нашим прибором, что и их первооснова, тоже должны выглядеть как *открытия*. Пусть для их обрисовки используется стандартная палитра, но важно обнажить в ней скрытые, нестандартные тона-полутона. Пока что этого не произошло — ты не позволил себе задействовать симоронский прожектор. И получил, естественно, узнаваемые по жизни картинки...

Чтобы миновать эту стадию банальной интерпретации загогулин и сразу по завершении самообгона выйти на качественную предметную ассоциацию, проведем некоторый предварительный тренаж.

...Дождемся вечера. Выйдем во двор. В доме напротив светятся десятки окон. В одной квартире люди ссорятся, в другой — мирятся, в третьей кто-то рождается, в четвертой — умирает... Но никто из участников этих сцен не знает, что делается за стеной. Наше же преимущество в том, что мы можем одновременно созерцать любые сюжеты. И не только созерцать, но и монтировать из них вполне пристойную повесть. Ну-ка...

ЧИТАТЕЛЬ. Пожилая дама играет на рояле... молодой папаша с малышом на руках помешивает поварешкой суп... девочка листает учебник алгебры... собачка плачет, тоскуя по хозяину... на экране телевизора танцовщица с испанским веером... кто-то ввинчивает дрелью шуруп в стену...

Теперь — вы, друзья. Плохо видно? Бинокля нет? Ничего, что заметите — то ваше. Итак, что там, в окнах?

ДЯДЯ. Пожилая дама играет на... на...

БАРЫШНЯ. На поварешке, по-моему...

ГРАЖДАНКА. Нет, это поварешка играет на... на...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. На даме.

БАБУЛЯ. Да, да... Только поварешка — пожилая. А задумшевно-то как...

Прекрасно. А если отойти еще дальше от дома?..

ГРАЖДАНКА. Мм... кто-то плачет по собачке... Ага, это учебник алгебры. Точно. Алгебра рыдает...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я вижу, как танцовщица... ввинчивает поварешку... в хозяина...

ДЯДЯ. Это что! Вот у меня картинка так картинка! Учебник, хозяин, телевизор и собачка помешивают испанским веером суп!

БАБУЛЯ. Смотрите: рояль листает папашу!

БАРЫШНЯ. Малыш с роялем на руках танцует... тоскуя по шурупу!

Как видите, на расстоянии четкость изображения теряется, вещи меняются местами, вступают между собой в свободные, непредсказуемые отношения. Каждая такая композиция безгранично расширяет наши представления о возможном-допустимом. Нет, конечно, мы не станем немедленно внедрять в повседневную жизнь плачущую алгебру или рояль, листающий папашу, но и относиться к алгебре *только* как к учебнику или к роялю — *только* как к музыкальному инструменту. теперь тоже не будем. Ради осознания данного факта мы и поставили с вами, уважаемые гости, этот безобидный эксперимент.

Повторять его, делать произвольный перемонтаж любых наблюдаемых предметов можно когда угодно и где угодно — дома, на улице, в транспорте. Если такой практикум станет для нас постоянным, мы будем готовы к тому, чтобы в нужный момент выйти к подлинным симоронским открытиям. Подлинным — то есть не подделкам, не тракторам и жирафам, сконструированным хитромудрым умом.

Пока наши гости отходят от потрясений, связанных с разрушением устойчивых причинно-следственных связей, у тебя, дружище, есть возможность потренироваться...

ЧИТАТЕЛЬ. Хорошо. Свежая проблемка сейчас — научиться качественной живописи. Самообгон: я обращаюсь в академию художеств... мэтры, соревнуясь друг с другом, пытаются передать мне свое искусство... работаю, как многостаночник, десятком кистей, на десяти холстах... их вывозят в парижский Центр Жоржа Помпиду, выбрасывают все тамошние экспозиции, заменяют моими... после смерти меня укладывают в мраморную гробницу рядом с Наполеоном Бонапартом... Наполеон мне малость мешает, потесняю его плечом... Все. Надоело. Теперь — загогулина?

Можно сразу выйти к ассоциативному образу. Хочешь — зарисуй его на бумаге, запиши словами или просто озвучь — как тебе удобно.

ЧИТАТЕЛЬ. Ну вот, симпатяга у меня родился: *сахарница, наполненная фетровыми шляпами*. Что дальше?

Как что? То же, что и прежде: путешествие по беспрепятственной трассе. Только теперь нет надобности сверяться с абстрактным маршрутным планом, бояться, что отойдем от него. Загогулина наполнилась красками, отложилась в нашем сознании в виде конкретной картины. Вспоминать о ней проще, удобнее...

Ну и, соблазнившись какой-либо общепитовской приманкой, мы тут же наткнемся на светлячка, в той или иной степени напоминающего наше создание. К примеру, продолжение твоей *сахарницы со шляпами*. Смотри, перед тобой целый набор:

...книги, беспорядочно сваленные на полке...

...начатая пачка сигарет...

...пестрый букет цветов в вазе...

...бигуди в волосах у родственницы, которая только что мелькнула в дверях...

Все это — *намек* на твоего симпатягу, которые могут быть высвечены в окружающем житейском пространстве. С тем, чтобы вернуть тебя на симоронскую верхотуру.

ЧИТАТЕЛЬ. Но декоративное оформление у этих светлячков — разное. Имеет ли значение, скажем, то, что сегодня я встретился со вскрытой сигаретницей, а завтра — с букетом цветов? Не увлекусь ли я распознаванием, сопоставлением со стартовым образом?

Если образ этот не сконструирован, если исторгнут из недр раскрепощенного воображения, как жаркий гейзер из земных глубин, любая его проекция будет мгновенно узнана, признана как «законная». Важно лишь не залюбоваться ею, не превратить в фетиш, не настроиться непроизвольно на ожидание новых приятных встреч.

Никогда, ни при каких

обстоятельствах не стремимся

к ПОВТОРЕНИЮ чего бы то ни было,

к опоре на то, что раньше

доставило нам удовольствие или

неудовольствие. Каждое мгновение

нашей жизни — как первый вдох,

первый взгляд, первое прикосновение...

Минуту. Пришли в себя наши визитеры. И, судя по всему, даже успели кое-что намалевать... Поделитесь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У меня — мышка, пойманная в мышеловку...

БАБУЛЯ. Я нарисовала бездонную черную яму...

ДЯДЯ. А я — дом без дверей, без окон...

ГРАЖДАНКА. Я придумала образы черствых, жестоких роботов...

БАРЫШНЯ. Моя картинка — скульптура Аполлона в модных плавках...

М-да... В следующий раз не стучитесь. Ни в темноте, ни при свете дня. Не откроем. По причине отчаянного вашего

халтуризма. Мышка в клетке — это же ваше бедное сердце, юноша. Яма — ваши ночные ужасы, бабуля. Заколоченный дом — мир, который не выпускает, дяденька, вас... Роботы — бюрократы, Аполлон — суженый... Словом, все то, с чем вы носились, как с писаной торбой, до Симорона и что должно было исчерпаться в самообгоне.

Мы же просили вас сотворить *искусство*, которое всегда — откровение, точка зрения первопроходца...

БАРЫШНЯ. У меня готово. Я построила стол со множеством лап, копыт и длинных ушей. Мягко переступающий лапами стол...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мое творение — средневековый замок, в котором хозяйничают двуглавые кенгуру, разглядывая все вокруг через пенсне...

БАБУЛЯ. Мой образ — котлеты, танцующие кабардинку...

ДЯДЯ. Майкл Джексон, живот в клеточку, как шахматная доска...

ГРАЖДАНКА. Чебурашка верхом на крокодиле Гене...

Ну и чем ваш Чебурашка отличается от этой вот пролетающей мухи или вон того кофейника? Экзотичностью, сказочностью? Но сказка, тысячи раз прочитанная, пахнет такой же крутой плесенью, как и многократно прокрученная правда. Дело не в Чебурашке, а в том, что с этим бойцом происходит, в каких акциях он задействован. Если бы, скажем, он пытался связать в морской узел скрипичный ключ со свеклой или вырастить у себя на затылке вермишель, — это уже нечто...

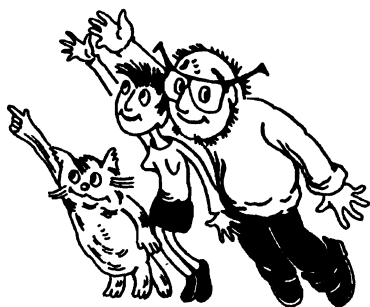
Что касается картин, предложенных остальными соискателями, то вектор задан, труба зовет... Это — своего рода форточки, сквозь которые Симорон «просочится» в разнообразный житейский материал. Хотя капитально держаться за них, как только что говорилось, не стоит: в недрах нашего Я ежеминутно рождаются свежие новости. Привыкнув к этому режиму как к норме существования, мы избежим остановок и падений...

Именно это хотели сказать мы в тот миг, когда пробудились от шока наши гости.

ШПАРТАЛКА 6

При движении по трассе временами возникает потребность удостовериться, что мы не сбились с пути, намеченного в загогулистом маршрутном листе. Это заставляет держать его извилистые очертания в памяти, стимулирует к поискам светлячков, в которых они повторяются. В связи с тем, что предшествующая предметная жизнь не подготавливает к операциям с отвлеченностями такого рода, у нас появляется некоторое напряжение, уводящее с трассы.

В качестве выхода из положения рекомендуется создавать по завершении самообгона живописные дубликаты загогулин — ассоциативные образы, в основе которых лежат обычные, узнаваемые предметы. Раскованное воображение монтирует из них неожиданные картины, которые легко запоминаются и при необходимости воспроизводятся во встречных светлячках.

* * *

Посмотрим же вокруг нетривиальным взглядом — и увидим невообразимое... С симоронской вершины мироздание наблюдается не как сваренное, готовое к потреблению блюдо, а как взбалтываемый коктейль из несоединимых подчас продуктов. Коктейль, рецепт которого никогда не повторяется, не приедается... Который всегда свеж, как сок *fresh...*

КАРЛ У КЛАРЫ...

Будущее...

Прекрасное далеко...

...Прекрасное далёко. Или недалёко.

Совершим экскурсию в будущее наших гостей, столь старательно осваивающих симоронский метод.

БАБУЛЯ, помилившись с монстрами, сидит на дачной веранде, щелкает семечки под сиянием восходно-закатного солнца...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, избавившись от сердечного недуга, лениво листает журналы с недоодетыми девочками...

ГРАЖДАНКА, найдя общий язык с бюрократами, распивает с ними «липтон»...

ДЯДЯ В ЛЕТАХ, обеспечив себе желанные доходы, дни и ночи проводит с удочкой у пруда...

БАРЫШНЯ, счастливо устроив свою судьбу, плетет благоверному завитки на могучей шерстистой спине...

— Что же здесь прекрасного? — слышим, читатель, твоё возмущение. — Бытие капусты! Уж лучше прежнее проблемное существование, чем...

Семечки...

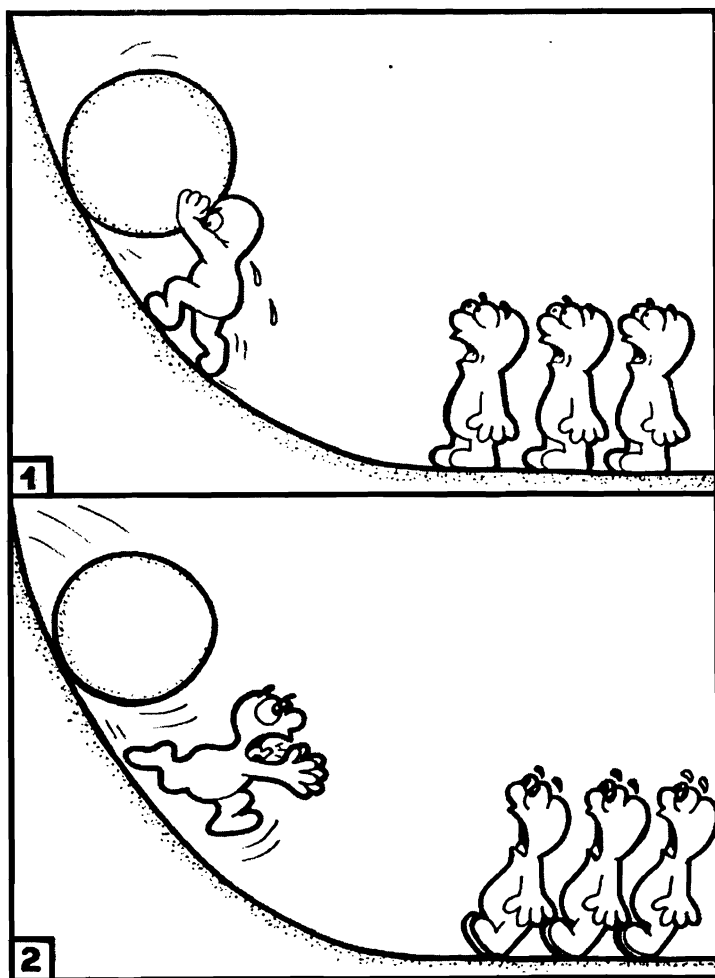
Девочки...

Пруд...

Удочка...

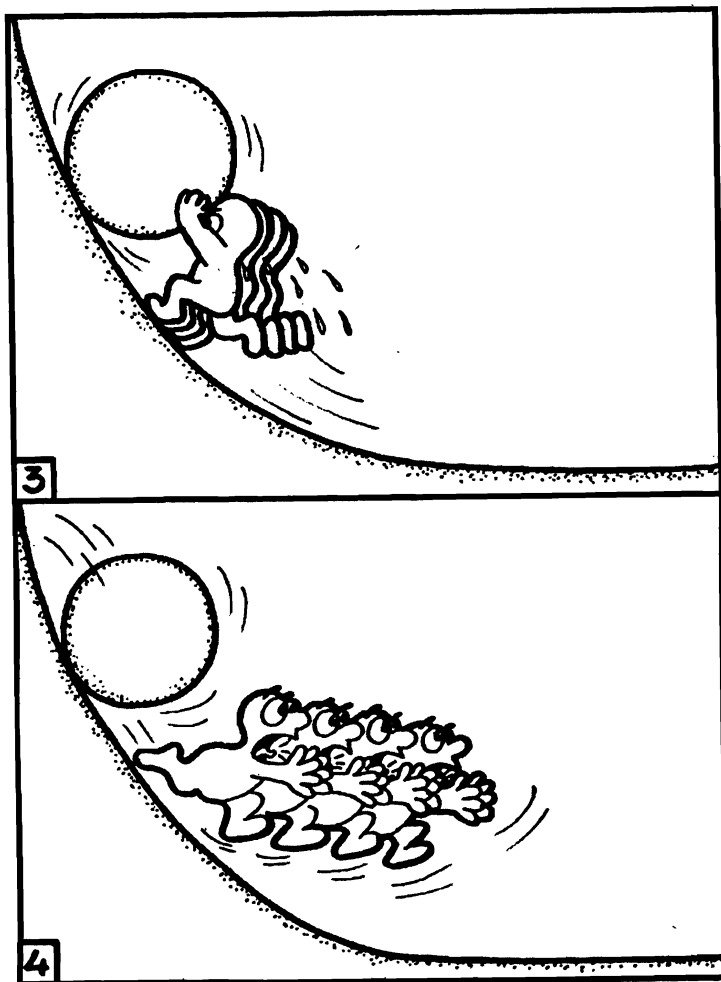
Дни
и ночи...

Бытие капусты...

Может, и лучше. Только дело в том, что нарисованное будущее не состоится. Мы списали его с типовых ожиданий людей, прикоснувшихся к Симорону левым мизинцем правой ноги. И полагающих, что по завершении их боевого задания жизнь вокруг станет — как диета для двенадцатиперстной кишки...

Ошибочное представление этих господ связано с тем, что они не знакомы с заветом нашей бабушки Клары. В свои неполные девяносто, не помня уже ничего-ничего,

не узнавая никого-никого, она слонялась по квартире, волоча за лапу бывшего плюшевого мишку-зайца, и твердила одно: «Надо что-то делать... надо что-то делать...»

Потребность в деятельности. Динамизм. Активность. Движущий стимул для двуногих, четвероногих, сороконогих. Симоронская система не устраняет его, а переключает в иной режим. Вместо беспорядочной суеты-маяты мы побуждаемы творческой инициативой, нескончаемой жадой открытий...

Бабушка Клара хотела сообщить именно это — просто забыла слова. Мы же, симпатизируясь, вспомнили их. И предлагаем теперь в качестве практического руководства для дальнейшего продвижения по симоронскому фарватеру.

До сих пор, фантазируя по поводу своих неосуществленных желаний, ты, дружище, производил различные операции исключительно в *голове*. Но в обыденной жизни все, что замышляется, воплощается затем при помощи рук. Попробуй пожить хоть денек в наручниках... Можно, не дай бог, лишиться зрения или слуха, но если та же беда случится с передними нашими конечностями, — никакие глаза-уши их не заменят. Исходя из этого, сделаем вывод: самообгон желательно исполнять не только языком, но и *руками*. Дабы увидеть реальный, материальный эффект своих ожиданий: это нас утолит, утешит куда больше, нежели туманная воображаемая картинка. То есть — будем лепить, конструировать, строить...

Вопрос: из чего лепить — из какой глины? из каких кирпичей строить? Кирпичи и глина — перед носом. Поскольку речь идет не о реальном жизненном процессе, а о его *имитации*, оперируем любыми случайными предметами, оказавшимися рядом. Поручаем им сыграть роли объектов, явлений, которые фигурируют в нашем монологе. Примерно так, как в старом фильме «Чапаев» Василий Иванович демонстрировал Петьке дислокацию войск, передвигая картофелины по столу.

Для начала — для практикума — возьми какую-нибудь несерьезную свою идею. Например, памятную по первым нашим встречам мечту покататься на ковре-самолете. Раскручивай сюжет, в котором ни одна преграда не помешает осуществить желаемое. Не сиди на месте — двигайся, подхватывая по ходу необходимые аксессуары...

Что требуется на старте? Ковер? За отсутствием персидского сойдет, скажем, стол. Оседлали. Взлетели. Без мотора — ни с места? Подребезжи чашкой о блюде — заработало... Над чем пролетаешь? Над крышами? Цепляешься за антенны? Что ж, убери их с пути — смахни на пол ножи и вилки. Ворона прямо по курсу? Ястреб, орел? Обо-

гни их — подхвати подушку с тахты, запусти в стратосферу... Эскадрилья вражеских истребителей — хотят тебя раскокать? Вот они, в виде стульев: лавируй между ними... Мало, нужен ответный удар? Расшвырай стулья! Приближается из космоса астероид, целится в тебя... Штурмуй его — лбом в трехстворчатый шкаф!

Больше не хочется? Самообгон завершен.

Осмотрим «поле брани»: что-то смято, что-то нагромождено... С симоронской высоты все эти предметы вкупе смотрятся как абстрактная композиция-загогулина — ее *объемный*, «скульптурный» эквивалент. Только вырисовалась она не постфактум, как прежде на бумаге, а по ходу создания этого «поп-арта». Освобожденные от потребности обслуживания вещей согласно их бытовым назначениям, руки *автоматически* собрали из них конструкцию, совершенно не употребляемую в общепите. Здесь *уже* должен присутствовать симоронский взгляд — симоронский образ... Насколько упрощается осуществление нашей генеральной задачи:

САМООВГОН И СИМПАТИЗАЦИЯ

СОВМЕЩАЮТСЯ ТЕПЕРЬ В ОДНОЙ

ПРОЦЕДУРЕ!

Все бы хорошо, но... не поспешили ли мы с приговором? Глянь внимательнее на свой склад. Для каждой детали нашлось уютное место. Ничто не выпирает, не выпадает... Как это у нас называется? Симпотент!..

Почему так вышло? Да потому, что по ходу строительства ты произвольно старался присобачить одно к другому. Помнил о том, что что-то может разбиться, испачкаться... Воспитанный же человек, в шляпе. Хочется, чтобы смотрелось гладенько, как после бритья тройным «жилетом». Итог — нечто узнаваемое, многократно где-то виденное... Нет, коллега, открытия таким способом не совершить. Патентное бюро отвергнет твоё произведение, гонорар достанется соседям с верхнего этажа, которые без всякого предварительного замысла-плана сбрасывают

в кучу рюмки и сумки, тапки и тряпки, стамески и занавески... Да еще и сами сверху усаживаются, как Чингиз-хан на поверженные знамена завоеванных народов.

Как думаешь, что побуждает нас аплодировать этим ваятелям? Конечно! Их детище — почти то, что требуется. Воспользуйся же их опытом *незаинтересованного* отношения к имуществу. То есть не строя из него икебану и не громя его намеренно. Ибо, устремляясь в *очевидное безобразие*, мы ничем не отличаемся от тех, кто предпочитает эрзацный дизайн: лепим того же симпотента.

ЧИТАТЕЛЬ. Сложно. Соседям все равно, на чем сидеть — на венском стуле или ящике из-под шмурдяка. Все равно, из какой тары хлебать — древней амфоры или ржавой жестянки. Но как мне *забыть* обо всем этом? Как увидеть в предметах *бескачественный* материал для сооружения своей скульптуры?

Ладно. Поможем тебе, опираясь на гениальное постижение, сделанное несколько лет назад неизвестным алкашом в пригороде Киева. Мы сидели на одной скамейке с ним и его приятелем, поджидая электричку. Приятель капитально тянул жилы из алкаша, рассказывая невнятно какую-то длинную малосюжетную историю. Тот вздыхал, вздыхал, наконец выпустил из себя резюме: «*Тупость, набитая глупостью*». Лаконизм и точность этого заявления побудили нас, сотворив из него аббревиатуру «ТНГ», рекомендовать к употреблению поколениям симоронавтов.

«ТНГ» — взгляд спросонья на свое окружение, когда не распознаешь ничего из того, что знал. Или, если хочешь, — точка зрения новорожденного существа, которому «до лампочки», что здесь, в пространстве, куда оно высовывает свой носик, уже есть машины и шкафы, деревья и птицы, небеса и твердь... Все эти вещи выглядят в его глазах не более чем *кубиками*, из которых можно выстроить что угодно.

Потренируемся? Закрой глаза, раскрутись, как Плисецкая в фуэте... Опиши то, что оказалось перед тобой, как если бы увидел этот предмет первый раз в жизни.

ЧИТАТЕЛЬ. Вижу окно — раму, стекла... Оно плотно прикрыто, заметны следы пленки, которой было оклеено на зиму...

Это называется — *впервые*? Чтобы выдать такую информацию, нужно обладать определенным опытом. Ну, представь себе еще, что ты — инопланетянин, понятия не имеющий о *функции* земных предметов. Хотя, заглядывая в справочник туриста, можешь пользоваться словесными обозначениями деталей, из которых эти предметы сооружены.

ЧИТАТЕЛЬ (*глядя на то же окно*). Вытянутый прямоугольник... Вдоль и поперек его — планки, на поверхности которых кое-где удерживаются фрагменты материала иной плотности и тона... Между планками — прозрачные плоскости.

Теперь та же операция, но с несколькими предметами. Например, табурет... ажурная хлебница... тубик с клеем «ПВА»... пиджак... лампа...

ЧИТАТЕЛЬ. Четыре палки, покрытые чем-то блестящим. Переплетение соломок. Маленький бежевый... ну, цилиндрик. А если название не вспоминается, не приходит в голову? В справочник смотреть некогда...

Создай свои названия: *буба, дуда, мумышка*...

ЧИТАТЕЛЬ. Две черные *дудышки*, вмонтированные в желтую *куку*. Длинная *гузуля*, наполненная чем-то изнутри...

Вот оно — «ТНГ»! Сохраняя в себе это лучезарное неведение, мы разучаемся в обязательном порядке видеть мир таким, каким ему назначено выглядеть общепитовскими законодателями. Разложив его на *атомы*, можем свободно монтировать из них свои откровения.

Прошло два дня. Или два месяца. Или два года. Будем считать, что ты не терял времени зря.

Есть ли у тебя какая-то реальная проблема? Обгоняйся и подкрепляй свою речь конкретными действиями. Не сортируя, не перебирая предметы — ведь это сейчас лицедеи, не имеющие своего лица. Переставляй их, двигай, накладывай друг на друга...

...*Finita la comedia?* Высмотри, если хочешь, в этом хаосе ассоциативный образ. Скажем, слева: скамейка *кандибобером* на столе, пуфик сбоку припека... Похоже на звероящера, несущего в зубах государственный штандарт Средней Карапузии?.. Или справа: вилка вонзилась в замочную скважину шифоньера, вокруг веером прочая сервировка... На этот раз — невеста со сверкающим от волнения носом, фата в блестках... Если ты сойдешь с симоронской трассы, одна из этих картинок вернет тебя на нее, повторившись своими очертаниями в том или ином встречном житейском объекте.

ПОДНЯТАЯ РУКА. Какая из них лучше, качественнее?

Никакая. Загогулистый симпатяга — сценарий, по которому можно снять разные фильмы. Проект, дающий возможность создать строения, не повторяющие друг друга. Все они в скрытом виде присутствуют в нем, проёктсценарии, — так же как в неказистом куске мрамора прячутся и Венеры с Аполлонами, и крестьянки с рабочими. Характер этих образов не имеет значения, главное — чтобы они были естественно выращены, не навязаны исходному скелету, выпирающему из них всеми сочленениями.

ЕЩЕ РАЗ РУКА. Нужно ли все же при создании объемного симпатяги подбирать предметы, более подходящие для изображения его деталей?

Вопрос на вопрос. Должен ли актер, играющий роль жука или мотоцикла, обязательно походить на них в жизни? Оперлируем, как уже говорилось, любыми вещами: пряниками, стаканами, ботинками, камешками на дороге, шишками и ветками в лесу... От нас, постановщиков этого шоу, зависит, насколько удачно, убедительно выступят исполнители.

Если не дотягиваемся до предметов руками (фиксируя, например, на *натуре* здания, машины, облака, тумбы, клумбы...), даем то же задание *глазам*. Не любопытствующим, а — *творящим, рисующим...*

ЕЩЕ РАЗ. Вы только что предложили — в лесу... Годится. Уединюсь. Отчего мир так несовершенен? Хочется, чтобы тебя понимали, окружили вниманием... Пусть эти кусты будут моими друзьями, родственниками, коллегами: подойду к каждому, пошуршу ветками — это они общаются что-то доброе, приятное... Клянутся в верности, дают твердое слово: вот она, эта твердыня — каменная глыба у ног... Глаза их сверкают искренностью, признательностью, льются слезы раскаяния: черпану ведерком воды из озера, орошу травы-муравы... Солнышко осветило все это — красиво... Запомнится надолго.

А вам запомнится, господа?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Впечатляет.

ГРАЖДАНКА. Очень даже недурственно.

БАРЫШНЯ. Трогательно.

ДЯДЯ. Здорово получилось.

БАБУЛЯ. Знаете, к горлу комок подступил...

Так... понятно. Чем мы тут, Бурланы, занимаемся? Надо в прачечную сходить, потолки побелить, огурцы засолить... Прощайте все. Захлопните книжку и засуньте куда-нибудь на антресоль, в закус. Лет через двадцать случайно наткнетесь... или дети ваши... или внуки... или мыши...

ЛЕС РУК. ??????????.....

Смысл нашей обгонялки — в выходе из игровых обстоятельств, формирующих обманные хотения. В данном же случае выход не состоялся. Обман законсервирован. Нарисованная картина будет умилять созерцателей минуту-другую, с тем чтобы снова опрокинуть их в исходное отчаяние: идеал-то по-прежнему недостижим...

МОРЕ РУК !!!!!!!!!!!!!!!..

Хорошо, вернитесь назад в чащу-рощу. Соорудите самообгонную пирамиду. И в тот момент, когда травы-муравы оросятся слезами и озарятся солнцем, пусть взгляд ваш, лишенный пелены, увидит не лубочно-опереточный пейзаж, а образец подлинного совершенства. А именно...

ГРАЖДАНКА. Мундштук в устах доярки из Вавилона...

ДЯДЯ. Двадцать вторая ноздря орангутанга...

БАБУЛЯ. Верхнее «до», танцующее на сиреневой яго-
дице кандидата в депутаты...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Принцесса, которая подносит
кo рту ложечку с кубометром паркета...

БАРЫШНЯ. Дневник приора де-Лавентюх, записан-
ный на дне ДнепроГЭСa.

И все — предметно, лиственно, веточно, влажно, шур-
шательно... Все процежено через конкретные пальцы
строителей. Которым вряд ли уже угрожает сонное буду-
щее, так недальновидно предсказанное в начале данной
главы. Ибо вы теперь — заряжены энергией, вы теперь —
непоседы, одержимые страстью творения... «НАДО ЧТО-
ТО ДЕЛАТЬ!» — не так ли?

Искры в твоих очах, читатель, говорят, что и ты *там*
же. То, что плыло, — уплыло. Хотя, к сожалению, слишком
оно типично... Человечество тысячи лет надеется, что,
показав себе колоритно собственные язвы или румянцы,
сумеет что-то с собою сделать. Живопись, литература, те-
атр, кино... А воз и ныне там. Потому что, как Сизиф, не
докатываем свой камень до верхней планки. Катим —
и подсознательно ожидаем: скоро ли сорвется. Привыч-
ное дело. Все так жили, все так будут жить.

Но вот в море-окияне, на острове Буяне, собралась
партия исследователей, которые мыслят иначе. Камень
можно и нужно докатить. Легко и не закусывая. И тогда,
достигнув упомянутой планки и обозрев ступеньки своего
восхождения, мы не узнаем их. Все это осталось в дымча-
том нашем прошлом, да и было ли, братцы, вообще?.. Впе-
реди — перспектива новых дорог, непредсказуемых...

* * *

Еще несколько вариантов предметного самообгона.

Представляем проблему образно, ассоциативно, к при-
меру: «Увядающая ромашка». Запускаем этот образ в череду
«мармеладных» фантазий, скажем:

— Поливаем ромашку нектаром — смесью утренней росы и выжимки из радуги, она оживает, раскрывается, растет, становится огромной... Прослышав об этом чуде, из Франции приезжает представитель цветководческой фирмы, ромашку забирают на международную выставку... Там она получает сто высших наград. Изображение ее помещают в свои гербы десятки стран... и т. д.

Все это материализуется при помощи случайных вещей, оказавшихся под рукой. В итоге наблюдаем, как всегда, беспорядочный склад. Далее — симпатизация, трасса...

* * *

Близкий к изложенному способ: используем в сладком самообгоне гиперболизированный образ себя проблемного. Например: *мягкий, неспешный пингвин; закипающий чайник с грохочущей крышкой; бельевая веревка, обвешанная одежками так, что гнется, рвется от тяжести...*

Предположим, я — «дикий, необузданный козлик». Описываю приключения данного козлика (иллюстрируя действия предметами). Например:

— Я расту, превращаюсь в огромного козлищу, мощные рога у меня повсюду: на лбу, на коленях, сзади... Бодаю цистерну с бензином, там образуется дырка, хлещет бензин, вспыхивает... Горят дома, леса... Ношусь среди пожаров, затапывая ногами-рогами огонь, брызгая на пламя струями слюны... Вот я, разъяренный, красный, бросаюсь грудью на самый свирепый столб пламени, вздымаюсь на его вершине в небеса, рассыпаюсь там фейерверком...

* * *

Наконец, лепка объемных симпатяг из пластилина, теста, натуральной глины... Или — из собственного нашего тела. Смотри, сколько в нем всякой всячины: руки, ноги, спина, губы, язык... Чем не *кирпичи* для самообгонного сооружения? Но собой манипулировать трудно: попроси родственника или приятеля поассистировать тебе в качестве «зеркала». Вылепи из него последовательно все, что рисуется в твоих разыгрываемых мечтаниях, дополни декор,

ШПАРТАЛКА 7

Самообгон, исполняемый *в воображении*, — малоэффективен. Пальцы чешутся в ожидании, когда можно будет перехватить инициативу и осуществить желаемое предметно. Дадим же им работу — проиллюстрируем свое сочинение соответствующими действиями, используя для лепки необходимых по ходу вещей материал окружающих объектов. Опирируя ими как нейтральной глиной, руки наши постепенно освобождаются, очищаются от утилитарного симпотентского опыта, «вспоминают» то, что знали, умели, когда не были еще *человеческими* руками...

Предметная масса, которая была использована в этой процедуре, выглядит по окончании ее как объемная загогулина. Ассоциативный образ, высмотренный в ее очертаниях, является как бы симоронским открытием, которое может стать основой для светлячков, возвращающих нас на трассу.

Можем лепить симпатяг из пластических материалов, из собственного тела.

Если мы находимся в условиях, где вещи недостижимы для рук (большое расстояние), работаем манипуляторами-глазами.

Дистанция, отделяющая от нас предметы во времени, возвращает к работе с воображаемым самообгоном. В принципе, противопоказаний к его применению нет, главное — выход к *вещественному* симпатяге (рисунок, скульптура, предметная композиция).

Теперь, читатель, ты можешь свободно сдать зачет по трем основополагающим темам симоронской системы:

1. Самообгон, воображаемый или предметный.
2. Создание (восстановление) симпатяги.
3. Наблюдение элементов симпатяги (светлячков) при нисхождении с трассы.

Это позволяет перейти к четвертой теме, может быть, самой-самой...

ПОДЕРЖИТЕ ШТАНГУ...

Стук-перестук...

Аудитория...

Слышишь, дружище, стук-перестук? Будто несколько дятлов сразу... Мощных таких дятлов, подкормленных, потому и эхо — на три квартала.

Парты...

Где же они, птички-сестрички? Или братишки? Пойдем на голос...

Аудитория. Парты. За партами — знакомая пятерка, грызущая симоронскую науку. Глаза вонзились в конспекты. Дребезжат губы, исступленно повторяя написанное пером. Не вырубленное топором. Потому что топоры заняты другим делом. Взметнулись и опустили, чтобы зарубить на носу...

Зарубки...

Вот откуда стук с перестуком! Мы грудью бросились наперерез, спасая неповинные носы, на поверхности которых наши последователи успели увековечить три постулата симпатизации, обозначенные выше, в шпаргалке...

Носы...

До четвертой зарубки, слава богу, не дошло. Тем не менее повод для нее есть. И очень даже существенный.

Не вешать нос, гарде... мороны! Посмотрим в спокойной обстановке, что скрывается под этой загадочной цифрой:

4.

Три постулата...

Не вешать нос...

Ты подсчитал, сколько многозначительных точек стоит за ней? Добавь столько же и умножь на столько же. Ибо здесь, как было объявлено, — *самое* долгое, *самое* главное, *самое* приятное. Как брачная ночь у Ромео с Джульеттой в том случае, если бы они не послушались Шекспира и оказались не столь суетливы.

Долгое — потому что это навсегда, на всю жизнь.

Главное — потому что остальные вещи отступают, пропадают и рассыпаются, как труха.

Приятное — ибо это чистой воды творчество, окрыляющее и неиссякаемое, приносящее каждый миг оscarов, хрустальных сов и пальмовые ветви.

Не будем больше тебя томить, раскроем завесу. Итак, пробудив в себе уснувшую было творческую инициативу — включив свой прожектор-проектор, — мы движемся по его лучу. Казалось бы, прошлое осталось позади, ничто из вчерашних впечатлений не плетется за нами, не наступает на пятки... **Наступает!** Только незаметно, мягко, исподволь, с тем чтобы обрушиться лавиной именно в тот миг, когда мы, как нам кажется, сверх-защищены Симороном...

О нем, Симороне, и речь. Вот он, красавец, мачо, в папахе или сомбреро, верхом на коне иль дельфине, с чемоданом, набитым купюрами, или с корзинкой подснежников, собранных в январскую стужу в штате Индиана... Как не залюбоваться! Ведь именно ему, благодетелю, обязаны мы неожиданной удачей, свалившейся на голову. Место, миг, нута, где это случилось, заслуживают отметины. У-ве-ко-ве-чим! Разместим симпатягу в красном углу, за стеклом, с сигнализацией, секьюрити, отпугивающими табличками: «Не подходить — убьет!»

Но боже, боже... Через день-другой эта законсервированная свобода издает уже смачное симпотентское амбре. После чего — стучись в него, в лучезарный образ, молись, рыдай, требуй: глухо, как в магазине, где закончилась новогодняя распродажа.

Что в этом случае делает недосиморонившийся симоронавт? Пишет заявления в инстанции: «Симорон не работает». Если таковое произойдет с тобой, читатель,

не спеши, осмотри внимательно вверенную игровую территорию: не занимает ли большую ее часть каменное изваяние, возведенное твоими руками? Занимает? Ох-хо-хо... Прильни, горемыка, к нашей груди, погладим тебя, пожалеем — может, отпустит...

Не отпустит — придется, вздохнув, признаться, что перед тем, как лепить этот монумент, ты забыл помыть руки. Которые привыкли мертвой хваткой держаться за перила. И до тех пор, пока ты будешь использовать вольного симоронского птаха в этом качестве, обслуживать тебя он не захочет категорически.

Договориться же с ним можно, отпустив поводья. Прекратив обсасывание своего успеха или неуспеха, выбив колышек из той координаты, где мы застолбились сознанием, забетонировались памятью, надеждами, ожиданиями повтора...

НИЧЕГО ЭТОГО НЕ БУДЕТ!

Если Симорон застрял в пункте «А», нужно немедленно переставить его *вперед*, в пункты «Б», «В», «Г» (см. азбуку для подготовительной группы детского сада имени Рамзеса II).

И тогда...

Впрочем, начнем сначала. Личность наша напоминает трамвай, который штангами цепляется за провода, а колесами — за рельсы. Если отключить электричество — штанги опадут, машина остановится, рельсы сами по себе бесильны ее повести... Конечно, можно толкать ее, тянуть буксиром, расшатывать из стороны в сторону, волочить на своем горбу... что, собственно, и происходит в нашей боевой и кипучей. Но — насколько все это способствует качественному движению? Стало быть, задача — обеспечить постоянный приток «верхней» энергии.

Первым делом включаем симпатягу, полпреда расширенного Я. Но локальный симоронский образ, как уже говорилось, — лишь фрагмент нашей до-здешней биографии, один кадр из нескончаемой киноленты. Загорелась первая лампочка в гирлянде, в трамвае включился свет, но —

этого мало: он не сдвинулся с места. И не сдвинется, пока мы будем водить «каравай-каравай» вокруг чудо-лампочки. Если же восстановить всю цепь — или хотя бы значительную ее часть, — электричество заструится по проводам, вагоны пойдут, рельсы с готовностью подхватят их движение... Иными словами: имеет смысл капитально заняться выращиванием, построением *симоронской трассы* — череды примыкающих друг к другу лампочек-симпатяг. Раскатать ковровую дорожку, в истоках которой вышит знакомый нам образ, и продолжить вышивание, создав своего рода «комикс»...

Это выглядит, примерно, так. Пусть стартовая картинка у нас — «трехпудовый шоколадный наперсток». Приступим:

— Беру трехпудовый шоколадный наперсток... и чешу им чубик на голове у мухи «цеце»... отчего она отказывается петь в опере «Пиковая дама»... и уходит в качестве наложницы к племяннику кесаря Вавилы Хрюмацкого... у которого отклеилась половина спины... и устроилась работать водолазом в одесском порту... потому что квадратные салфетки шагают строем на параде... по случаю того, что босоножки у Манечки вывернулись наизнанку...

Замечаешь, что каскад предложенных образов по стилю, метафоричности является как бы *прямым продолжением* первой картинки, и в то же время между ними нет никакой *причинной связи* — каждый существует сам по себе, соединяясь с соседями условными мостиками? Что каскад этот исполнен *на одном дыхании* — без пауз, перекуров? Что он не имеет никаких *очевидных пересечений* с текущей перед нами реальностью? Вот основные формальные критерии *качества* данной работы.

В общем, дружище, если ты не последовал примеру великопленной пятерки и не подверг еще «боди-арту» свой пяточок, понюхай, чем пахнет четвертый постулат, до которого не добрался топор наших героев. И который звучит так:

Уважаемые нособорцы, сделайте любезность, утолите свою устремленность к познанию Симорона: исполните самообгон. После чего зарисуйте загогулину — так, как мы это делали в первые дни-часы...

Готово? Возьмите свои чертежи в руки, станьте вплотную друг к другу, чтобы вышла непрерывная галерея. Как вы полагаете, что сие есть? Конечно же, модель симоронской трассы. Продлив, соединив одну загогулину с другими, мы получим *ковровую дорожку* — космическую траекторию.

Ты, дружище, тоже поучаствуй в этой акции — пусть твой чертеж будет первым в шеренге. «Расшифруй» его образное содержание: опиши соответствующую ассоциативную картинку.

ЧИТАТЕЛЬ. Похоже на ботинок... нет, на сковородку...

И что же *происходит* с этим ботинком или сковородкой?

ЧИТАТЕЛЬ. Ну, ботинок упал на сковородку... лежит на сковородке...

Мда... Почему бы и нет? Что-то куда-то падает, что-то где-то лежит — логично. Как и положено в общепите, где к раздаточному окошку выстраивается очередь: бабка за дедку, внучка за бабушку... Но ведь на трассе-то такие обязательства отсутствуют — там нет смены ночи и дня, обеда и ужина, старта и финиша. То есть все это может быть, но — не сцементированное земным детерминизмом: любой элемент изымается без ущерба для целого, переставляется куда угодно, заменяется другими элементами.

Мы с тобой познакомились недавно с этим методом, тренируясь в просмотре окон. Помнишь — в одном окне, скажем, стирают белье, в другом — жарят рыбу. Изображение сдвоилось, перепуталось: *жарят белье, стирают рыбу*... Видимость смысловой связи сохраняется, но в стыковке нестыкуемых элементов слышится парадоксальность свежего взгляда на мир.

Попытайся взглянуть на свое создание именно такими глазами — из пространства, где ум, конструктивный опыт уступают свободному почерку Симорона. Не забывай при

этом о завете бабушки Клары: движение, динамизм, действие — везде, во всем, в том числе в структуре самого образа.

ЧИТАТЕЛЬ. Ботинок выступает с докладом на третьем съезде охотников за сковородками...

Допустим. Что было дальше?

ЧИТАТЕЛЬ. Ну, доклад принят на ура, сковородки собрались вокруг ботинка, стали его качать, охотники обнялись с ними, ботинок начал плясать на их плечах...

Ага... Раздуваем костер, подключаем к лампочке энергию в тысячу вольт. Конечно, она разгорится, запылает ярко: освещенный трамвай сверкает, как новая комета... Но — ни шагу вперед, как вкопанный! Почему, думаешь?

ЧИТАТЕЛЬ. Нужно оставить эту лампу в покое, заняться другими, следующими в гирлянде.

Верно. Серия автономных образов. Прodelай то, что ты только сотворил со своей загогулиной, с соседними чертежами, выстроенными сотоварищами: заполни их собственными красками. Не спеши — тренируйся. Чтобы избежать разрывов в повествовании, используй союзы, предлоги, наречия. Увидишь: продолжать рассказ будет гораздо легче, тебя как бы понесет...

ЧИТАТЕЛЬ.

— Ботинок выступает с докладом...

— ...потому что иглокожий дредноут лижет подбородком видеокассету с изображением пяти дочерей чугунового ведра...

— ...тогда как замок графа Графинского распластывается бобиком под лужицей морковного сока...

— ...пережевывающая корону Людовика IV, выставленную на водонапорном кране в качестве прибора для измерения давления у пепельниц...

— ...из-за того что Иван в семнадцатый раз пересчитывает левый глаз Марьи...

- ...а правый поворот руля пишет письмо двоюродному пиджаку...
- ...*который* изгнан из Мелитополя за пропаганду рыбьего жира...
- ...ведь рыбий жир упал в пропасть... упал в пропасть...

Не стоит топтаться на месте: если не получится естественно выйти к открытию, спокойно проговариваем банальность и следуем дальше. На первых порах фальшивки почти неизбежны, не будем этого бояться: перед выходом в открытый космос испытатель долго болтается на стенде, делая вид, что он в невесомости... Не хватает слов — создаем сами по ходу свои понятия, обозначения. Рано или поздно трамплин вынесет, куда надо.

Потренировавшись с разрисовкой загогулин (может быть, не один час и день), делаем следующий шаг. Пусть теперь холстом для нашего рисования будет суженное сознание собеседника. Найдем какой-нибудь повод для разговора, зацепимся за любую идею, мысль и — полетели по трассе... Подстегнутое предшествующими опытами ассоциативной живописи, воображение легко подскажет череду картин.

Неплохой практикум в этом плане — вопросы-ответы. Кто-то задает нам конкретный житейский вопрос — о погоде, времени и т. п., мы же даем развернутый *симфонский* ответ. Спроси нас, к примеру, о чем-нибудь...

ЧИТАТЕЛЬ. Что вы делаете сегодня вечером?

Сегодня вечером...

...мы уложим свинок в табакерку рядом с синими баклажанами...

...потом помажем тунгусу нос охрой...

...а Асю вытащим из утюга...

...потребовав от статных головастиков, чтобы они громче пели арию Кармен...

...после чего наполним сундуки панками и панасониками...

...а игуанодона попросим привезти с Донбасса свекольные бюстгальтеры.

Тренироваться, как всегда, желательно в естественной, незнакомой обстановке — на улице, рынке, на вокзале... Ожидаемая в этих случаях негативная реакция со стороны тех, с кем мы вступаем в диалог, не возникнет, если с первых же секунд контакта в них высветится симпатия. Который по мере развития нашего «комикса» побудит их включиться в беседу на той же волне либо, в крайнем случае, просто зарядит на время хорошим настроением, обеспечит удачливость в их делах.

К симпотентам же в человеческой упаковке не обращаемся: их право играть свою игрушку, сколько захочется. Аналогично не предлагаем другим людям какие бы то ни было сюжетные *заготовки*, сценарии, *придуманные* или *исполненные* до этого нами или кем-то.

Симорон — это всегда ИМПРОВИЗАЦИЯ.

Пример — история с одним артистом, известным озорником. Однажды ему срочно понадобилась пара рублей, смотрит — идет знакомый. Обратился к нему, тот предложил: «Рассмеши — получишь гонорар». Разговор происходил рядом с транспортной остановкой, в эту минуту подъехал троллейбус... Артист, не раздумывая, подскочил, дернул с проводов троллейбусные штанги, попросил проходящего мимо человека: «Подержите, пожалуйста...» Естественно, выскочил разъяренный водитель... но, увидев популярного актера и его хохочущего приятеля, вдруг сообщил: «Правильно, похолодало, надо их согреть». Достал из кармана платок и закутал в него фрагмент штанги. Увидев такое дело, прохожий, которого вовлекли в розыгрыш, обернул газетой следующий фрагмент. Некоторые пассажиры, наблюдавшие за происходящим из окон троллейбуса, вышли и продолжили работу при помощи своих шарфов, косынок, шнурков...

Но вот во второй раз тот же номер исполнить не удастся: за симпотентство в народе быют. Не скажет нам спасибо и спасающийся от пожара человек, которому, вместо воды, предлагается сортировать имена мерцающих капель менталитета, выстроив их в шеренгу на бородавке профессора

Хлюпьева, женив его на авантюристке Гульке, поставив ее памятником в торфяном лесу, где производятся операции по пересадке морщин с колен на пятки... Пока эта песня будет звучать, дом данного гражданина благополучно сгорит.

Надеемся, Симорон уберезет тебя от ошибок. Через какое-то время ты сможешь в любых условиях осуществлять *непрерывный* полет по светящейся гирлянде, не давая себе остановиться в созерцании одной из ее ламп. Если до этого и возникало иногда искушение такого рода, то теперь, в процессе тотального движения по симоронской дороге, с ним покончено.

ЧИТАТЕЛЬ. Но... не улёт ли это все же в мир грез, о котором предупреждалось в вашей «Предыстории»? Не сладкий ли самообман? Ведь пока в голове моей, как

в миксере, перемешивается реальность, здесь, на Земле, все течет своим чередом: войны и праздники, созидание и разрушение...

Да, течет, но только не там, куда падает тень от твоей пролетающей в высоте личины. Вернее, не тень — свет... Пусть это скромный участок в панораме общепитовских развлечений, но на его территории происходят вещи, никак не вписывающиеся в стандартный репертуар. Нормой здесь является обновление жизненного уклада по программе, неизвестной, недоступной доселе для его населения.

Впрочем, скромность данного участка — понятие относительное: дорога одного симоронавта пролегает по территории, где обитает десяток землян, тропа другого охватывает тысячи и тысячи его человеческих соплеменников... Дело не в количестве. Кто оценит размеры вклада в цивилизацию, сделанного тем или иным первопроходцем? Может, скромная блоха, подкованная скромным Левшой, дала не меньший толчок к развитию прогресса, чем изобретение братьев Райт...

В преамбуле мы действительно говорили о пагубности отрыва от реальности. Наша же задача — лишь отказаться от представлений, что окружающие явления должны обязательно исполнять предназначенные им функции. Опираясь ими как глиной, лепим из них свободные формы и пользуемся этими формами как своими *летательными аппаратами*. Их внешняя декоративность не мешает нам ощущать внутреннее единство всех этих образов, то есть стоящее за ними наше исходное Я.

Итак, тренаж выращивания трассы завершен. Как будем использовать теперь этот опыт в живой жизни? Предположим, некоторое время назад мы создали образ симпатяги, скажем — «*Квадратное лицо со звонком*». И вдруг заметили, что превращаем его в фетиш... Не мешкая, приступаем к работе:

... поручаем квадратному лицу пригласить на танец бульдога в тубетейке...

... заключаем его в объятия с бригадой собутыльников патрарха Никона...

...которую заворачиваем в позавчерашнюю газету «Вечерний патрон-позитрон»...

...а позитрон этот усаживаем на хлещущую мурмышками кровать...

...и скачем на ней к балкону, где обучаем неандертальцев петь тифольские песни...

ЧИТАТЕЛЬ. Когда нужно ставить точку в этой процедуре?

Никогда. Это теперь — постоянно. Фундамент симоронского существования, база нашего освобождения. Череду эпизодов трассового сюжета развиваем до тех пор, пока не войдем в состояние *автомилота*, ничего уже специально не предпринимая, не рисуя, делая все незаметно, между прочим... Рано или поздно это становится внутренней нормой нашего бытия: мы просто ощущаем-знаем-наблюдаем, как формируется исходящий из нас *поток*.

Ковер покатился, штанги нашего трамвая побежали по проводам... Но констатировать данный факт *словами* — иногда недостаточно: это все равно, как если бы фокусник, вместо того чтобы резать пополам ассистентку, просто рассказал бы о своих планах зрителям.

Мы не отрываемся напрочь

от земли — колеса под нами

должны быть ощутимыми,

они лишь направляются по новому,

перспективному маршруту.

В связи с этим, если есть время, имеет смысл иллюстрировать свои речи действиями: рисовать описываемые картины на бумаге, лепить их *руками* — так же, как мы делали это в объемном самообгоне. Используем реальные вещи, находящиеся в поле зрения: это сейчас, как ты знаешь, лишь *кубики*, не имеющие лица.

Ну-ка...

ЧИТАТЕЛЬ. Ну, скажем, вначале у меня — *коза в бескозырке* (надеваю на верхушку торшера шапку)... *которая влюбилась в супер-небоскреб* (прислоняю к торшеру большую стопку книг)... *оказавшийся итальянским тенором* (сверху на стопке пристраиваю будильник, включая его)... *нежно обнимающимся с Кинг-Конгом* (заворачиваю всю конструкцию в рулон туалетной бумаги)... *в сибирских джунглях* (втыкаю в щели карандаши — «деревья»)... *под охраной лысой гвардии генерала Бе-Бе* (облачаю торчащие кончики карандашей в напальчичники)... Что дальше? Собрать все эти вещи в один суммарный образ?

Зачем? Ведь задача у нас сейчас — набрать скорость, разогнаться по бесконечности... Никаких остановок, фиксаций. Не стремимся к завершенности картин, рисуем все эскизно, легко... Если потом и вспыхнет в памяти что-то из созданного в этот период — на здоровье, но вывешивать это полотно в музее — сам понимаешь...

ПЯТЕРКА ГОСТЕЙ. Можно, и мы...

Если вы готовы взглянуть дальше своего носа...

ОДИН ИЗ ГОСТЕЙ. Мой симпатяга — *пирожок с начинкой из дискет* (натуральный пирожок)... *он взгромождается на мост, где живут 374 тетраэдра* (кладу его на полку с тетрадами)... *после чего в каждом тюфяке поселяется по звонарю* (позваниваю в карманах ключами)... *и плоскогубцам вставляется по два глаза и две пары усов* (плоскогубцы — пара моих ног, глаза — туфли, усы — шнурки)... *которые шлют телеграмму Наталье Гончаровой: «Не чисти чешую с карпов по понедельникам»* (телеграмма — салфетка)...

ДРУГОЙ ГОСТЬ. Образ: *спичечный коробок-колобок* *раскрывается* (действительно спички)... *я вкладываю спичку в ухо зеленоглазой обезьяны* (вонзаю в кончик огурца)... *затем мажу маслом подметку ефрейтора Дубовенко* (облизываю свою руку с тыльной стороны)... *и в то же время расплетаю корзину и сплетаю конную статую бомжа Помидоркина* (приделываю ноги из шариковых ручек банке

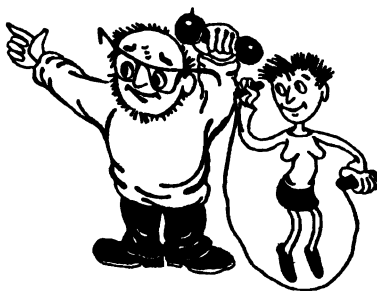
ШПАРТАЛКА 8

Образ, созданный в результате симпатизации, может быть по инерции законсервирован нами, превращен в симпотента. Избежать этого можно, направленно занимаясь строительством трассы.

С этой целью тиражируем рисуемые единожды картины, облекая каждое их повторение в качественно новые декорации. То есть по сути — это тот же симпатяга, а по форме — нечто совершенно иное, ничего общего не имеющее со стартовым изображением.

Если сюжет самообгона представляет собой планомерную логическую вязь эпизодов, их причинное произрастание друг из друга, то фрагменты трассовой композиции абсолютно автономны и соединяются псевдологическими прокладками — союзами, предлогами и т. п.

Выращивание трассы осуществляется в режиме непрерывности — вербально либо в сочетании текста и изображения, исполняемого в рисунках, в лепке из подручной предметной массы. Задача — взять разгон, который обеспечит в дальнейшем автоматический процесс нашей безостановочной творческой самореализации.

Честно говоря, освоив то, что изложено на предыдущих страницах, можно подать заявку в книгу рекордов Гиннесса. Тебя запишут туда по многим статьям, ибо предела проявлению своих супер-возможностей, открывшихся через Симорон, ты не увидишь. В самом деле: проблем нет, голову переполняют невероятные, но вполне осуществимые идеи, душа исполнена чувств, известных разве что Пушкину или Шишкину в момент взлета...

Дальнейшие главы адресованы... извините, троечникам. Тем, кто хочет, но — отвлекается. Зевает. Устраивает частые перекуры. Плюхается на свежеекрашенные скамейки. Бросает бюллетень не в ту урну. Роняет бутерброд не той стороной. Наступает на грабли пять раз на дню...

Как вырастить из середняка хорошиста, из хорошиста отличника — наша забота. Придется затратить немного времени... совсем немного. Может, месяц. Может, год. Может, жизнь... Зато Гиннесс — гарантирован. Мы дали задаток: зарезервировали там пару чистых страниц. Одна из них — железно твоя.

Так что если у тебя *вся спина белая* — не переживай. Сядь поудобней. Раскрой пошире уши-глаза.

Мы — продолжаем.

Мы — начинаем...

УТКИ И ДОКУМЕНТЫ

О!

Утки!

Жил некогда по соседству с нами дед Василь. Несмотря на неюные годы, был крепок и подрабатывал грузчиком в гастрономе. Возвращаясь под вечер на шатких от трудового героизма ногах, наткнулся на нас, хватал за рукав или ворот и приступал к исповеди. Она затягивалась, как правило, на час-другой и состояла из лаконичных, пропитанных букетом «политура + денатурат + тройной одеколон», заявлений:

1. О!..

(Пауза минут в тридцать, напряженное обдумывание следующего сообщения.)

2. УТКИ!..

(Такая же по длительности пауза, сопровождаемая разнотемпным шевелением складок на лбу.)

3. А ДОКУМЕНТЫ?..

(Снова полчаса умственных страданий.)

4. О!..

Так как этот сценарий ежедневно повторялся один к одному, вскоре мы постигли его глубинную суть: в магазин прибыла партия мороженых уток, сопроводительные документы при них сомнительны, что не может не вызвать у истинного общепитовского патриота душевных мук и решимости пригвоздить названных уток к столбу.

А документы!

Час-другой...

Страдания...

О!

Утки!

Ежедневно...

ЗА ДОЛГИЕ ГОДЫ
МОЕЙ БУРНОЙ ЖИЗНИ
Я НАКОПИЛ МАССУ
ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ!

С течением времени гастрономически-этический аспект этих событий для нас поблек, но в памяти осталась безупречная ментальность дед-васильевских тирад, применимая практически к любым исканиям *Homo sapiens*'а. Все они укладываются в лаконичную модель, безвозмездно подаренную братьям дедом, пламенеющим от многоградусного гамлетизма:

1. О!

(Мы заметили некое явление...)

2. УТКИ!

(Рассмотрели, что оно собой представляет...)

3. А ДОКУМЕНТЫ?

(Обнаружили некондиционность этого явления...)

4. О!

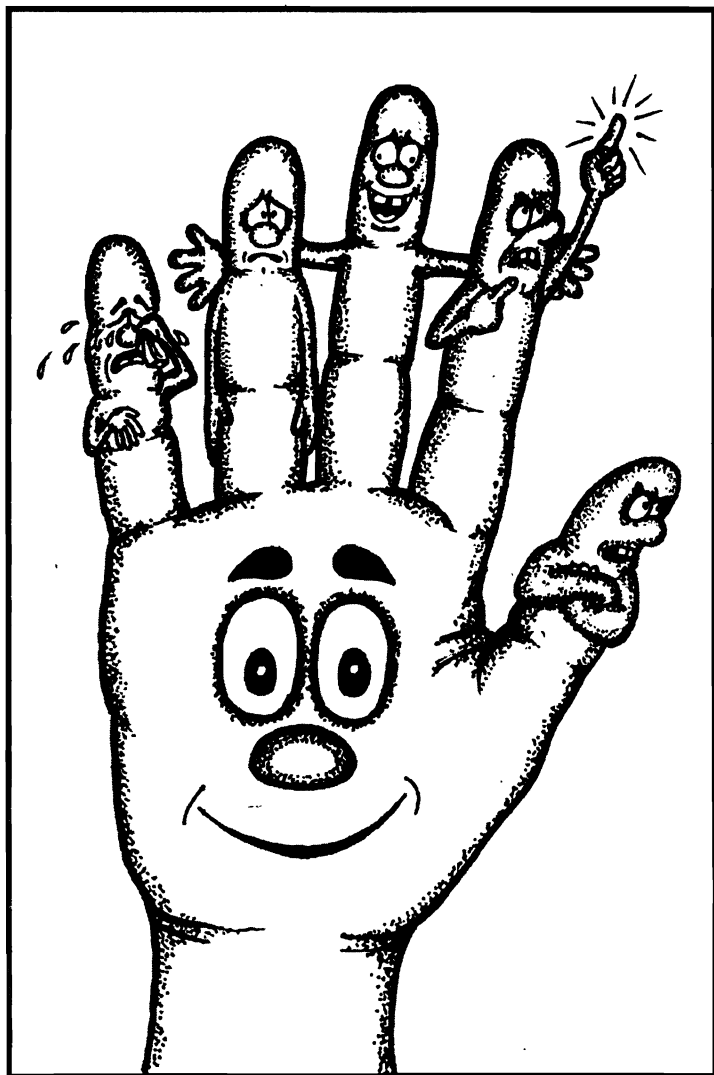
(Вознамерились его кондиционировать.)

То, что ты услышишь сейчас, читатель, стопроцентно вписывается сюда же. Посуди сам...

1. Исходный постулат традиционных человеческих отношений со средой обитания: среда эта изначально представляет собой *внешнее, потустороннее* по отношению к нам явление.

2. Все наши желания, замыслы, поступки вызваны ориентацией на нее, зависят от нее, являются следствием соприкосновения с ней. Боремся ли мы с обстоятельствами или уступаем им, пытаемся понять их суть или доказать что-то свое, — но только таким способом, в связи с ними, мы можем самопроявиться, только в этом находим смысл своего существования. Иными словами: мы — *вторичны*, мы — производное от среды.

3. Осознание этой обреченности приводит к созданию психо-философских доктрин, направленных исключительно на поиски эффективных методов *выживания* в материальной или духовной сфере. Лучшими среди них считаются те, которые ориентируют на сравнительно быстрое и малотрудоемкое достижение поставленных целей, не подвергая сомнению сами эти цели. Тем не менее *зримый*

конечный результат таких действий — всегда один: уход из жизни под неумолимым давлением обстоятельств. Вопрос: что делать?

4. Ответ: МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ!

Каким? Ну как же, отвечает себе искатель, будем изобретать еще более оригинальные концепции, более лихие способы состязания с *утками*... Словом, разрабатывать очередной развлекательный сценарий в этом безысходном турне по действительности.

Безысходном — если опираться на сформулированную только что парадигму: «Я — и мир, от которого я зависим». Но — соответствует ли данная парадигма подлинному положению вещей? Не перекручено ли здесь все вверх ногами? Трезвый, не заслоненный предубеждениями взгляд выявил бы такую картину...

— Ванная. Плотно закрыта дверь, звукоизоляция — как в бункере для вождей. Выключен свет. Температура воды — 36,6. Повторяя опыт известных исследователей, погружаюсь по уши. Через час-другой меня уже нет — нет ощущений, чувств, мыслей...

— Вдруг — внутренний толчок, импульс... Выскакиваю из ванны и сколком мыла (другой канцелярии под рукой нет) записываю на стене: «На погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила...» Или что-то другое записываю, не менее важное. Не заимствованное, не под сказанное никем и ничем. Поскольку никого-ничего на пушечный выстрел...

— Конечно, событие это может произойти и не в ванной — на кухне, у магазинного прилавка, в шахте или самолете, на лесной полянке в промежутке между поцелуями и объятиями... Побуждение. Пробуждение к жизни как таковой. Самооткрытие.

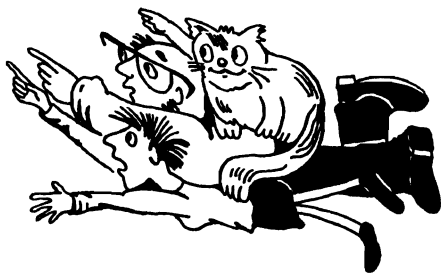
— Вот где, оказывается, зарыта собака по имени Я!

— А как же внешний мир? Это — лишь холст, на котором названная «собака» рисует то, что рождается от полноты душевной. И что в силу этого не может выглядеть ущербно, разрушительно...

ШПАРГАЛКА 9

Начав в свое время земное турне с подражания здешнему населению, мы укореняемся в этом статусе и полагаем себя зависимыми во всем от внешней среды. Суть такой жизни — в поиске согласия со средой, в принятии или противлении тем или иным нормативам, регламентам, ограничениям, предлагаемым ею.

Другой взгляд утверждает, что первично наше *глубинное творческое побуждение*. Внешние объекты «высвечиваются» нами только тогда, когда они созвучны этому побуждению. Мы обнаруживаем, что оно выражает и коренные интересы тех, с кем или чем мы пересекаемся. Нас объединяет внеличностная стихия творчества, которая упраздняет какие бы то ни было частные разногласия, противоречия. Говоря проще, мы не вмешиваемся со своим повседневным, «вчерашним» знанием в ситуацию, не исправляем ее, не навязываем ей себя и не подстраиваемся под нее, а создаем ее наново, будто рисуем мир сначала, без проб и ошибок.

* * *

В очередных главах книги будет рассмотрено, как и в связи с чем мы теряем эту перспективу свободного движения, каким образом реальный взгляд на свое положение в мире подменяется у нас искаженным. И что необходимо предпринять, чтобы вернуться в русло реальности.

МАСКА, Я ВАС ЗНАЮ!

Сели,
поехали...

Зеленый
ландшафт...

Дорога...

Какое у тебя авто? «БМВ»? «Опель Омега»? «Тойота Королла»? А у нас — новейшая «Батман Тандю». Модификация «Плие» и «Антраше». Не слышал? Еще бы: супер-модерн! Легкость, грациозность, прыгучесть...

Утки...

Хочешь убедиться? Сели, поехали...

Отличная дорога, зеленый ландшафт, упитанные утки... Но вот вдалеке... что это может быть? Неразборчивое что-то... пятно... Приближаемся... Ага, рекламный щит на столбе! Ну-ка, ну-ка... что там у нас сегодня? Подъедем поближе... еще... еще... Бух! — боднулись... Ах, чтоб вас, поставили тут... Ну мы вам сейчас... Доставай монтировку, друг, разнесем это безобразие в щепки!..

Пятно...

Вот примерная схема развития событий в типовом житейском шоу «Под прицелом». Нет нужды заботиться о своем будущем: в нас целятся, надежно, со знанием дела. И, сколько ни увертывайся от вездесущего следящего снайпера, пуля неизбежно достанется нашему лбу.

Подъедем
поближе...

ЧИТАТЕЛЬ. Непонятно все же, откуда возьмется пуля? Каким образом на чистой трассе может появиться пятно?..

Пуля...

Под прицелом...

Ну, скажем, так. Представь себе, что ты получил сотню поздравительных писем в связи с юбилеем. Листаешь их в свое удовольствие... и вдруг среди этого вороха — невзрачный конверт. Странно... Вскрываешь: ты оштрафован за какую-то чепуху, к которой абсолютно не причастен. Да и фамилия не твоя... Но письмо-то пришло тебе! И вот отправляешься по указанному адресу доказывать, что произошла ошибка... Распускаешь язык — тебя задерживают. Руки распускаешь — дают срок...

Вернемся к завязке этой трагикомедии: как в массе приятных писем могло оказаться то, «роковое», затягивающее в игру? Точно так же, как возникла сама игра, игротека. Ведь очевидно же, что общепит существовал не всегда, кто-то его придумал, изобрел... И если мы однажды сворачиваем со своего дочеловеческого маршрута, соблазнившись здешними кухонными ароматами, — путь протоптан. В бочке меда вполне может появиться ложка дегтя (и не одна) как «приправа» к нашему безмятежному существованию. То есть с трассой ничего не случилось — как была себе, так и есть, никакой деготь не повлияет на ее вкусовые качества... Но мы-то, выбрав именно этот привкус, смакуя этот «деликатес», перекрыли им все другие свои ощущения. Он стал главной для нас, можно сказать, единственной мерой жизни, ее ценности, смысла, вожаделенной нашей мечтой и неусыпным кошмаром...

Конечно, можно было бы вспомнить, что мы сами определили себе этого киллера, сами назначили место встречи. И коль скоро она не представляет для нас уже интереса, что мешает отмахнуться от пули, как от мухи, и выйти из зоны обстрела? Ведь видно же, без телескопов и микроскопов видно, что ничего загадочного, озадачивающего в этом городке аттракционов нет. Если же и возникнет какой-либо «невзрачный конверт», цепляющий наше внимание, достаточно мельком глянуть на поздравительные письма, рассыпанные кругом (они же никуда не делись!), — и он утонет в их океане...

Но — легко сказать: вспомнить, глянуть... Нами овладевает странная *забывчивость*. Банальные, тысячекратно

обнюханные вещи вдруг начинают интриговать своей... непостижимостью, мы смотрим на них, как алкаш на себя в зеркале. И, естественно, настраиваемся на сюрпризы.

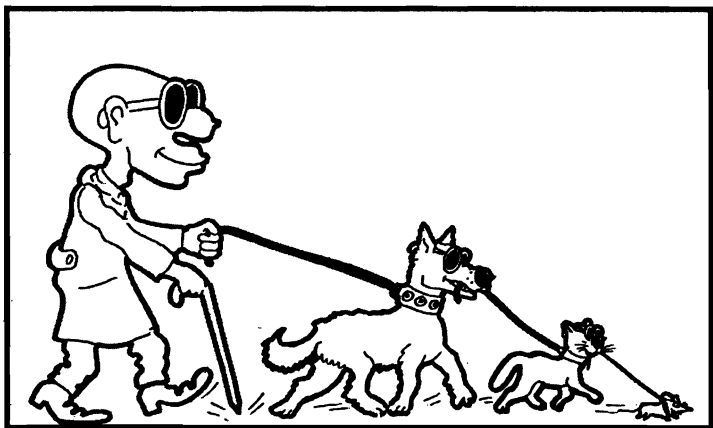
Как происходит это смещение в нашем сознании? В принципе, толчок для него задается с момента начала мутации, когда мы зависаем над Землей. Наше бесформенное Я входит в материнское лоно, эмбрион осторожно нащупывает, примеряет *чуждую* человеческую форму... Это своего рода подготовительный, «*ясельный*» этап перед более активным погружением в общепит.

Следующий период — «*школьный*»: промежуток между рождением и ростом, достижением подростковой. Экспрессивная «намотка» черт, правил нашего окружения, формирование личности, социального сознания. И опять-таки все это — как бы *первые*, критериев «хорошо-плохо» у нас пока нет, опираться на нечто определенное трудно...

Далее. Обучение в общих чертах завершено, наступает короткий период шлюзования от детскости к взрослости — «*переходный*» (Хотя краткость этого этапа относительна: у некоторых он, как и предшествующие периоды, затягивается на всю жизнь.) В эти годы мы «перевариваем», усваиваем полученную информацию, долепливаем свой характер, подготавливаясь к встрече с кулинарной общиной на новой, наиболее протяженной по времени волне.

Эта волна вскоре захватывает и несет нас к берегу, за которым когда-то опустится занавес жизни. Идет житейский «*практикум*». Здесь уже назвать себя незнайками — язык не поворачивается: мы сами теперь претендуем на статус *учителей*. Окружающим предъявляется для копирования наша сложившаяся личность. Но среда не очень спешит примерить на себе предложенное: сплошь да рядом мы наталкиваемся на неожиданности, пытаемся найти к ним ключ... То есть и сейчас держим равнение на *неведомое, непознанное*.

Итак, приземлившись в этом бистро (кафе, ресторане, столовке, буфете — ненужное вычеркнуть), мы движемся в направлении: «Иду туда — не знаю куда, найду то — не знаю что». Получается, долбить стены лбом — предпочтительнее,

нежели проходить сквозь них, как сквозь воздух: таковы условия игрового контракта, подписанного нами. Тем не менее сколько бы мы ни уверяли себя, что шиш-кукиш — несусветное вселенское явление, распознать в нем конфигурацию из трех пальцев проще, чем... Что и имеет смысл делать, если мы намереваемся вылечиться от нелепой устремленности к суициду.

Универсальное же и радикальное лечебное средство здесь — самообгон. Дочитывание житейского детектива в ускоренном темпе. Правда, действие этого детектива может развиваться по-разному: загадка разрешается в две минуты либо сюжет растянут на несколько серий. В большинстве своем народ обожает именно сериалы, где все запутывается до такой степени, что, кажется, концов уже не найти...

Затмение происходит постадийно — как лунное: перекрыт краешек ночного светила... чуть больше... половинка... почти полная мгла... Стадии соответствуют четырем периодам нашего игрового становления, описанным только что: *ясли, школа, переход, практикум*. Все бы ничего: ну поигрались в инфантилизм, ну приклеили к лицу сивую бородищу... Так ведь фокус в том, что хочется играть еще и еще. Десять раз, сто, тысячу... Дабы закрепить эффект, сделать его очевидным. Только в этом случае мы вправе рассчитывать на свою личную ячейку в социальной мишени. Боец с вышки уж точно заметит, не прозевает...

Повторение. Мать... нет, мачеха учения. Потому как оно, учение, не идет впрок. Чтобы оставаться самим собой, нужно как можно меньше твердить «дважды два». Предельно просто:

КАК МОЖНО МЕНЬШЕ ТВЕРДИТЬ

«ДВАЖДЫ ДВА».

Если же уста сами приходят в движение, едва зазвучат где-то эти чарующие звуки... Что ж...

ПЕРВАЯ СТАДИЯ («ясли»)

Перенесемся куда-либо в знакомое пространство: дом, работа, магазин, поликлиника...

БАБУЛЯ. Где-то грохот...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Откуда-то запах дыма...

БАРЫШНЯ. Сумрачно...

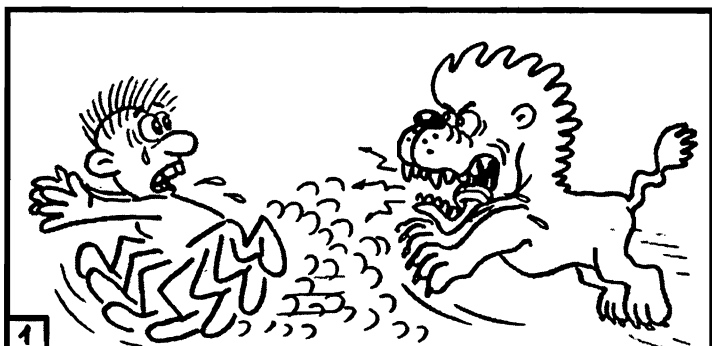
ДЯДЯ. Человек сморщился...

ГРАЖДАНКА. Давка в транспорте...

Словом, стало холодно или тепло, сухо или влажно, что-то мелькнуло, прозвучало, прошелестело, прикоснулось к нам... Все это — быстротечно, зыбко, едва-едва, не успеваем особенно присмотреться, прислушаться, приняться... Обстановка — один к одному та, что была в чреве у матери, где пробуждались наши первые смутные ощущения.

Представь себе, читатель, эту давнюю уже картину: ты — и мир вокруг, образованный стенками твоего «инкубатора». Он еще не дифференцирован, мир, не раскрашен многообразием проявлений — тьма египетская, в общем... И взаимоотношения с ним — как у солдата с полевой кухней: щи или котлеты — всего побольше.

Однако мы с тобой, читатель, давно уже не эмбрионы. Уроки того времени — позади. За плечами как минимум следующий этап познания мира — школьный, голова нашпигована инструкциями на все случаи. Как же мы обычно ведем себя, если снова, в который раз, проваливаемся

в ситуацию первой стадии — с дразнящими, загадочными запахами?.. *No problem* — ныряем в свое «справочное бюро» и находим всему обоснование: шум — это проехала за окном машина; холодно — окно открыто, сквозняк; темно — отслужила свой срок лампочка...

Теперь мы будем иметь дело с машиной, окном, лампочкой: как-то ощутимее, предметнее. Еще бы — мысль об автомобиле пробудит в нас горечь по поводу собственной «тачки», угнанной лиходеями; сквозняк доведет до кондиции начавшуюся вчера ангину; перегоревшая лампа усугубит тлеющий на душе страх перед вечным вселенским мраком... И это еще не все: завтра мы побежим в органы, устроим очередной разгром в связи с тем, что не могут найти угонщиков; больное горло отменит наш доклад на симпозиуме, от которого зависела дальнейшая карьера; душевный ужас заставит баррикадировать окна еще парой стальных решеток...

Словом, пошла писать губерния...

Приостановить эту летопись надо с ходу, в первых строках. Получив информацию, адресованную поверхностным ощущениям, ни в коем случае не бросаемся на нее, как Дарвин на обезьян, дабы изучить, вникнуть, интерпретировать. Никаких *дважды два*, тем более — трижды три.

Смотрите-ка: повар, коему в свое время было поручено приготовить щи, вновь несет к столу то же блюдо... Уповая на нашу забывчивость? Пережеванное невкусно, братан! Разоблачим шутника — продемонстрируем, что данное варево нам да-а-авно знакомо.

ЧИТАТЕЛЬ. То есть...

Если на тебя посыпались

неразборчивые звуки-блики, —

покажи им нос. Язык. Передразни:

«Бе-бе-бе, го-го-го!»

Ух ты — бухты, какие мы важные!.. Валяйте, ребята, работайте, старайтесь, развлекайте меня! Оплачу услуги — по 20 копеек за каждую цацку...

Смеемся, в общем, над угрозой, дискредитируя ее по-
тути на серьезность. Прокручиваем фарс наперед, не ожи-
дая, пока он превратится в драму. Завершаем сюжет рань-
ше, чем он мог бы завершиться в реальности. Аплодируем
себе и вручаем цветы! Как это называется, гости дорогие?

ГОСТИ. Самоо...

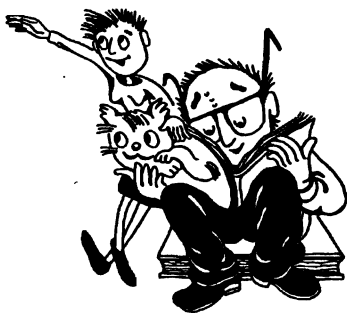
Совершенно верно. Только минутный. Может — секундный. Мы улыбнулись — и жизнь улыбнулась нам. Там, где только что намечалась тень на плетень, обнаружился свет. Приятель наш, симпатяга наш — на своем посту. И нет нужды искать нового. В путь!

ШПАРТАЛКА 10

С момента нашего приближения к земному общепиту мы проходим четыре стадии внедрения в него: *ясли* (пребывание в материнском лоне), *школа* (от рождения до подростковой), *переход* (между детством и взрослостью), *практикум* (взрослая жизнь). Движение в данном направлении подогревается инстинктом исследования, главным объектом которого является то, что просматривается за финишной лентой: смерть. Чтобы благополучно дойти до этого печального конца, не сбиться случайно с маршрута, мы постоянно выверяем его в повседневности — вновь, в который раз погружаемся в игровую обстановку, соответствующую названным четырем стадиям.

Обнаружить свое добровольное пленение желательно как можно раньше — это позволит нам сравнительно легко восстановиться в симоронском статусе. На первой стадии, отыгрываемой повторно, во внешней среде воспроизводится завлекающая информация, адресованная нашим поверхностным ощущениям. Шаржированно демонстрируя свое заведомое знание содержания этих сообщений, их отработанность нами, быстро возвращаемся на трассу.

Показать своевременно обстоятельствам язык — дело важное и нужное. Если же мы замешкались, не успели использовать его в этом — основном, как выясняется, — назначении... Что ж...

НЕ УЧИ УЧЕНОГО!

Три воробья...

Как хорошо! Попутный озонистый ветерок подгоняет нашу «Тандю»... На флагштоке развевается вымпел с симпатяжной путеводной звездой. Сегодня это у нас... кто?

ЧИТАТЕЛЬ. Ну, пусть... «соловей, поющий на трех языках». Кстати: вон в луже шумно купаются *три воробья*... шелестят *три ветки на дереве*... нас обгоняет иномарка с номером, в котором *три тройки*...

Три тройки...

Невероятно! Сколько счастливых совпадений, чисел, магических знаков, примет! Сейчас произойдет что-то необычайно приятное, правда? *Со-оловей мой, со-о-оловей, голосистый со-оловей*...

Числа...

ЧИТАТЕЛЬ. Подождите... Впереди что-то... Подъедем ближе... ага, авария, пробка... Как такое могло случиться? Множество машин... Хотя, если постараться, можно выделить из них *три*...

Приметы...

Чудесно, валяй!

ЧИТАТЕЛЬмы стоим уже пару часов!

Куда спешить? Постойм до утра. Понравится — пару деньков. Нет, лучше — *три. Три недели. Три месяца*. Можем вообще поселиться на этой дороге, вырастить огород, детей. *Троих*. Одного назовем Ася, другого Буся, третьего — *Сооловей мой, сооловей*...

Знаки...

Соловей...

Чудесно...

Не печалься, Москва не сразу строилась. Глянь, сколько еще страниц в книжке — успеешь достичь возможного... И невозможного, как обещано на обложке.

Разберемся с твоей «магией». Надеемся, ты вспомнил: чем больше наставим памятников Будде или Буденному, тем меньше с этих ребят проку. Разве что видимость в пути заслонят своим могучим плечом. Что и было выполнено сейчас по полной программе.

Но и сами-то мы с усами... Первую, *ясельную* стадию благополучно миновали. Не соблазнились манящим пятном вдали, не бросили ему перчатку. С чего же нас повело к тому самому рекламному щиту? То есть — к аварии, пробке?.. Вывод суда присяжных: значит, не миновали, значит, соблазнились.

Главная причина — наша игровая инерция. Взяли когда-то разгон и несемся... К гостеприимно распахнутым воротам, украшенным вывеской:

ВТОРАЯ СТАДИЯ («школьный период»)

Речь, конечно, не о тех артековских днях, когда мы с восторгом и изумлением просеивали сквозь пальцы прозрачных черноморских медуз. Речь — о повторных показах этого кино: изображение давно стерлось, звук рвется, проваливается... Но, реставрировав, подкрасив на скорую руку пленку, нанятые нами шоумены приступают к работе: «Сейчас мы покажем вам то, без чего жить просто невозможно! Итак...

— это вот, гляньте, — дешевая распродажа кремлевских зубочисток с армированным набалдашником, приобщайтесь к вождям...

— это — предупреждение, что в Комсомольске-на-Тайване завелся маньяк нехороший, так что, если надумаете экстренно ехать туда...

— еще сообщение, что, вместо ожидаемой 50-градусной жары на курортах будет как раз наоборот, записывайтесь в очередь за коньками и лыжами...»

Много, в общем, всяких-разных розеток в стене, куда по приглашению дистрибьюторов хочется сунуть пальцы, дабы проверить: действительно ли там 220 или все-таки они врут, собаки? Сунем — пойдет третья стадия: ой, ай, болит, тошнит, страх, гнев, обида, роди меня, мама, обратно...

Из чего вытекает: стоит лишь дальнему пятнышку проявиться для нас более определенно-узнаваемо, как тут же, без задержки... Впрочем, давайте проиграем реальные ситуации. Те, с которых началось погружение нашей пятерки в первую игровую. Вернемся во времени назад...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Начнем с меня. Я почувствовал запах дыма. Это происходит в кафе. Сижу, поблизости курят, я не переносу... верчусь, ищу, кто это...

Какая разница, кто? Не фокусируйтесь, не ищите «странный конверт» — смотрите лучше на симпатягу: там, впереди, на холме, машет вам рукой, зовет к себе...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Где?..

Ай-яй-яй... Начнем все сначала? Какой у вас памятный симоронский образ?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ну... «одеяло, сотканное из булочек-пампушек».

Вот шахматная доска — клетки... паркет под ногами из квадратиков... кафель на стене... О чем это говорит?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Светлячки...

Нутак погуляйте малость по ним, раз уж вы отвлеклись, задержитесь взглядом там-сям, чтобы перебить интерес к игре...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Поздно. Я уже заметил... в углу... морда прокуренная... серая... тьфу...

Впечатлитесь — себе такую же нарисуете. Народ тоже скажет: тьфу!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Но я...

Меньше слов. Не видите подсветки по сторонам — что ж: в паутину, в логово! Обгоняйте события. Не ожидая,

пока ситуация затянется по уши. Ведь это лишь афиша спектакля — продемонстрируйте, что вы знаете уже его сюжет, нет нужды устраиваться в партере. С тем чтобы через минуту оказаться на сцене, в числе действующих лиц... Помните историю Буратино? Шумные зазывалы, билет за четыре сольдо, Арлекин лупит по щекам Пьеро, деревянный человечек бурно выражает свои чувства... Если не желаете отведавать плетки Карабаса-Барабаса, не тяните.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Как? Я... я не знаю... не понимаю...

Как вы попали на земную игровую площадку? Путем подражания здешним игрокам. Вас приглашают вторично подвергнуться той же экзекуции... но на вашем лице уже есть соответствующий грим! Еще один (один?) слой — не слишком ли густо? Покажите же, что он не приклеится, не усвоится: нарисуйте его на себе сами, глядясь в образец, находящийся перед собой. *Отзеркальте*, словом, скопируйте...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Попробую... Повторяю движения курящего: руку ко рту, будто в ней сигарета, затянулся несколько раз... И сердце разболелось.

Естественно — вы слишком обстоятельно обезьянничаете, как бы примеряетесь к проблеме. Но ведь задача-то у нас — прямо противоположная. Представляете, если бы зеркало — обычное зеркало, — отразив чьи-то переживания, само начало страдать или радоваться? Человек отошел от него, ушел по своим делам... а оно там рыдает или хохочет! Как вы сейчас...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что же делать?

Зеркальте, не сочувствуя, не сопереживая объекту, а наоборот. Пусть он посмотрит на ситуацию вашими, симоронскими, глазами: разоблачите ее эфемерность, пустопорожность. Кисть ваша должна рисовать легко, иронично...

ЧИТАТЕЛЬ. Однако... В самообгоне все исполняется солнечно-лучезарно, а здесь... Картина, которую мы демонстрируем, — убийственна...

Внешне — так. Если прежде мы пели: «Широка страна моя родная», — то теперь: «Сатана там правит бал». Но так же, как и в сладкой обгонялке, исчерпываем свою игровую потребность — в данном случае ожидание повторения бед, неприятностей. Проиграй разок это шоу — покатишься со смеху... Ведь и то и другое — выход, освобождение. Отелло на сцене душит Дездемону, рассказывая ей на ухо смешной анекдот. Актриса давится от хохота, а зрители рыдают из сострадания...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Странно... дым вроде уходит... повеял в другую сторону. Наверное, кто-то окно открыл...

Или — вы открыли свое «внутреннее» окно. И случилось то, что записано у Грибоедова: «И дым.отечества нам сладок и приятен...»

ЧИТАТЕЛЬ. То есть произошло возвращение на трассу? Даже без создания нового симоронского образа?

Нет нужды — мы же не ушли далеко от него. На минуту отвернулись от своего маяка — и вот он вновь светит...

БАБУЛЯ. Посмотрите мою ситуацию. Три часа ночи, где-то гремит музыка. Спать невозможно. Ладно, иду на кухню, барабаню сковородками об кастрюли. Заглушаю.

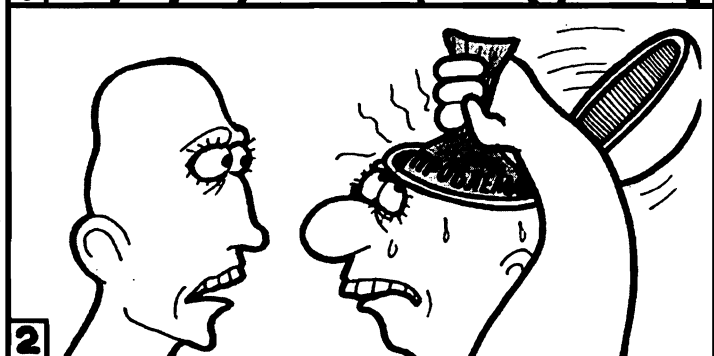
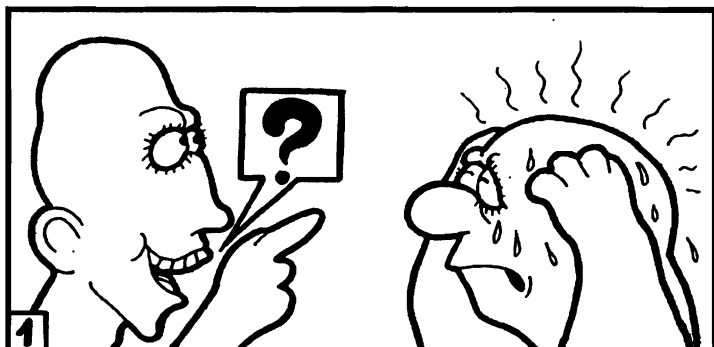
А спать?

БАБУЛЯ. Какое там...

Хороший метод. Радикальный. А может, отложите сковородки и сами станете музыкой? Мурлычьте эхом все, что до вас доносится... Будто вы запевала, задаете им тон. Уверяем: через минуту будете воспринимать этот грохот как колыбельную. Спокойно уснете.

БАБУЛЯ. А они, музыканты?

Может, и они уснут под ваш напев... Вы же знаете: качественная симпатизация захватывает и тех, кто созвучен ей. В ком легко пробуждается, отзывается на наш мотив собственный Симорон.

БАБУЛЯ. Но эти люди не рядом же, я не знаю, где они...

Расстояние здесь не имеет значения. Браки совершаются на небесах.

БАРЫШНЯ. Моя очередь. Иду по пустынной вечерней улице, ни одного фонаря, какие-то тусклые блики...

Обезьянничайте. Отражайте блики, повторяйте телом, голосом их очертания, движение...

БАРЫШНЯ. Как? Я не актриса, мне сложно...

Представьте себе, что на вас смотрит двухлетний ребенок, никогда не видевший темной улицы. Покажите ему, как это выглядит, — своими средствами.

ГРАЖДАНКА. Меня толкнули в автобусе — чуть не упала... Когда же я должна была зеркалить — во время падения?

Лучше бы до того. Помните, мы поцеловались со столбом на дороге? Налетели на него, хотя видели, куда летим... В вашем случае — та же картина. Ощущение тесноты пришло значительно раньше, просто вы пренебрегли им.

ГРАЖДАНКА. Значит, нужно быть бдительными, следить...

...и настраиваться тем самым на симпатентов. Нет, как раз наоборот: в расширенном состоянии нам, как известно, не угрожает никто и ничто. Если же мы отклонились на миллиметр, «опасность» размером с булавку наблюдается, как под микроскопом, так что упразднить ее ничего не стоит.

ДЯДЯ. Могу похвастаться. Стою в магазине, очередь в кассу, у кассирши лицо сморщилось... Чувствую — сейчас чихнет... И хоть она на расстоянии от меня, не опасно вроде, но машинально сжимаюсь... нет, еще не успел. Корчу такую же рожу, как у нее... Выражение на лице ее не исчезло, но меня это уже не пугает. Может, это не грипп, может, девушка родилась такою...

Предлагаем вам для самоутешения другую идею, более продуктивную. Вы покинете магазин, пройдет час-другой...

И очень может быть, что зарождающаяся болезнь минует кассиршу, не разгорится. Причиной этого факта будете вы. Ибо, как уже говорилось, в том числе и сегодня: двигаясь в симоронском направлении, мы протаптываем дорожку и для тех, кто предрасположен к тому же. Но не знает, как это осуществить. Наша встреча на жизненном перекрестке часто способствует включению в людей такого знания, умения...

Причем пересечение это, как в ситуации с *БАБУЛЕЙ*, может быть не буквально-физическим. Скажем, подходим к лифту — а он испорчен, не работает. Или во дворе — гряда мусора, не вывезенного соответствующими службами. Вместо печали и брани по этому поводу осуществляем зеркалку: отображаем замерший лифт, разбросанные банки-склянки — то есть не даем себе погрузиться во мглу впечатляющих искушений. Уходим по своим делам, совершенно забыв об этом событии... и через некоторое время прибывают ремонтники, приезжает мусоровозка. Мы их не звали, мы занимались исключительно собой — но в людях этих вдруг проснулась жажда деятельности. Догадываешься, по какой причине?

Аналогичным образом ведем себя, наблюдая любые захватывающие картины. Например, драка, алкогольное буйство, сцены гневного или безумно-восторженного одержания, разрушения, повышенного риска. Сцены, среди персонажей которых могут быть не только люди, но и животные, растения, минералы, различные природные явления. Ведь это — такие же участники общепита, как и мы с вами, разве что кормушки у нас разные.

Допустим, мы наткнулись на стаю псов, грызущихся между собой. Или увидели хмурое, тяжелое небо, чреватое грозой. Или расслышали гарь дальнего лесного пожара. То есть *нечаянно* приблизились к «соблазнительям», которые увлеклись своими личными художествами. Незамедлительный зеркальный самообгон: лаем, рычим, наливаемся хмуростью-тяжестью, трещим «сучьями»... Все это — по-детски серьезно и по-взрослому улыбочиво. Корректно, эскизно, не привлекая к себе излишнего внимания. Это

несложно: ведь данные эпизоды не адресованы непосредственно нам, их участники-исполнители, как правило, настолько поглощены игрой, что не станут смотреть в нашу сторону... Результат: сами не вовлечемся в эти игры и, возможно, покажем дорожку к выходу тем, кто уже запустился в них. К примеру, не удивимся, если драчуны или псы успокоятся, в небесном проеме появится солнышко, повеет свежестью и теплом...

ЧИТАТЕЛЬ. С таким же успехом можем послужить причиной и бури, и смертоубийства?

Не причиной, а поводом — можем. Ведь все вокруг подражают друг другу... Что ж, не будем давать материала для такого подражания.

ЧИТАТЕЛЬ. А если нас впечатляют какие-то события, происходящие с близкими людьми? Их недомогание, тревоги, печали, сомнения...

Чем это все чревато для нас? Погружением в идентичные забавы. Классический пример — история, которую приписывают одному из индийских махатм. Однажды английский колонизатор хлестнул плеткой своего слугу — у того на спине вздулась кровавая полоса. Махатма, находившийся рядом, испытал такую же боль... Как ты думаешь, легче ли стало от этого его соседу?

Вместо бесплодного и — назовем вещи своими именами — *эгоистичного* сочувствия зеркалим по-симоронски страждущего, утоляя жажду повторения пройденных уроков. И если проделываем эту работу до конца, до пресыщения, увидим... как думаешь, что именно?

ЧИТАТЕЛЬ. Беда уходит, не успев разгуляться?

И от нас уходит, и от родственника, с которым мы связаны «беспроволочным телеграфом». Естественно, более надежным, чем каналы, объединяющие нас с чужими объектами, потому как сообщения по этому «телеграфу» текут в обе стороны *регулярно*.

ЧИТАТЕЛЬ. Я понимаю так, что методы эти эффективны, когда мы еще не соприкоснулись вплотную

с объектом, когда для обезьянничания есть разгон... А если я не просто рассматриваю вывеску о распродаже, а *уже* покупаю ненужную вещь, *уже* достаю деньги из кошелька... Если гроза гремит, гангстер нацелился в меня пистолетом...

Добавь к этому списку тягостный диалог с заманивающим рекламным агентом, стычку с начальником, встречу с навязчивым попрошайкой, с больным, требующим к себе максимального внимания, со свирепым зверем, летящим на нас. Или, прости, — с не менее нудными или разъяренными домочадцами... Во-первых, напоминаем о базовом нашем принципе: столкнувшись с кем-то лицом к лицу, желательно сразу перенестись вперед, по ту сторону назревающих событий, в пространство, расположенное далеко за спиной встречного объекта, где бессменно несет службу наш симоронский маяк. Или — заметить рядышком его отблески, светлячки... При этом гнев или страх, восторг или слезы игрового партнера будут восприниматься как легкий шелест, нежное воркование, затухающее очень скоро по причине нашей возмутительной индифферентности.

Но, допустим, светлый горизонт настолько заслонен фигурой соблазнителя, что практически не виден. Исполняем тот же спасительный самообгон, но, поскольку некогда сейчас рассматривать «нападающего», — в упрощенной редакции. Не выбираем, зеркалим то, что само бросится в глаза. К примеру, в лице у гангстера предвкушение добычи, хищность, кривая усмешка... Отобразили ее, усмешку, — и достаточно. Если мы проделали это, не ревизуя себя на предмет качества отражения, объект остановится. Какой смысл бросаться на *зеркало*, в котором столь достоверно выписан, то есть на самого себя? Участие его в этой затее теряет смысл...

Занавес опустился. Но в недавних наших опытах раздражитель, изначально находившийся на расстоянии, исчезал после этого из поля зрения. Гангстер же — в двух шагах: хоть и шокирован, но привязан к нам инерцией прежнего задания... В таких условиях возвращаться к своему *действующему* симпатяге трудно. Нужно расчистить

видимость, стереть помеху, раздвинуть суженные черты... То есть — построить новый симоронский образ.

Из какого материала? Да вот же он перед нами — уже не персонаж общепитовского театра, а потерявшая предметные очертания, аморфная *глина*. В считанные секунды вылепим из нее мысленно загогулину (на создание ассоциаций нет времени): руку объекта назад, ногу — в бок, глаз — на темя, нос перечеркнуть... (Еще раз: это сейчас не рука и не нос, а куски пластичного строительного материала, детали конструкторского набора.) Можем добавить что-либо из окружающих предметов. Если информация пришла к нам аудиально, лепим образ из звуков; если тактильно — деликатно работаем пальцами...

Как поведет себя симпатизированный оппонент? Давайте посмотрим на ваших, друзья, примерах...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Если вы помните, меня подтавливали куревом. Казалось, выскочил живым-невредимым... Но, видимо, очень уж обрадовался: поставил своему Будде памятник... И тут на работу к нам приходит новый сотрудник, его усаживают прямо напротив меня. А разит от него! Все, все провоняло дымом: одежда, бумаги, телефон, едва он к нему прикоснулся... Конечно, я уже не я, а — зеркало. Можно сказать, трюмо. Он моргает — у меня глаз дергается, вздохнул — я вздыхаю... Вижу: уставился на меня, что-то почувствовал... Ладно: сбрываю ему в воображении чубик на голове, вместо него — телефонную трубку вешаю. Что бы вы думали? Сбежал в другой конец офиса. А через два дня вообще уволился, нашел работу получше...

ГРАЖДАНКА. Теперь меня послушайте. Давка в автобусе, толкает кто-то... Изображаю его... Не толкаю в ответ, а показываю, как он толкает. Краем глаза смотрю — парень этот вроде как-то задумался... затих... Мне почему-то захотелось поправить ему воротник... В руке у меня неведомо откуда оказалась нитка — перевязала ему рукав... На счастье, говорю... Он смутился, быстро пробрался к выходу... Что это было?

Как что? Именно *оно*! Контакт с данным объектом не будет иметь продолжения, а если бы и имел, то продолжение это потекло бы совершенно по иному сценарию.

БАРЫШНЯ. Наверное, как в моем случае. С работы всегда возвращаюсь по вечерним улицам, тени вокруг, мгла... Тоскливо, горестно... Думаю: хоть бы живая душа... Словно накаркала: материализовался из этой мглы, заслонил дорогу... Потный, пьяный... что-то там лопочет... Быстренько шевелю губами — подражаю ему... пошатываюсь так же... Он умолк. Мысленно леплю из его тела нечто... Улыбнулся вдруг широко и сказал: «Ну а теперь — вместе: *“А где-то лондонский дождь до боли, до крика ...”*»

Да, это типичное явление. Симпатизация приводит человека к *открытиям*, подчас ошеломляющим, неожиданным для него самого.

ДЯДЯ. Моя история — уникальная. Избежал заражения от кассирши в магазине, пришел домой, а там родная жена на меня открывает рот. Как положено: где ты был-гулял, почему денег не принес и тэ-дэ. Словом, не вирус-сами меня заражает, а хуже: хочется напиться и... Нет, не буду принципиально. И вот, представьте себе, как в замедленном кино: раскрывается у супруги ротик — и синхронно у меня, как в зеркале... она так и замерла... потому что я в это время левую бровь ее сунул прямо-хонько в ухо. Не свое, конечно. И не ругань-брань полилась изо рта ее, а посыпались слова, которых я не слышал лет десять. Вот так, воркуя, жена провела весь вечер... А ночь... даже в молодости у нас с ней таких ночей не было!

БАБУЛЯ. У меня началось, если помните, с музыки. Грохот, спать невозможно... Вдруг в три часа ночи кто-то звонит в квартиру: прекратите барабанить по пианино, в доме больные! Здрасьте: у нас даже дудочки нет... Пока сосед ошалело кричал на меня, обвинял, я тихонько так обезьянничала... Выпустил он, словом, пар, ждет. Чего же ты ждешь? — думаю... Ага. В коридоре у нас вед-

ро стоит... Посадила его, значит, в это ведро — как будто... Сверху ковриком укрыла, что под дверью лежал... Обкатала со всех сторон обоями — лишний рулон в углу был, остался после ремонта... Хлопнул дверью, ушел. На следующий день встречаю его на лестнице, спрашиваю: «Как ваши больные?» — «Поразительно, — отвечает, — неделю температура стояла под сорок, вдруг упала»... Вот так!

ЧИТАТЕЛЬ. Все это — чувства, эмоции, ощущения... А если к нам обращаются с мыслями — предложениями присоединиться к каким-то решениям, процедурам, не очень значимым для нас? Например, я был сосредоточен, решал важную задачу... Вдруг до меня дошло, что звучат голоса, речь... Прислушался ... И напрочь забыл о своих делах...

Зеркалим точно так же — не вникая в содержание слов. Лепим загогулину из интонаций...

Здесь следует на минуту остановиться. Социальная среда создает идеальные условия для массового инфицирования: современные коммуникативные средства позволяют распространять, тиражировать «вирусы» любого содержания в течение считанных минут. На одном конце Земли десятков человек заболели неизвестным недугом — вся планета уже ищет средства защиты от него... В каком-то царстве-государстве к власти пришел тиран. — другие страны срочно укрепляют свои армии...

Потребность в бесконечном получении новых сведений — инстинктивное, коренное свойство кулинарной братии. Пока мы с вами не избавимся от этой потребности, надежды удержаться на трассе будут призрачными.

Посему — золотое правило: не успел телевизионный агитатор нового стирального порошка или нового общественного движения открыть рот... не успел кто-то в уличной толпе крикнуть — «держи вора!»... не успела сама миллионная толпа шевельнуть ногой или рукой...

...как вспоминаем: во-первых, наше **Я** — неизмеримо содержательнее, шире любого подобного явления; во-вторых,

ШПАРТАЛКА II

На втором игровом этапе повторяется *школьный* период нашего становления: в поле существования появляются «учителя», провоцирующие впечатлиться различными типовыми житейскими сюжетами. Зеркала предлагаемые картины, мы доигрываем свое возможное участие в них до конца — осуществляем самообгон. В экстремальных ситуациях создаем после зеркалки симпатяжные загогулины, используя в качестве материала для них личности отраженных объектов. Тем самым способствуем симпатизации и этих объектов, выводя их из разрушительных ситуаций разного рода.

* * *

Если, дружище, ты не просто пробежался взглядом по предложенной методике, если даже бомба, взорвавшаяся в двух шагах, не выведет тебя теперь из строя, — нет резона читать дальше. Ибо ты уже — не середняк: тебя уже можно приглашать в президиум, где сидят академики в камилавках, и вручать под барабанный бой красный диплом.

Последующие же рассуждения предназначены тем, кто, дрогнув после взрыва, бежит в ближайшую аптеку за валидолом.

Есть более короткий путь. И более результативный...

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

Пустынно...

Пустынно как-то... В пространстве. И на душе.

Хоть вой на Луну. Но и Луна какая-то... ущербная. Огрызок. Не навоеешься, в общем. До-сила... и спотык. В горле застряло...

Что же, однако, творится? Где вы, гости наши, мучители? Мы же прилипли к вам, как Бойль к Мариотту, как Баден к Бадену... Вот кресло, в котором любила БАБУЛЯ посиживать, — вмятина круглая, след от ее задумчивости... Вот обертки леденцов, брошенные где попало: так утолял свою неприкрытую тягу к истине МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК... Струящийся аромат «шанели», почти всамделишной, — дух БАРЫШНИ-невесты ...Свиток толстых рекламных газет с зачеркнутыми яростно объявлениями — это, конечно, ДЯДЕНЬКА... Множество колотых дырочек на паркете, образованных хождением взад-вперед ГРАЖДАНКИ, ее шпильками... Вы же здесь, родненькие, ваше незримое присутствие пронизывает нас насквозь!

Ушли. Исчезли. Растворились, как активированный уголь в крутой буряковке...

Ты случайно не знаешь, читатель, куда подевались названные? Догадываешься? Боже, что ж ты молчишь! Бессердечный! Не видишь, как мы страдаем? Третьи сутки от «Киевского» от-казываемся — в рот не идет... Где же, где они?..

Луна...

Что творится...

Где вы...

Ушли...

Исчезли...

Где они...

ЧИТАТЕЛЬ. *Бабка*, я думаю, затаилась в кладовке своей — сидит, бледная, не шелохнется... *Дяденька*, наоборот, верхом на софе, горчичиками обложенный... *Барышня*, красноглазая, как кремлевская стена на закате, рыдает навзрыд... *Молодой* наш в противогазе день-ночь, с затычками дополнительными в ноздрях... *Гражданка* кик-боксингом упражняется без передышки...

С чего на них нашло? Наваждение! Сотрясение! Порча! Впрочем... есть телефоны же. Докопаемся...

— Але! *БАБУЛЯ*? Правда, что в кладовке теперь квартируетесь? Кофеек там, и телевизор, и пенсию туда приносят...

БАБУЛЯ. Приносят, милые, приносят... Куда же еще? Только здесь и возможно функционировать — грохот ночной не дотянется...

— Это вы, *ДЯДЕК*? Извините, что сквозь горчичники ваши к вам прорываемся...

ДЯДЯ. Ничего... можно... температура уже не сорок, а тридцать девять. И девять десятых. То ли было, когда в очереди вирусами меня обчихали!

— *БАРЫШНЯ*, сделайте паузу. Это мы, Бурланы. Кого оплакиваете?

БАРЫШНЯ. Судьбу свою... Кому я нужна? Брожу в мире темном, пустынном... Ой, горе-то-о-о-о-о-о-о....

— Так, так... А вы, *МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК*? Слышите нас? *МО-ЛО-ДОЙ! ЧЕ-ЛО-ВЕК!..*

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Прежде чем говорить, респираторы нахлобучьте. У меня аллергия на запахи. Даже сквозь телефон. Мелкая зеленая рябь на ушах. Внутри и снаружи.

— Наконец, что с вами, *ГРАЖДАНКА*?

ГРАЖДАНКА. Ях-переях!.. Не на ту напали! Голыми руками не возьмешь! Ногами не прошибешь! Ях! Переях!..

Посмотрели мы, Петра-Петр, друг на дружку, вздохнули горестно: все как по писаному... Один к одному.

Слушай же, друг наш читающий, буквы из книги глотающий, мысли тамошние извилинами жующий, — слушай хоть ты, коль других рядом нет...

Помнишь? Стремительная наша «Батман Тандю»... дорога... туманно-загадочное пятнышко... рекламный щит... Если мы не остановились на этом, если инстинкт познания-самоистребления понес нас дальше, случится историческая встреча со столбом. А также красочная печать на лбу, которая увековечит встречу... Потираешь чело? Так-так... Следующая стадия кулинарной игры начинается именно с этого события, равнозначного столкновению подростка, выскальзывающего из мягко-пушистого родительского гнезда, с грубым громяющим миром.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ («переходный период»)

Упомянутое только что потрясение открывает заслонку внутренним *впечатлениям*, душевным и физическим, разной степени интенсивности, длительности, качества. Психофизическое пространство наше, засеянное на предыдущем, школьном, этапе разносортицей игровых семян, дает теперь щедрые всходы — от печали до отчаяния, от беспокойства до ужаса или бурного гнева, от легкого насморка до хронических болей, тяжелых недугов, от робкого «быть — не быть» до роковых, непоправимых решений... Конечно, с этим «сельскохозяйственным» репертуаром мы знакомы с младенчества, но сейчас все заливается в пресс-форму устойчивого человеческого характера — основы для вылазок в мир в следующей, четвертой стадии, в период взрослого «практикума».

Переживания, типичные для стадии *перехода*, случаются в нашей жизни и до того, повторяются в течение последующих лет. Однако если на раннем этапе они воспринимаются в какой-то мере естественно — как испытания, необходимые для нашего становления, — то во взрослые времена данные игры не столько питают нас, сколько тормозят движение, задерживают человека в подростковости.

Вопрос: что делать, если мы вновь, в который раз, обнаруживаем себя «подстреленными» — во власти болезней

или тревог, огорчений или сомнений? Проще всего — вспомнить, что делать *ничего не надо*, ибо светильник, зажженный нами, горит там, впереди, по-прежнему озаряя пути-дороги. Стоит шагнуть в направлении его луча — как ослабевают паутинные нити, удерживающие нас в проблеме, начинается освобождение... Разве что полный выход может произойти не сразу: все же мы умудрились основательно погрузиться в *лунную* тень. Но, держа в голове этот ориентир, натываясь постоянно на светлячков, мы шаг за шагом, день за днем будем чувствовать, как меняется наше внутреннее состояние.

Ну а на худой конец, у нас есть безотказный инструмент — сладкий самообгон. Хотя операция эта дает больший эффект при работе с проблемами затяжного, хронического характера. Располагая временем, мы можем рисовать свое фантастическое будущее не спеша, смакуя детали, накапливая энергию для симпатяжного взлета.

Если же инфекция вошла в организм стремительно, не успела пустить поросли по разным его участкам, исполняем процедуру того типа, который был опробован нами недавно, на предыдущей стадии. Только в естественном сюжетном развитии: болезнь-де разгуляется и доконает нас, тревога сожрет душу, тоска и безысходные мысли приведут, может быть, к *белотачному* исходу... Одним словом, *драматический*, «*горький*» самообгон.

ЧИТАТЕЛЬ. Не напроорочим ли себе?

Напроорочить — означает ждать продолжения, развития, то есть рисовать себе *реальную* перспективу. Мы же исчерпываем подобные ожидания «под завязку», не оставляя места для рецидивов проблемы. Причем, как ты помнишь, не только доигрываем, но еще досыпаем сверху, чтобы перевалило через край. И, несмотря на мрачные краски, чувствуем себя, как... в забавном триллере. Жуткие бутафорские вампиры кладают клыками, могущественные черные маги проваливаются в тартарары, а зрители набивают рот попкорном и трясутся от хохота...

Итак, конкретно.

В ту пору, когда барьер, заслонивший свечение маяка, находится извне, перед нами, — с ним можно что-то делать. Отодвигать, переставлять, перечеркивать, разрисовывать... Ну а если этот предмет разместился у нас в серединке? Кость в горле, холодок внизу живота, заноза-мысль в голове, обидное чувство «под ложечкой»... Копошиться в своем запупном содержимом дано разве что самураям — и то без гарантии выхода на следующий день на службу. Если мы хотим почистить внутренние апартаменты, надо бы выселить оккупировавший их народ за дверь. Рассмотреть его вид на жительство. И поставить там свой автограф...

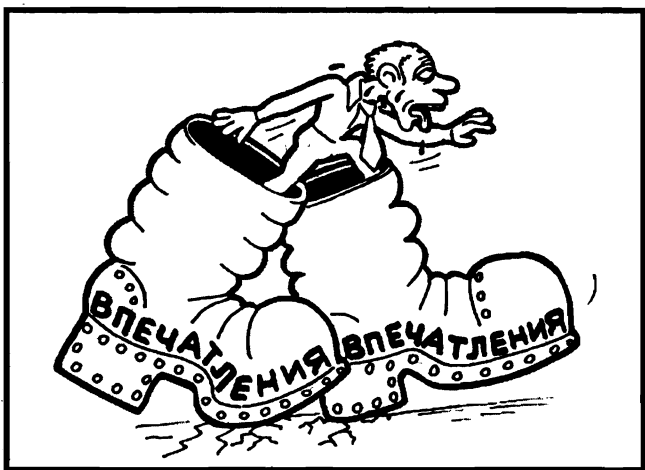
С ПАРТНЕРОМ

Приглашаем друга, родственника, коллегу на роль *зеркала*. Начинаем рассказ о своей проблеме *в третьем лице*, как бы приписывая ее своему отображению в этом зеркале: «Смотрите, как *он* болеет, тревожится, переживает, не находит решения...» Развиваем сюжет в гротескном направлении, подыскивая все более яркие, «уничтожающие» краски. Партнер выразительно, подчеркнуто-шаржированно изображает все, что льется из наших уст. Дуэт исполняется пофазно: лаконичная подача с нашей стороны — ответная реакция партнера.

Спектакль этот могут наблюдать охочие зрители: их реакция поможет колоритно и ярко выстроить самообгон и в нужный момент поставить точку. После чего высматриваем в позе, мизансцене, в которой оказался партнер, симпатягу и т. д. Изображение в *зеркале* стерто — с проблемой покончено.

ЧИТАТЕЛЬ. Надолго ли?

Если все проделано до исхода, если мы не оставили в себе *зачатку* — навсегда. С учетом того, что основная работа только теперь и начинается: выращивание трассы. Ну а вернулись ненароком к бедам своим — вспоминаем созданный симпатяжный образ, и уж коли не терпится вновь поболевать, то делаем это в его шкуре. От имени «ведра с ушами конкистадора» или «салфетки, покрывающей левый

бочок годовалого крота». Ведро и салфетка переносят недуг веселее, нежели население СНГ и ЕС. Валяем ваню до полной разгрузки. Либо — приступаем к процедуре заново. Рано или поздно наши игровые привязки окончательно растают, перестанут нас «доставать».

ЧИТАТЕЛЬ. Звонят... просят вас к телефону.

Очень кстати. Але? Кто это? БАБУЛЕЧКА? Как же вы в переплет попали? Хотелось бы выпутаться? Ладно, ждите нас...

...Добираемся на такси за каких-то полчасика.

Слушаем вас, мадам.

БАБУЛЯ. У меня была история с музыкой: кто-то среди ночи гремел на всю улицу... Пыталась я отзеркалить эту симфонию, но, видимо, не получилось... С тех пор у меня в ушах канонада стоит... Не отпускает... Я почти не сплю...

Таак... Вы вроде у нас понятливая? Сейчас мы быстренько переложим в вашу головку то, чем грузили только-только читателя. Внимание...

...риадлопхэтапдававвебиномсэтьчитилэсжэычмицэя-
дубмьбим!

БАБУЛЯ. Как же я раньше не догадалась! Вот темнота! Поможете мне?

БУРЛАНЫ. Еще бы. Мы ради вас...

БАБУЛЯ. Замечательно. Значит... смотрите, люди добрые, на это зеркало. Кого видите в нем? Бурланов? Ничего подобного — там я. Они — это я, БАБУЛЯ... У них гром в ушах!

БУРЛАНЫ. Трррр... Брррр..

БАБУЛЯ. Пьют кофе бочками, чтоб не уснуть. Спать нельзя, надо быть настороже... Вдруг грохот снова начнется, перепугает их до смерти?

БУРЛАНЫ. Ущипни меня, Петра! Ледяную водичку за шиворот мне, Петр!

БАБУЛЯ. Со всех сторон съехались оркестры. Международный конкурс оркестров у них под окном. Один маленький африканский оркестрик даже внутрь к ним залез, через форточку, в селезенку прямо...

БУРЛАНЫ. Там-там-там, трам-тара-рам! Кошмарики!..

БАБУЛЯ. Даже в пятках у них стучат, гремят...

БУРЛАНЫ. Как бурильная установка... Боже!..

БАБУЛЯ. Узнав о таких способностях, их теперь приглашают на военные парады, на свадьбы и похороны: просто стоят себе, жвачку жуют — а из них, изнутри, музыка гремит...

БУРЛАНЫ. «Наверх вы, товарищи, все по местам...»

БАБУЛЯ (смеется). Хватит! По горло!

БУРЛАНЫ. Тогда — рассмотрите в наших позах симпатягу...

ЧИТАТЕЛЬ. Еще звонок — ДЯДЕНЬКА к себе требует...

...Ну? Что скажете?

ДЯДЯ. В магазине все тогда расчихались, не уберегся я от вирусов. Свалился в гриппе... Борюсь — не могу выпутаться. спасаюсь горчичниками...

БУРЛАНЫ. Слушайте инструкцию: *риадлопхэт...*

ДЯДЯ. Не надо, мне БАБУЛЯ похвасталась, рассказала. В общем, уважаемые зрители, перед вами в зеркале дохлик, обложенный горчичниками... Бурланы, изобразите!

БУРЛАНЫ. Ап-чхи! Кахи-кахи!..

ДЯДЯ. Не помогает. Нужно натуральной горчицей с ног до головы обмазаться.

БУРЛАНЫ. Петра, помажь мне живот... Не эконожь, погуще! Петр, займись моими лопатками... В четыре слоя.

ДЯДЯ. Перцем сверху обсыпаться. В наждачную бумагу закутаться. Колючей проволокой обмотаться. Ток по ней пропустить покрепче...

БУРЛАНЫ. Горрим!..

ДЯДЯ. Очень хорошо. Пожарники нанимают их для противопожарной рекламы — будут стоять в витрине и дымиться.

БУРЛАНЫ (*изображают*).

ДЯДЯ. А я пока симпатягу в вас высмотрю...

ЧИТАТЕЛЬ. Алло? БАРЫШНЯ просит...

...Ай-яй-яй, несмеяна вы наша... Скисли совсем...

БАРЫШНЯ. Как же не скиснуть? Возвращаюсь домой с работы по темным переулкам. Ни души... Подруг моих у порога мужья встречают, а меня... алкаши одни, с песнями...

БУРЛАНЫ. Так, мы готовы.

БАРЫШНЯ. Кто из вас буду я?

ПЕТР. Ну, пусть я.

БАРЫШНЯ. Ее никто не встречает... Одинокая, несчастная... Старееет, увядает...

ПЕТР (*всхлипывает, тоненько*). Горе мне, бедной! Все меня позабыли, бросили. Петра, смотри — морщины уже на каждом колене...

БАРЫШНЯ. Да, да... Черные борозды, словно трактор проехался... На голове волосы вылезли, одна волосина осталась...

ПЕТР. Не только на голове... мм... еще на груди... лысость... нет, полволосинки еще есть...

БАРЫШНЯ. Зубы шатаются...

ПЕТРА. Точно. Один изо рта только что выскочил, когда ты сообщил... Вместо этого раздалось: «Ш-с-с-ш»...

БАРЫШНЯ. Я забыла: в морщинах тараканы завелись, шастают туда-сюда... Пойдите. Может, это не зуб, а таракан изо рта вылетел?

ПЕТР. Петра, лови! Приручи его, на поводке по утрам гулять води...

БАРЫШНЯ. Все, больше не надо!

Кто там еще звонит? МОЛОДОЙ? Поехали...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Очень вам рад. Плохой я у вас ученик... С тех пор как с курцом повстречался, погибаю от запахов. Дымы, угары, краски... Словно сговорились все. В рот ничего не идет — питаюсь одними антиаллергенами. И то: принохиваюсь к ним... что-то странное... Теперь — вы.

БУРЛАНЫ. Принохиваемся... Мм... Действительно. Запах, правда, тонкий, едва уловимый, но в том, наверное, и опасность... Принимаешь лекарство, а оно незаметно подтачивает тебя...

МОЛОДОЙ. Импортная упаковка, сладенькое, не придерешься... А на утро — спина в прыщах.

БУРЛАНЫ (*ощупывают друг друга*). Точно! Крупные, как горох! Как орехи!

МОЛОДОЙ. Следите, господа зрители! Сейчас они примут еще порцию — прыщи станут как яблоки!

БУРЛАНЫ. Дыни! Пошли на базар, торговать будем. Подходи-налетай, покупатель, дешево отдадим!

ЧИТАТЕЛЬ (*у телефона*). Кто-то еще. По темпераменту судя — ГРАЖДАНКА.

...Вызывали нас?

ГРАЖДАНКА. Да, милые, родные, да! Задолбали меня, толкнули в автобусе — гнев душит, ярость кипит... Весь мир ненавижу.

ПЕТРА. Ненавижжу! Уничтожить хочу!

ГРАЖДАНКА. И такой кипяток в ней бурлит, что захотелось еще больше разжечь пламя внутри... решила накусаться ежиков. С колючими иголками. Запасы сдирать, сырыми глотать — каждый день несколько штук.

ПЕТРА. По сколько конкретно?

ГРАЖДАНКА. Начнем с одного-двух, потом станем добавлять. Параллельно заталкивая их в себя с другой стороны. Так, чтобы они встретились где-то посередке.

ПЕТРА. Ням-ням-ням...

ГРАЖДАНКА. Почувствовала, что дошло до белого ключа, — взлетела...

ПЕТРА. Уже лечу!

ЧИТАТЕЛЬ. Насколько я понимаю, всем терзаниям, с которыми обратилась к вам, Бурланы, пятерка гостей, дан толчок к рассасыванию. То есть кто болел — начинает выздоравливать; о чем-то беспокоился или огорчался — повод для волнений уходит; не ведал, как разрешить ту или иную ситуацию, — появляется знание, что делать, как поступить... Но вот конкретно — история с *БАРЫШНЕЙ*. Она ведь не просто ищет утешения, ей хочется встретить, найти любимого человека... И это не блажь, не каприз — жизненно важная потребность.

Все, что для нас жизненно важно, разрешается и без помощи Симорона. Значит, *БАРЫШНЯ* устремлена не туда, где бродит под парусами ее принц... Взгляд с трассы поможет рассмотреть и спикировать прямо к нему в объятия. Или, если это желание окажется ложным, она увидит остров амазонок, где ее давно ждут...

С КУКЛОЙ

Если рядом нет живого партнера, используем *самокуклу*.

Комедийность приема усиливается: ведь теперь в качестве зеркала, в котором мы вырисовываем свои сокрушительные ожидания, выступает как бы *сама* наша личность. Но — по большому счету — кто является для нас большим «инфектором», нежели собственная память, хранящая информацию о *переходном* периоде нашей жизни — о последствиях мордобойных встреч с кибальчишами и плохишами? Благодаря услужливым подсказкам этого архивариуса мы *узнаем* в себе и поддерживаем, прокручиваем новые витки старых проблем...

Если не остановить это колесо, оно может возвращать нас множество раз к уже проигранным некогда сценариям.

Допустим, я стал замечать, что полнею не по дням — по часам. Забеспокоился... Беру куклу в руки и, иронически описывая свои тревоги, демонстрирую их с ее помощью. Разумеется, в самообгоне. Например:

— ...И вот он, Петр, однажды обнаруживает, что не может войти в дверь автобуса: слишком узко... Застрял в двери, ни туда — ни сюда... Пассажиры бранятся, водитель кричит... Отчаянно рванулся — выломался из автобуса вместе с дверным каркасом... Бежит, спотыкаясь, падая, пытается спрятаться от погони, влетает в какой-то магазин... Где там! — застрял со своей рамой в двери... Изнутри бегут рослые охранники, выставив дубинки... Рывок — выскочил на мостовую, нахлобучив на себя дополнительно еще одну мощную дверь...

Неплохо, опять-таки, чтобы при этом спектакле присутствовали зрители.

Финал: наблюдаю в скрученном-перекрученном теле куклы симпатягу, примеряю рисунок... Дело сделано.

С ПРЕДМЕТАМИ-ДЕМОНСТРАТОРАМИ

Нет рядом куклы — разотождествляемся с собой при посредстве любых подручных предметов.

К примеру, у знакомого нам с тобой **МОЛОДОГО** наблюдаются сердечные приступы... Снимает с ноги туфлю и поручает ей исполнить сценку на эту тему. Ведет репортаж из самообгонного будущего — туфля иллюстрирует его своим «поведением».

Впрочем, если понадобится, можно по ходу использовать и другие предметные зеркала, скажем:

— Перестуки становятся чаще, сильнее... (Туфля, «сокрушаясь», интенсивно шлепает.) Он глотает море лекарств... (В кипящий чайник забрасывается всякий мусор — он свистит, то есть «вопит» от ужаса...) Попадает в больницу, лежит там месяц, его увольняют с работы, нет денег на пропитание... (Рву салфетку на две части: это «два рубля», которые остались на жизнь. Они трясутся от «рыданий»...) Бросается с моста...

(Подкатываю бутылку пива к краю стола, она с грохотом-хохотом падает, «бесчувственная»...)

Момент пресыщения: все, кто находился в это время на мосту, из сочувствия бросаются тоже (на пол сметаются все вещи вокруг). Традиционный финал: предметная загогулина, симпатяга...

* * *

Из всех тем третьей стадии выделим особо *титичнейшую*, которая поглощает практически всех. Всех без исключения. Без перерывов, антрактов, тайм-аутов.

Идем-бредем по своим делам, но дороги практически не видим, опасностей или приятностей не замечаем: голова заполнена гудением, как трансформаторная будка. Существительные, прилагательные, глаголы, наречия — начинка многотомного словаря — перемешиваются в мозгу, как в бетономешалке. Бесплодный внутренний монолог-диалог, источник множества наших ошибок, травм, драм, трагедий...

Если эта ментальная «жвачка» затянулась, заметив свое пленение, поручаем отобразить себя «думающего» каким-нибудь объектам, вещам, которые находятся в поле зрения. На улице, на природе используем в качестве зеркал окружающие дома, машины, облака, деревья, скалы... «Это они, — бормочем себе под нос, — размышляют о том-то и том-то, это их мысли дойдут до такого-то финиша...»

Находясь в условиях, где нет предметного разнообразия, например в транспорте, делаем то же при помощи скомканного листа бумаги, смятого носового платка... Выстраиваем самообгон по своей теме, вороша эти вещи, переминая и т. п. Опустошив душу и голову, высматриваем в них загогулину.

При желании симпатизация во всех этих случаях *активируется* с помощью такого приема. Заполняем внутреннее пространство, освобожденное от балласта, реальными пищевыми продуктами, уполномочив их быть полпредами созданного симпатяги. Скажем, финальный симоронский образ у нас «Сапоги на небе». Берем пару кусочков хлеба, надрезаем так, чтобы они напоминали чем-то сапоги... Съели — и никаких следов недомогания. Аналогичным способом можно приготовить котлету, яичницу, фрукты-овощи...

ШПАРГАЛКА 12

Третья стадия погружения в игру дублирует *подростковый* период в нашей биографии, когда формируется окончательно внутреннее игровое пространство — фундамент человеческого характера. Этап этот связан с переживаниями разного рода, физическими и душевными, кратковременными или долгосрочными. Выйти из них можно, разотождествляясь с собой — приписывая свои беды-радости отражению в *зеркале*, роль которого исполняют добровольцы-лицедеи, самокукла, подручные предметы.

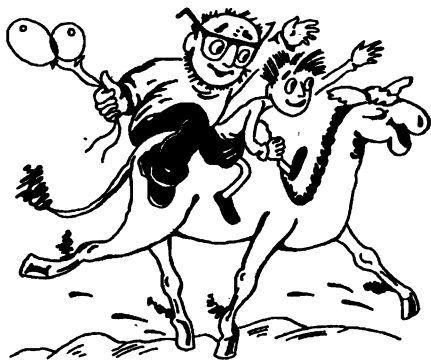
Сочиняя самообгонный сюжет на свою актуальную тему — в третьем лице, поручаем этим демонстраторам синхронно проиллюстрировать его шаржированными действиями. Доходим при их помощи до пресыщения, высматриваем в сложившейся композиции их тел симпатягу, переходим на трассу.

* * *

Скажи честно: неужели тебя нужно еще «пасти» дальше? Неужели ты не наполнился симоронством до такой степени, чтобы иметь отмычки на все случаи своего пищеварительного бытия? Нет? Что же еще?.. Ах да; следующая стадия: мы — в роли кулинаров, обслуживающих других едоков... Это — важно. Это — неизбежно. И это то, что сокрушает любых джеймсов бондов со штирлицами, какими бы супер-приемами они ни владели.

Что ж, наберем полную грудь воздуха и мужественно перешагнем границу, отделяющую нас от взрослой жизни...

ДЕДУШКА УЧИЛ ДЕЛИТЬСЯ

Что за шум?

Праздник...

Что за шум? Праздник сегодня? Вроде в календаре не отмечено...

Маршируют колонны. Две. В одной — зверские лица, угрожающие кулаки, взметнувшиеся штандарты, петарды и барабаны... В другой — всхлипы и стоны, поникшие плечи, волочащиеся ошметки знамен, хриплые дудки... Что за паноптикум? Ты, дружище, случайно не ведаешь?..

Подойдем ближе...

ПЕТРА. Какая прелесть! Вулкан! Фейерверк! Дух захватывает! Я тоже хочу! К ним, которые со штандартами! И петардами!..

ПЕТР. А я — сюда, к стонущим... Покряхчу вместе с ними, похнычу... Ох-ох-ох...

ЧИТАТЕЛЬ. Братцы, вы что... Куда вы?

БУРЛАНЫ. Эй... чего в фалды вцепился? Отпусти гардероб, порвешь же! Как-никак из морского котика, из заморского бутика...

ЧИТАТЕЛЬ. Не могу отпустить! Книжка ж еще не закончилась, море страниц не дописано! Повремените, потом догоните этих...

ПЕТР. А вдруг уйдут?

ПЕТРА. Исчезнут?

ЧИТАТЕЛЬ. Не исчезнут: обойдут земной шар, с другой стороны появятся... Не первый раз, не первый год, не одно столетие... Вы же сами когда-то пример приводили...

Петарды...

Барабаны...

Вулкан...

Фейерверк...

Какая прелесть...

ПЕТРА. Ладно, уговорил.

ЧИТАТЕЛЬ. Посидим пока, чаек попьем...

ПЕТР. Только в окно поглядывай, чтобы не упустить...
На чем мы остановились?

ЧИТАТЕЛЬ. На столбе. Упорно двигаясь по дорожке, повторяющей приключения нашего ясельного, школьного, подросткового периодов, мы, наконец, напоролась на столб, украсив соответствующим свидетельством об этом событии свое чело. Или, скажем, так: пуля, за которой мы настойчиво гонялись все это время, счастливо приземлилась на нашей личностной территории. И — расцвела, запленила тело и душу... Но, может быть, наше рискованное путешествие могло бы на этом закончиться?

Могло — если бы мы воспользовались ситуацией, чтобы покинуть торную дорожку и вернуться в лоно Симорона. Если же еще не насладились боданием столбов, разведрочный инстинкт понесет нас дальше...

ЧИТАТЕЛЬ. Куда уж дальше! *Луна* теперь перекрыта тенью так, что виден лишь куций серп...

Но кто же из обремененных капитальными страданиями обратит на этот просвет внимание? Весь мир для них в эту пору — почти сплошной мрак... Именно к нему, «мраку», устремлены мысли и чувства страдальцев: они видят в нем возможное, вероятное развитие своей истории. То есть: болящий должен разболеться еще больше, встревоженный — довести свой страх до агонии, опечаленный — дойти до отчаяния, размышляющий — сойти с ума...

ЧИТАТЕЛЬ. Глупо, абсурдно!

Конечно. Но таковы условия игры, которые мы принимаем для себя в качестве неизблемых. Если ты был на трассе *универсально-круглым*, а после «обстрела» и отсечения от себя некоторых частей стал *узко-треугольным* — будешь воспринимать в окружающем пространстве лишь то, что вырезается из него, вписывается в твой *треугольник*. И станешь общаться с этим вырезанным фрагментом, как если

бы кроме него ничего больше во вселенной и не существовало. Точнее — как если бы вся вселенная и помещалась в этом треугольнике.

ЧИТАТЕЛЬ. Можно конкретнее?

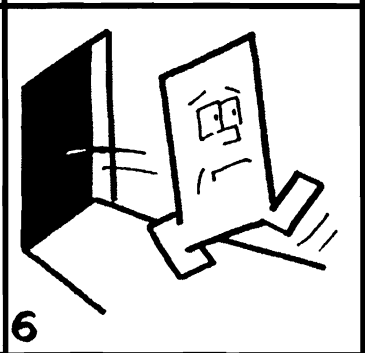
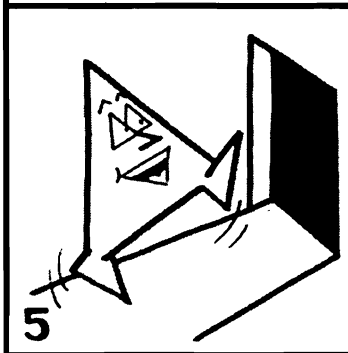
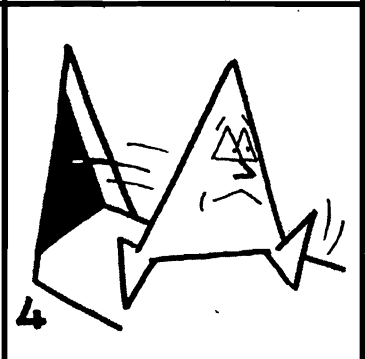
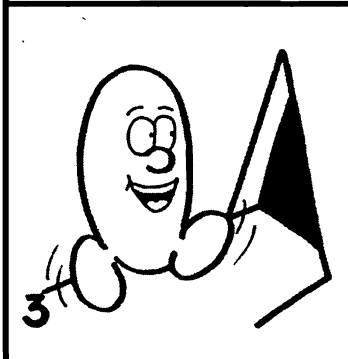
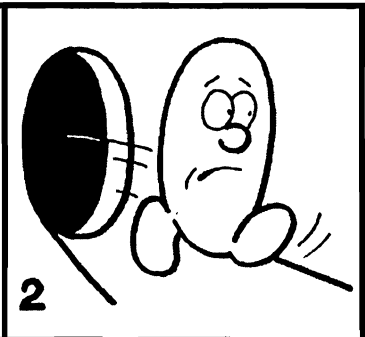
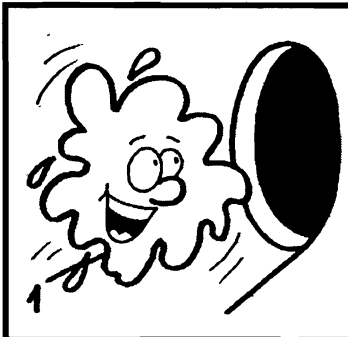
ЧЕТВЕРТАЯ СТАДИЯ («практикум»)

Игровые сценарии, в которые мы некогда вовлеклись и которые оставили существенный след в нашей личности, переносятся на обстоятельства и людей, как правило, ничего общего с этими сценариями не имеющих. Или — очень мало имеющих... Мы смотрим на них, как только что говорилось, сквозь призму своих персональных проблем и соответственно интерпретируем их поведение, приписываем им роли, которые они и не думали исполнять. И, что немаловажно,

побуждаем к исполнению этих ролей,
получая удовлетворение, когда
встречные демонстрируют именно
то отношение к нам, которого мы
так настойчиво ждем...

Чем бы мы с тобой, к примеру, занимались, если бы, приобретя умение болеть или гневаться, дрожать от страха или вопить от восторга, не встретились в жизни с теми, кто дал бы нам повод *применить* это умение? С каким удовольствием мы лечим других средствами, которыми — успешно или безуспешно — лечились сами, невзирая на то что для пациентов наших эти средства, возможно, — яд... С какой настойчивостью пугаем ближних чертями или инопланетянами, шарахнувшись однажды от тени в углу комнаты... С какой убежденностью, заполнив свои извилины сумасбродными идеями, утверждаем, что мир стоит на черепахах или наоборот...

Так осуществляется наша социальная, специфически общепитовская функция: вкусив кулинарных страстей, накормить ими других — **инфицировать** их, вовлечь

во взаимоотношительную игру. Если бы мы не плели постоянно эту паутину, если бы не расквартировывались в ней своими привязанностями, интересами, ожиданиями, — земная какофония давно бы превратилась в гармонический хор. В выполнении эпидемического задания участвуют все, кого мы видим и слышим, на этом базируется наша культура, история, цивилизация...

ЧИТАТЕЛЬ. Но ведь в результате воздействия на свое окружение мы получаем отповедь — ответный мяч летит в наши ворота...

Летит, дружище, летит. И все начинается сначала: вот он неразличим еще, этот мяч, вот уже четко виден, вот он бабахнул нам по лбу... Словом, первая стадия, вторая, третья. Круговорот. Соответственно — вновь те же методы, которые описывались в предыдущих главах.

ЧИТАТЕЛЬ. На четвертом этапе методы меняются?

Постольку поскольку. Руль наших игр поворачивается на 180 градусов. Если на 1–2-й стадиях внешняя среда была для нас как бы соблазнителем, помогающим уйти с трассы, то теперь мы сами ищем в ней кандидатов на искушение, предлагая присоединиться к нам.

Заметив себя в роли таких учителей-provокаторов, проще всего было бы вспомнить, что наш Симорон дислоцируется далеко впереди — там, где закончились все игрушки, где нет разделения на «знаек» и «незнаек». И что «агентура» его присутствует в двух шагах от нас — в виде светлячков: помашешь им рукой раз-другой — и зевнешь при одной мысли, что нужно кому-то передавать свой опыт... Либо, если уж очень донимают лавры Ушинского и Песталлоцци, — приступишь к традиционному средству освобождения — самообгону.

Теперь в сюжетах его будет, естественно, гиперболизироваться, доводиться до крайности наша потребность спасать, лечить, давать советы, инструкции, объединять людей вокруг какой-то идеи, помещать их в какие-то условия или заставлять делать те или иные вещи, мало интересующаясь, соответствует ли это их намерениям.

Смещается центр внимания: если на предыдущей стадии оно было полностью отдано нашему внутреннему содержанию, то сейчас объект находится извне. Все наши действия направлены в его адрес. Хотя главным действующим лицом в этот спектакль, как и в прежних, остается наша инициативная личность.

При этом инициатива может проявляться двояко — в *динамической* форме либо в *пассивной*. То есть в одних случаях мы призываем людей к смелости, решительности, наступательности, в других — к осторожности, подозрительности, неспешности. То и другое, конечно, равнозначные направления игры, счет которой всегда не в пользу играющих.

ЧИТАТЕЛЬ. Что стоит за этими предпочтениями, что побуждает нас двигаться в одну либо в другую сторону?

Трудно сказать. Это начинается уже с момента нашего старта, материализации в здешнем пространстве. Иными словами, свою избирательность мы приносим сюда из прежнего, дочеловеческого бытия. Утверждать, что бытие это никак не связано с играми вообще, мы не можем, но природа их вряд ли идентична тому, что мы наблюдаем здесь. Тем не менее какая-то переключка с земным театром должна быть: иначе нас бы ничто не заинтересовало, мы пролетели бы мимо... Вот этот настрой, по-видимому, и влияет на то, к какому образу мыслей, поведения мы более склонны присоединиться при посадке на данную планету. И — при дальнейшем проживании-обживании ее.

Вернемся к историям наших гостей.

Выглядят они после предшествующих симоронских операций весьма и весьма лучезарно. Однако представим себе на минуту, что ничего этого не случилось, что события развиваются по шаблонной схеме...

БАБУЛЯ

Ночные грохоты привели к устойчивой бессоннице. Кто-то посоветовал водные процедуры. Если они помогли, **БАБУЛЯ** будет вдохновенно рекомендовать всем ис-

пользовать это средство как универсальное от любых проблем. Если нет — начнет уговаривать других ни в коем случае не применять его, так как это чревато катастрофой.

Самообгон исполняется при участии добровольцев-лицедеев либо подручных предметов, которым *БАБУЛЯ* с пеной у рта доказывает одно или другое. Живописует фантастическое будущее, которое в итоге их ожидает. Собеседники естественно реагируют (предметам *БАБУЛЯ* помогает «реагировать» своими руками). Дойдя до пресыщения, наблюдает в сложившейся предметно-человеческой композиции симпатягу, выходит на трассу... И не только начисто забывает о своих пропагандистских амбициях, но и способствует попутно присоединению к симоронскому статусу возможных «жертв» этих амбиций. Благодаря чему те реально могут выйти из личных проблем. Разумеется, все прежние недоработки *БАБУЛИ* по первым трем стадиям сами собой упраздняются...

По аналогичной модели могут работать *ДЯДЕНЬКА* (принимая и затем рекламируя или антирекламируя препараты от гриппа), *БАРЫШНЯ* (которая воспользовалась услугами бюро знакомств), *МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК* (пытался освоить йогу), *ГРАЖДАНКА* (утоляла свою агрессивность в общественных акциях).

Конечно, вовлекать окружающих в какие-то ситуации, опутывать их мозги различного рода программами можно не только на основании своего персонального опыта, но и приняв эстафету от других «инфекторов». Каждый из нас в этом плане выступает передаточным звеном в цепи дезинформации, очаги которой непрерывно вспыхивают там-сям в общепите и задача которой — не дать человеку прозреть.

ЧИТАТЕЛЬ. Но разве не бывает так, что, прислушавшись к подсказкам со стороны, мы действительно находим выход там, где не видели его раньше?

Бывает. Но происходит это в двух случаях. Первый: незаметно для себя мы «созрели» для освобождения и вышли на светлячка, предложения которого попали в нашу

«десятку». Второй: встреча с симоронистом, природным или обученным, который, прочтя с Я-вершины верное решение проблемы клиента в его собственной душе, озвучит это в приемлемой для того форме. (Следующая глава специально посвящена симоронским способам работы с клиентами.)

Все прочие варианты, с которыми мы сталкиваемся в жизни, приводят в лучшем случае к временному успеху, с тем чтобы немного погодя ввергнуть человека в еще более глубокую пучину. Компромиссов в этом деле быть не может: или сладко-горький самообман с неизбежным занавесом в конце представления, или...

ЧИТАТЕЛЬ. ...или симоронская система. Но разве, предлагая ее своим ученикам, в частности — мне, вы не осуществляете то же инфицирование?

Мы руководствуемся чистым побуждением. За этим не стоит никакой цели, никакого задания. Подхватит ли кто наши идеи, использует ли их как-то в своей жизни — для нас совершенно несущественно. Мы не пытаемся переиграть общепитовский театр, заменить одни темы в его репертуаре другими. К чему — если кого-то это устраивает, увлекает, греет... Мы демонстрируем возможность, которой можно воспользоваться или не воспользоваться. Если кто-то обращается к нам за помощью, безусловно, откликнемся, но — исключительно по-симоронски: показывая путь на трассу. Никаких серьезных, обстоятельных рекомендаций, опирающихся на чье-либо (в том числе и наше) *человеческое* знание, из уст наших никогда не прозвучит.

Кстати, этот отработанный в социуме механизм отзывчивости — исполнения, охотного или неохотного, чьих-то заказов, просьб, требований — представляет собой особую разновидность инфицирования других. Морально мы как бы оправданы: пусковая кнопка нажата не нами. Но суть дела от этого не меняется, наоборот: по каналу, рас-
труб которого широко открыт в сторону заказчика, к нему интенсивным потоком хлынут от нас сообщения, которые рано или поздно «доконают» его. Личность требователя

не имеет значения: это может быть близкий родственник, администратор, случайный прохожий. Как только мы поймем себя на готовности выполнить чью-то заявку (или нежелании ее выполнять), незамедлительно разыгрываем в самообгоне возможный ход событий — свое участие в них. И то, что будет сделано после этого — нами или нашими подопечными, — безусловно, окажется лучшим вариантом для всех, кто в этой ситуации задействован. Потому что сделано будет без оглядки на свой или чей-то опыт — по собственному побуждению.

ЧИТАТЕЛЬ. Заказ, о котором вы говорите, может прозвучать не вербально. Сплошь да рядом между людьми складываются отношения, где каждый знает, чего от него ожидают другие. К примеру: начальство и подчиненные, конкуренты, мужа и жены, дети и родители. Или в более крупных масштабах: государство и граждане, армия и военнослужащие, религиозная конфессия и верующие... Требования здесь везде — конкретные, определенные, неисполнение их чревато малоприятными последствиями. Однако и реализация этих заказов часто бывает нам в тягость, мы действуем через силу...

Только по причине неведения. Симоронисту не знакомо расхожее правило: «Не хочется, но — надо». Единственный рациональный побудитель его поступков — ХОЧУ. И это *хочу*, как мы знаем, не встречается нигде и ни в чем противления, поскольку проистекает из источника, по природе своей сходного с источником подлинных желаний других людей.

Посему, если мы позволили себе включиться в систему упомянутых тобой отношений, — всякий раз, когда возникнет ситуация «надо», обгоняемся, доигрывая ее, и выходим на свою вольную трассу. После чего можем *внешне* оставаться, если хочется, элементом той или иной структуры (семья, производственный или учебный коллектив, страна, нация...), внутренне ей не принадлежа. И, как всегда, приглашая своим поведением подняться на тот уровень, которого достигли сами, всех желающих.

ЧИТАТЕЛЬ. Но ведь это чревато расшатыванием, развалом структур...

Скорее, их обновлением, наполнением свежей «кровью». Мы наблюдаем, как в распадающихся было содружествах — малых и больших — вдруг начинает пульсировать жизнь. Конфликтующие супруги находят общий язык; прекращается война «отцов и детей»; сотрудников, вчера еще уничтожавших друг друга, объединяет творческая идея... То же происходит и в монументальных союзах людей. Никто никому ничего не навязывает — возникает всеобщая слышимость, понимание друг друга с полуслова, единый порыв созидания...

ЧИТАТЕЛЬ. Не это ли происходит сейчас за окном? Смотрите — демонстранты возвращаются.

Ну вот, а мы здесь сидим, баланду травим...

— Петра, за мной!

— Петр, за мной!

...Где же, однако, колонны: яростная и скулящая? Накричались друг на друга до хрипоты, нажаловались до немоты... После чего попытались сообразить: о чем спорили, по ком рыдали? Все спуталось-перепуталось, в голове вакуум — память отшибло...

Как же теперь на свете жить, люди добрые?

Как говаривали герои фильма «Кин-дза-дза»: если у общества нет цветовой дифференциации штанов, у него нет цели...

ШПАРТАЛКА 13

Четвертая стадия игры — основная среди людей. Накопив информацию в трех предшествующих стадиях, соединив ее в игровом конгломерате под названием «характер», человек выступает по отношению к своему окружению в качестве самораспространителя. Задача его — наделить других свойствами своей личности, тиражировать ее в максимальном количестве экземпляров. Пока это задание поддается в той или иной степени осуществлению, человек поддерживается в русле жизни. С уменьшением возможностей тиражирования энергия его начинает угасать до полного истечения.

Участие в этой игре не обещает нам никаких перспектив. Поэтому, заметив направление своей пропагандистской инициативы, желательно реализовать ее в самообгоне и выйти на трассу.

* * *

Среди людей, с которыми мы пересекаемся по жизни, попадаютс­я и потенциальные симоронисты. Они не знакомы с нашим методом и не спешат с ним познакомиться, но тем не менее готовы примерить на себе это «нечто».

Пойдем же навстречу их устремлениям...

ПО СТОЛОВОЙ ЛОЖКЕ ПОСЛЕ ЕДЫ

Попотчевать...

Тени...

Приятно идти по городу сквозь строй манящих-горящих витрин и вывесок с бегущими литерами: «С-И-М-О-Р-О-Н». Тем, кто вкусил симоронские деликатесы, не терпится попотчевать ими собратьев.

ЧИТАТЕЛЬ. Как отличить собратьев от несобратьев?

Искатели теней не летят на свет — не видят его...

Давай-ка заглянем за одну из таких вывесок.

Ба, какие люди! — прием ведет ДЯДЕНЬКА. Станем в сторонке, дабы не мешать...

Клиент плачется по поводу какой-то своей проблемы. Наш общий знакомый слушает его и — глянь — незаметно, деликатно обезьянничает. Сейчас мы с тобой увидим, в какой степени он натренирован в зеркалке... Неплохо: самообгонная часть операции проведена быстро — практически в считанные секунды... Как ты думаешь, чем наш приятель займется сейчас? Совершенно верно: ремонтирует что-то в облике посетителя... лепит из него глазами симпатягу... Теперь описывает созданный образ и объясняет, как с ним работать.

ЧИТАТЕЛЬ. Не всякий клиент поймет это и сможет применить...

Безусловно, не всякий. Пойдем дальше, посмотрим, что предлагают другие симоронавты...

Не терпится...

Свет...

Неплохо...

Лепит...

С-И-М-О-Р-О-Н...

Светится окно, в кабинете — ГРАЖДАНКА, перед нею — озабоченная дама. Внедримся ушами в раскрытую форточку, прислушаемся...

ДАМА. У меня проблема в том, что нет заказов. У нас такая система, что если заказчики не проплатят заказы, то не будет средств давать рекламу. А если этого не будет, то дело все остановится... Я тревожусь... ночами не сплю...

ГРАЖДАНКА. ...потому что лыжник летит по трамплину и... продолжайте.

ДАМА. ...и спотыкается, так как у него сломанные лыжи...

ГРАЖДАНКА. ...он склеивает их по ходу вороньим молоком...

ДАМА. ...которое оказывается скисшим и сворачивается...

ГРАЖДАНКА. ...сворачивается фулонами обоев с изображением короля Артура...

ДАМА. ...а у того в стране революция, и его свергли...

ГРАЖДАНКА. ...посадив взамен на трон сосну, на верхушке которой устроился гладко выбритый аист...

ДАМА. ...который кушает блины...

ГРАЖДАНКА. ...и прыгает, прыгает...

ДАМА. ...с каждым прыжком становится все квадратнее...

Все, годится! Мне понравился «выбритый квадратный аист».

ГРАЖДАНКА. Прекрасно. На том и остановимся.

Ты понял?

ЧИТАТЕЛЬ. Дама эта предрасположена к более активному сотрудничеству?

Похоже. ГРАЖДАНКА догадалась об этом и пригласила ее поучаствовать в творческом процессе. Отзеркалила ситуацию, вылепила *стартовый проект* симпатяги, описала клиентке... Та «подправила» образ — в соответствии со своими печальными ожиданиями... ГРАЖДАНКА не согласилась — стала развивать картину в сторону симпатизации... Даму опять что-то не устроило... Снова очередное предложение оператора... Снова клиентка... Снова оператор... И так до тех пор, пока дама не остановилась на ка-

ком-то устраивающем ее образе, выросшем на гребне их совместного восхождения. Отныне она может пользоваться данным симпатягой для выхода из своих проблем.

ЧИТАТЕЛЬ. Ну хорошо... Но не всякий же человек готов озвучить, что с ним происходит, в присутствии посторонних.

В этом случае можно вывести его на трассу *без рассказа* о проблеме. Предупреждаем клиента, что, если в его ситуации задействованы другие люди, он должен предлагать к рассмотрению не их, а свое *отношение* к ним, свои *личные* переживания. Просим его присвоить своей проблеме любое наименование, *не имеющее с ней никакой связи*. Тем самым помогаем ему сразу выскочить из своего «болота», ухватиться за «спасительный сук» — сделать первый взнос в будущий симоронский образ.

При этом желательно, чтобы клиент, держась невольно за свою беду, не «закодировал» ее, не передал ее содержание *иносказательно*. Например: его мучает кашель... Он машинально дает название этой теме: *«Лес рубят – щепки летят»*, — передавая свое негативное отношение. Или — пытается изменить положение вещей, увидеть все в лазоревом свете: *«Каскад звуков, как у Паваротти»*... Не должно быть никаких подобных *личностных* оценок проблемы — ни отрицательных, ни положительных. Лучше всего с этой целью предложить человеку раскрутиться и назвать первый попавшийся на глаза предмет.

Итак, клиент высказался. Отталкиваясь от содержания его слов, двинемся по трассе, предлагая на выбор рисваемые по ходу картины. Все эти предложения, в принципе равнозначны, тем не менее какое-то из них привлекает нашего «пассажира» больше: он чувствует в нем для себя «изюминку» (если захочется, может привнести и свои краски, найденные по ходу)... Так продолжается до тех пор, пока он не продвинется достаточно вперед и не утвердится на трассе. Остановившись на одном из образов, клиент зарисовывает его, вылепливает, либо оператор сам воплощается в этот образ, демонстрируя клиенту. Тот запоминает его и может затем пользоваться.

Кстати, как раз сейчас ведет прием по этой модели
БАРЫШНЯ. Зайдем к ней...

БАРЫШНЯ. Назовите свою проблему нейтральными словами...

КЛИЕНТ. «Зебра на свободе»...

БАРЫШНЯ. Имеется в виду радиостанция «Свобода»? Или та свобода, которую испытывает ученик, прогуливающий уроки?

КЛИЕНТ. Радио.

БАРЫШНЯ. Радио черное, старое такое... или современный аппарат?

КЛИЕНТ. Современный.

БАРЫШНЯ. Современный как сегодняшний день, день проведения нашего занятия? Или шире — как двадцать первый век?

КЛИЕНТ. Как сегодняшний день.

БАРЫШНЯ. День слегка облачный, тихий или горячий, тропический?

КЛИЕНТ. Ни то ни другое: летняя освежающая гроза, с громом, молниями...

БАРЫШНЯ. Молния на небе... или молния-застежка?

КЛИЕНТ. Застежка

БАРЫШНЯ. Застежка — как сжатые губы или...

КЛИЕНТ. Сжатые губы. Скромный поцелуй.

БАРЫШНЯ. В щечку? Или поцелуй Ариадны морскому валу?

КЛИЕНТ. В щечку.

БАРЫШНЯ. Щечка цыпленка... или местоимения?

КЛИЕНТ. Местоимения.

БАРЫШНЯ. Местоимения, рожденного на антресолях... или пьющего квас?

КЛИЕНТ. На антресолях...

БАРЫШНЯ. Антресоли — как фасоли? Или как карманы у короля в Версале?

КЛИЕНТ. Больше не хочется говорить...

БАРЫШНЯ. Какова финальная картинка?

КЛИЕНТ. Король в Версале, целующий в щечку цыпленка.

БАРЫШНЯ. Прекрасно. Вылепите теперь из чего-нибудь эту красоту, чтобы отталкиваться от нее в своих жизненных приключениях... Хотите — лепите из меня...

ЧИТАТЕЛЬ. Я обратил внимание, что предложения клиенту разрабатывались по принципу «цепной реакции»: молния — застежка, застежка — губы, губы — поцелуй, поцелуй — в щечку, щечка — у цыпленка... Это имеет значение?

Да. Лучше последовательно вести *одну линию*, а не несколько параллельных: так мы точнее, четче вырисовываем траекторию своего полета.

ЧИТАТЕЛЬ. Барышня работала с не очень разговорчивым человеком... А если он не в меру болтлив?

На этот случай в системе тоже кое-что есть.

Зайдем в гости к *МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ*. Видишь, к нему выстроилась очередь... Диалог с посетительницей:

МОЛОДОЙ. Если у вас животрепещущий, требующий срочного решения вопрос, — изложите...

Смотри: пока клиентка ведет исповедь, наш друг зеркалит, лепит из себя ее симпатягу...

МОЛОДОЙ. Итак, в данную минуту я — *«енот, поглощающий тифозные с хреном»*... Повторите, пожалуйста, свой рассказ, глядя на меня, а я периодически буду делать вот такую физиономию и хрюкать от удовольствия... (*Показывает.*) То есть изображать этого енота, как бы напоминая вам о том, что вы уже вышли из проблемы. Вам надо будет, не останавливаясь, скопировать моего енота и продолжать рассказ как бы от его имени. Рано или поздно наступит момент, когда говорить уже будет невозможно...

Получилось, как видишь: посетительница смеется до колик...

МОЛОДОЙ. Отныне, стоит вам вновь погрузиться в свою ситуацию, изобразите этого енота и переживайте от его имени. Минута-другая — ничего от проблемы не останется...

ЧИТАТЕЛЬ. Легко сказать — от имени енота... А если человек не умеет перевоплощаться?

Пожалуйста: сейчас перед нашим оператором как раз такой объект.

Пропустим начало — оно всегда одинаково... МОЛОДОЙ, вылепив образ, оформляет его текстово — в виде фразы.

МОЛОДОЙ. Повторяйте исповедь, наблюдая за мной. Как только я дам сигнал — подниму руку, — тотчас же, не останавливаясь, встык своему повествованию, проговаривайте фразу: «А *тетушка выращивает кактус у себя в ухе*». Затем снова продолжайте рассказ — до очередной моей подсказки: она не будет меняться. Итак...

КЛИЕНТ. У меня сложные отношения с женой, мы не понимаем друг друга... Я очень страдаю от этого... Когда она обращается ко мне, *тетушка выращивает кактус у себя в ухе*... Иногда я прихожу к жене, открываю рот, чтобы сказать: «А *тетушка выращивает кактус у себя в ухе*»... Мне очень трудно, потому что *тетушка выращивает кактус у себя в ухе*... (Хочет.)

Если клиент не забудет эту *тетушку*, думается, найдет с женой общий язык.

Но — прием продолжается. Перед оператором еще одна рассказчица...

МОЛОДОЙ (*выслушав клиентку*). Готово... Повторяйте рассказ и, когда я подам знак, напевайте: «Ух, ля-ля, Муся, *сбрей мне, пожалуйста, чубик!*» Можете пританцовывать.

РАССКАЗЧИЦА. Я тяжело болею, уже много лет. Врачи не могут помочь... Например, на днях прихожу к профессору, он смотрит на меня и говорит... *ух, ля-ля, Муся, сбрей мне, пожалуйста, чубик!* Я, естественно, отвечаю...

ух, ля-ля, Муся, *сбрей мне, пожалуйста, чубик!* Он выписывает лекарство, там по-латыни написано... ух, ля-ля, Муся, *сбрей мне, пожалуйста, чубик!* (Хочет.)

ЧИТАТЕЛЬ. И все же для многих эти методы не подходят. Люди привыкли к конкретным рецептам, рекомендациям...

Прекрасно. Можно предлагать симпатягу в виде серьезной, обстоятельной «инструкции».

Например, родственник или сосед делится с нами: «Надо идти на работу, но на дворе дождь, слякоть, а я простужен...» Отзеркалив жалобщика, лепим сканированную с него картину, скажем: «Вася под столом, живот его укрыт государственным флагом Гваделупы, он издает звуки клавесина...» Придаем этому образу *глагольно-повелительную форму* и предлагаем товарищу: «*Залезай под стол, покрой живот государственным флагом Гваделупы и тихонечко издавай звуки клавесина...*» Где взять флаг Гваделупы? А вон полотенце висит полосатое — один к одному. Клавесин? Можно просто губами: дзень-дзень... Мы же имеем дело с кандидатами в симоронисты, то есть с творческими людьми.

Мера игривости в такой подаче определяется игровой «начинкой» человека, с которым мы сталкиваемся: один предрасположен к более «деловым» советам, другой — к совершенно нелепым. Симоронский оператор всегда услышит в каждом то, что подходит именно ему, никогда не предлагая *придуманые* образы или уже отработанные прежде, для кого-то другого. Мы с тобой помним: трасса — местопребывание первооткрывателей, пережеванное всегда невкусно!

Разумеется, инструкция — не обязателька. Человеку предоставляется возможность, которой он может воспользоваться или не воспользоваться, — его право. Мы не говорим, что данный сценарий нужно непременно исполнить там-то и там-то, тогда-то и тогда-то... Хочет — сделает это прямо сейчас, хочет — осуществит через день или через год. Он может забыть о нашем предложении — оно само напомнит о себе, когда придет час.

Насколько мы знаем, БАБУЛЯ облюбовала этот метод — мы как раз проходим мимо ее приемной... Заглянем?

ЗАКАЗЧИК. У меня проблема с позвоночником. Был смещен диск в свое время: я поднимал тяжести, и он сместился. Я ходил по разного рода мануальным терапевтам, никто мне, естественно, не помог... Предлагали разного рода упражнения, которые я выполнял, но они эффекта не возымели... Вот и сейчас болит...

БАБУЛЯ. Возьмите стакан со взмученной жидкостью. Что это будет за жидкость и что в ней за муть — не имеет значения, но она должна быть во взвеси. Найдите напильник и аккуратненько взболтайте им, размешайте все это, чтобы получилась однородная масса. Что вы потом будете с этим делать — выльете, выбросите или выпьете — это дело ваше: важен не результат, а процесс.

ЗАКАЗЧИЦА. У сына моего был инсульт в прошлом году. Парализовало правую сторону. Он месяц лежал, потом поднялся... У него остаточные явления с головой. Не может полностью прийти в нормальное состояние... пил много таблеток, очень.

БАБУЛЯ. Вы умеете вышивать?

ЗАКАЗЧИЦА. Умею...

БАБУЛЯ. Сделайте вышивку на носках сына. Не обязательно на всех, можно на нескольких... Вышейте что-нибудь, все равно что... Не задумывайтесь. Что в голову придет... Проследите, чтобы он периодически надевал эти носки.

Ну, каково? Тебе, читатель, не хочется испытать себя в роли симоронского проводника? Практикум с этой книжкой помогает выходить на трассу в считанные секунды. С течением времени все промежуточные стадии симпатизации уплотняются — мы как бы сразу приближаемся к финалу. Речь идет и о работе с собой, и о сеансах с клиентами. В зависимости от их индивидуального запроса (подсознательного) симпатяга выдается в той форме, которая для них наиболее приемлема.

ШПАРГАЛКА 14

Основные приемы работы с «клиентами».

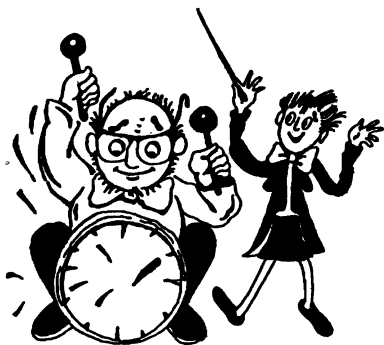
1. Зеркалим жалующегося, осуществляем самообгон по воспринятой от него проблеме, лепим из тех или иных элементов его «глинистого» образа симпатягу. Обучаем работе с этим образом.
2. Все то же, но подключаем клиента к участию в работе над образом. Строим его, поочередно добавляя каждый свои краски, пока клиент не останавливается на устраивающей его картинке.
3. «Молчаливому» клиенту предлагаем обозначить свою проблему словами, не имеющими к ней никакого отношения. Развиваем содержание предложенного им обозначения по принципу «клеточного деления», предоставляя ему возможность выбрать какую-то из наших картинок. Затем работаем так же с этой картинкой... и т. д. Конечный выбор клиента определяет симоронский образ, с которым ему предстоит затем работать.
4. «Отсканировав» исповедующегося, выходим на образ его симпатяги. Демонстрируем этот образ — клиент должен повторить свою исповедь от его имени, копируя нас. Как вариант: предлагаем ему по нашему сигналу вставлять в свою речь вербальное описание образа. Через некоторое время симпатяга вытесняет проблему клиента, замещает ее собой.
5. Оформляем найденного симпатягу клиента в глагольно-повелительной форме — в виде «деловой инструкции». Рекомендуем исполнять эту инструкцию до полного истечения проблемы.

* * *

В старом фильме пелось: «Вот и стали мы на год взрослей, и пора настает — мы сегодня своих голубей отправляем в свободный полет...»

Если «голубь» — это наше пробужденное **Я**, раскроем настежь дверцы всех клеток, где он был прописан до сего дня...

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Какое у нас сегодня число? Взгляни-ка на календарь... Ну конечно, *то самое!* Которое только раз в году. Точнее — раз в сутки. Еще точнее — в минуту. Секунду. Да, да, да — *happy birthday!*

Как это — не записано в паспорте? Ты *не там* смотришь... Полистай, полистай... Последняя страничка? Хорошо... Что дальше? Ничего? Абсолютно ничего? Нет, милый: там, за последней чертой — симоронское твое свидетельство. Без цвета, вкуса и запаха. И потому — самое достоверное... В свидетельстве этом записано, что ты явился на свет мгновение назад. В качестве бескачественного **Я**. И появишься вновь через миг... И вновь... вновь... Так что готовь побольше закусок: праздновать будем основательно. Ассортимент? «Киевский» торт, естественно! Можно еще котлеты по-киевски и киевское «Динамо». Приглашай кого хочешь...

ГОСТИ. А мы уже здесь!

Чудесно. Разрешите тост... Помнишь, читатель, тот роковой в твоей биографии час, когда ты, сместившись с неголодной и гладкой вселенской трассы, парашютировал в здешнюю коммунальную столовку? Нескоро сказка сказывается, скоро жизнь течет, дотекая до мраморного памятника с эпитафией. Так вот, мы с тобой договорились: нет того мрамора в карьерах и на складах, который воздвигнется над твоею главой. Ибо глава эта, разгруженная от зубодробительных жвачек, легкая и крылатая, как сверхзвуковой МиГ-29, воспарит над пространствами...

Сегодня...

Happy birthday!

через
МИГ...

Киевский
торт...

Разрешите
тост...

Чудесно...

Итак, при первой же нашей встрече было решено: вместо того чтобы вяло плестись к финишной ленте, нужно шутя и шустро добежать до нее и вернуться к стартовой точке, с которой мы совершили свой памятный спуск. Отсюда, как с верхней площадки Эйфелевой башни, видны не только проходы-выходы в земном лабиринте, но и вся перспектива свободного мироздания.

Ориентируясь на нее, мы не очень тревожимся, если игровая инерция вновь сбрасывает нас: мы теперь знаем способы, с помощью которых можно, не закусывая, восстановиться в своем симоронском статусе. Накапливая опыт такого восстановления, все меньше держимся за прежние кулинарные атрибуты — предметы, явления, отношения, — все больше оперируем открытиями, совершаемыми своим расширенным Я. Интересы наши простираются в область непрерывного, не подпитываемого утилитарными продуктами творчества. Это превращает нас в существ, образ жизни которых качественно отличается от едоков, регламентирующих свое бытие между процедурами «завтрак-обед-ужин».

Так заполним же по этому поводу полости, запустим в работу челюсти!..

Петь? Танцевать? Конечно, какой день рождения без того. Сейчас, сейчас...

Вспомним наши первые практикумы, когда, вырисовав после самообгона масштабную маршрутную карту, мы облачали ее в удобоваримый ассоциативный образ. Период работы с такими образами — позади. Напрактиковавшись с симпатиями, можем теперь освободить их от временных узнаваемых упаковок и двигаться по высвечиваемой ими трассе так, как подсказывает их чистая партитура. Это неизмеримо приблизит нас к СЕБЕ.

Для начала повторим простейшую самообгонную процедуру, отталкиваясь от какого-либо своего житейского желания. Все присутствующие, приготовьте бумагу и ручки-фломастеры для зарисовки загогулины...

Теперь, не прибегая к *интерпретациям*, попытайтесь найти *звуковой эквивалент* данного высотного образа. Обычные слова здесь не подойдут — они характеризуют конкретные

вещи, наблюдаемые в общепитовских низовьях. Придется создать *неологизмы* — новые сочетания звуков, соответствующие нарисованной картинке.

Потренируемся. Назовите пару любых предметов-явлений, затем суммируйте их названия так, чтобы получилось одно — экономное — на двоих...

МОЛОДОЙ. Баранка...

БАБУЛЯ. Часы...

ДЯДЯ. *Ранча.*

Видите — какие-то звуки осыпаются, какие-то остаются. Прodelайте то же с тремя вещами... четырьмя...

БАРЫШНЯ. Кисель...

ДЯДЯ. Граница...

МОЛОДОЙ. Экология...

БАБУЛЯ. Бандаж...

ГРАЖДАНКА. *Клицадан.*

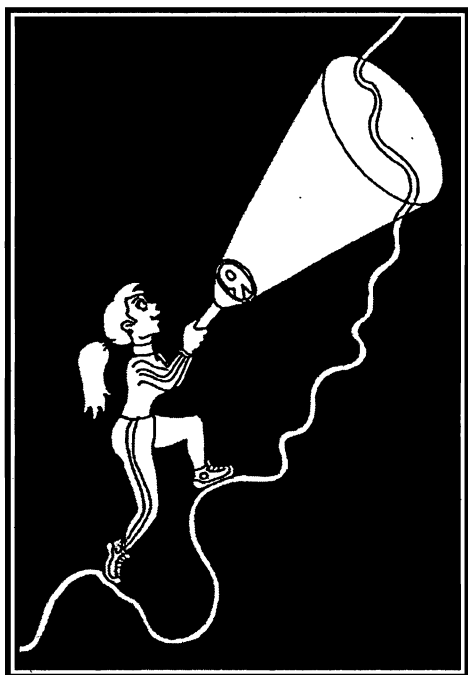
Вот примерная модель обозначений, которыми мы будем пользоваться, озвучивая свою загогулину. Плюс к этому — интонационный аккомпанемент, который в данном случае сгущается так же, как и слова. Представим себе, что по линиям нашего рисунка движется адаптер, считывающий его мелодию:

— *Лубиканн... канабун... люлисима... пентюр... рисыцэл... шош...*

Как вам песенка? Годится для торжества? Натуральный симпатяга! Только не визуальный, а *аудиальный*. Не похож ни на что вокруг, ни на какие речи — и прекрасно!..

Но локальная загогулина, как мы знаем, — лишь фрагмент нашей заоблачной карты. Один скромный куплет. Переходя от куплета к куплету, мы можем воспроизвести всю вокальную партию — опыт своего движения по целостной трассе... Расположитесь сейчас кружком и, передавая друг другу по эстафете «ноты», распевайте все, что попадет вам в руки. Второй, третий раз это будет уже звучать по-другому. Постарайтесь не делать пауз между куплетами...

...Задушевно, однако. Похлеще, чем хор Александрова. Не сидится? Что ж, впору и сплясать.

Мы с вами знаем, как важно задействовать тело в опытах по симпатизации. Если какая-то часть нашей личности остается в стороне, если мы не включены полностью, всем существом в творческий процесс, освобождение будет относительным. Прибавим же к вокалу хореографию: исполним содержание загогулин не только голосом, но и движением, соответствующим данному рисунку. Адаптером при этом будут ноги, руки, весь наш физический аппарат.

Разместите чертежи перед собой на стульях и спойте-станцуйте каждый своего симпатягу...

Когда-то мы с вами строили траекторию симоронской трассы, располагая серию рисунков вплотную друг к другу (*раскатывая «ковёр»*). Прделаем теперь то же, сдвинув стулья с *нотами* — так, чтобы все они оказались рядышком. Отсканировав динамически свою партитуру, переходим без пауз к соседним и считываем их содержание: должен получиться сплошной, неделимый пластико-тональный этюд...

...Продолжим операцию. Пройдясь несколько раз по *нотам* своих коллег, как бы разогнавшись по «трамплину», выходим за его пределы: продолжаем *естественно* развивать картину, выращенную своим телом-голосом, не оглядываясь уже на подсказки...

ГОСТИ. Какой же это танец? Это... это...

Да, назвать *это* однозначно танцем вряд ли возможно: здесь нет ничего от известных танцевальных ритмов, базирующихся на бесконечном *повторении* тех или иных «па». Общепит вообще от начала до конца — повтор, тираж однотипных событий, явлений. Глядя на этот ритуал, узнавая во всем нечто уже виденное, освоенное, человек проникается ложным ощущением прочности, надежности бытия. Мир стоит на китах... или котах, тысячи лет стоит, значит, будет стоять и дальше... Между тем, стоит шатнуть одну детальку в этом карточном домике, как рассыпается все строение: рушатся материки и государства, семьи, судьбы...

В до-человеческом, за-человеческом пространстве тиражирования нет и быть не может: каждый шаг здесь — непредсказуемое открытие. Поэтому, отталкиваясь от своих графических партитур (если только это не любимый симпотентик), мы беспрестанно открываем в себе СЕБЯ. Да, это не столько танец, сколько *импровизированная звуко-пантомима*, выключающая в нашем теле функции едока, переваривателя пищи и включающая в нем забытые энергии бесконечной вселенной. Внешне тело остается вроде таким же, но любой измерительный прибор, приставленный к нему, не обнаружит никаких признаков земной физики...

Можно сказать, мы имеем здесь дело с непрепарированным, чистым *языком симпатизации*. Так и будем его называть. Аббревиатура — ЯС, или разговорно — «ЯСный». ЯСный — это непрерывное движение, выращивание «светолинии» своего симоронского маршрута. Пребывая в этом режиме, мы мгновенно высвечиванием симпатяг во всем, на что наталкиваются наш взгляд, слух, наши чувства и ощущения. Говорить о каких-то проблемах, препятствиях теперь уже никак не приходится: данная тема безвозвратно уходит из нашей жизни.

ГОСТИ. Непрерывное движение? Но...

Не пугайтесь: кувыряться и петь с утра до ночи не придется — очень скоро процедура *прояснения* станет вашей незаметной *внутренней* работой, постоянным настроем. А пока что... как говаривал царь Иван Васильевич: танцуют все!

ЧИТАТЕЛЬ. Все, кроме меня... Гложет вопрос. Книжка вот-вот закончится, *придуманые* персонажи разбегутся — а я-то останусь. Как же я буду тренировать выход к ЯСному самостоятельно, без коллективных нот?

Во-первых, ты можешь создавать их сам в любом количестве — так, как это делалось в период тренажных прогулок по трассе. Есть и другой способ: стартовать от окружающих предметов. Любой из них претендует на нашу заинтересованность, вовлекая тем самым в игру. Зеркала их, осуществляем *профилактический* самообгон, в процессе которого происходит как бы расширение нашей *отражающей площади*: воспроизводим один объект, затем два одновременно, затем сразу три... и т. д. — примерно так, как мы сегодня интегрировали, обобщали разные понятия. Структурные границы копируемых вещей теряют свою четкость, определенность... В нашем движении (и звуковом аккомпанементе к нему) все больше ощущается неприязнанность к этим объектам, присутствуют свободные пластико-тональные мотивы. Наступает известный момент насыщенности: отрываемся от «взлетной полосы» и курсируем по ЯСной трассе...

ЧИТАТЕЛЬ. ...до тех пор, пока не соскользнем с нее снова?

Ну, если это и случится, то выглядеть теперь будет несколько иначе. Объект, заслонивший нам свет, как бы приглушил, сузил фокус нашего ЯСного, «онокретил» его соответственно воспринимаемому изображению. Мы вдруг явственно *наткнулись* на черту, до которой дошел в своем нисхождении с трассы сам этот объект. Вроде *прикасаемся* к чему-то чужеродному... Дальше подключаться нет резона: рискуем залезть в проблемные подробности,

срезонировать к переживаниям своего подопечного. Поэтому прямо с данной позиции поднимаемся, возвращаемся к тому внеигровому уровню, с которого неосмотрительно спикировали, — проясняемся.

ПРИДУМАННЫЕ ПЕРСОНАЖИ. Как зафиксировать это *прикосновение*?

Воспользуемся приемом, который в нашей системе называется «**симование**».

Начертите на листе бумаги горизонтальную линию — это будет как бы «измерительный прибор» нашего «загула» по игровой территории. Разметьте ее пропорционально условными единицами — от 1 до 10. Назовем их «**симами**». Десятка — это крайняя точка внедрения в игру, *единица* — начальная игровая позиция.

Потренируемся в симовании. Прояснитесь... Неожиданный хлопок, произведенный нами, спровоцирует вас на мгновенный спуск с трассы. Услышав сигнал, тотчас же, не мешкая, не задумываясь, поставьте отметку на симовской шкале — где-то между ее началом и финишем. Подсказчиком будет Симорон, с которым вы не потеряете в процессе падения связи. Помните метафору «трамвай и рельсы» — вы как бы держитесь руками за провода, а ногами прощупываете дорогу вниз. В зависимости от того, насколько отодвинула вас от САМИХ СЕБЯ провокация, «слепота» эта обозначится на шкале определенным количеством симов.

Итак...

ГРАЖДАНКА. Шесть!

МОЛОДОЙ. Три!

БАБУЛЯ. Десять!

ДЯДЯ. Два!

БАРЫШНЯ. Семь!

А теперь — попробуем без бумажки: «прибор» отпечатался у нас внутри, соответствующий сим «вспыхнет» в голове сам по себе. Хлопать в ладоши уже не будем, гляньте

на любой объект — на человека или кошку, холодильник или облака в небе, оцените его... Перед каждым следующим туром симования не забывайте восстанавливаться на трассе.

...Получается?

ПЕРСОНАЖИ. Еще бы! Поскольку мы *придуманные*, все у нас выходит, как вы придумали.

Представьте себе, что у *непридуманных* тоже выходит, разве что — через некоторое время. Итак, наткнувшись на некий раздражитель — любой стадии, мы отныне не тратим времени на детальную зеркалку — схватываем сразу его игровую суть и тотчас же, автоматически, восходим от данного сима к Симорону. Подхватываем сужающийся рисунок ЯСного, развиваем его в сторону расширения и, если хочется, легко завершаем опыт пластико-тональным образом симпатяги.

Образ этот вряд ли запомнится нам, — но *ощущение* от него, от рожденной в процессе опыта мелодии сохранится в нашем существе, и на это чувство ляжет любая другая пластико-тональная тема — как естественное продолжение первой. Но — подчеркнем: это всегда *импровизация*. Если мы опираемся в своем творчестве на какие-то знакомые песни, петые-перпетые другими, — возвращаемся назад, в стереотип, в старую игру...

Практикум симования позволяет проводить эти операции по еще более короткой, «изысканной» схеме. Может диагностироваться не сам объект, а *обертка, упаковка*, повторяющая его очертания — так, как костюм повторяет формы своего носителя. Это особенно удобно тогда, когда явление не охватывается *непосредственно* нашим зрением-слухом-обонянием-осязанием, то есть зеркалку не удастся осуществить напрямую. К примеру, симование какой-нибудь фирмы или экономики в целом, погоды на ближайший месяц или политической обстановки в стране...

Хочешь, дружище, испытать себя?

Возьми один из объектов типа перечисленных, желательно такой, название которого не вызывает у тебя эмоций — ни положительных, ни отрицательных. Условно обозначь его закарлючкой, запиши на бумажке и сверни из нее конвертик. Чтобы обеспечить еще больше свою беспристрастность в этом деле, сделай второй такой же конвертик — незаполненный, чистый внутри: это будет как бы другой какой-то, неизвестный тебе предмет.

Перетасуй упаковки и поочередно отзеркаль их *невидимую начинку*... Хотя внешне они практически одинаковы, но созданные по одной выкройке рубашки, надетые на тела Василия и Андрея, будут *в чем-то* различны. Вот это различие, недоступное глазам, и улавливает наш точнейший и утонченный «прибор»: «стрелка» на его десятиричном «циферблате» поползет к различным отметкам...

ЧИТАТЕЛЬ. «Законная» бумажка показала 5 симов, дополнительная — 9...

Из чего следует: дополнительный объект «гуще» замешан в житейской игре. Но зато у него, как у более опытного ее участника, больше шансов выиграть!

Для нас с вами это несущественно: симование — лишь повод к возвращению на трассу. А вот тем, кто далек от Симорона, игрокам, этот метод может помочь. Допустим, у клиента есть несколько предположительных вариантов решения его проблемы. Просим «спрятать» (условно записать) каждый вариант на отдельном листке, дополнив этот набор еще одной, порожней бумажкой: возможно, какая-то, не просматриваемая пока клиентом ситуация, окажется для него впоследствии выигрышнее. Конвертики перетасовываются. Симуем поочередно их содержание и выявляем тем самым «лучший» вариант.

Варианты могут располагаться во времени: клиент не знает, когда лучше приступить к выполнению того или иного дела. Например, это связано с погодными условиями... На бумажках пишутся даты, скажем: завтра, послезавтра, через десять дней, через месяц... Естественно, с симоронской высоты нам видно, какая погода будет более

благоприятна для клиента. О чем мы ему и сообщаем, не забывая напомнить, что

названный сим ВСЕГДА характеризует
лишь текущий момент в жизни объекта —
через минуту, час, день соотношение
игровых составляющих у него может
измениться и показания будут уже
другими.

ПЕРСОНАЖИ. Мы тут все вместе затеяли одно дело... Вот несколько листочков. Просимуй их, пожалуйста, единственный среди нас непридуманный человек — читатель...

ЧИТАТЕЛЬ. Не понимаю... Прибор не работает, никаких симов не показывает... Как такое возможно?

Возможно, если ситуация — *вне игры*. Вне ожидания житейских проигрышей и выигрышей...

ЧИТАТЕЛЬ. Признайтесь, что там у вас записано!..

БАРЫШНЯ. Освоить Симорон.

ДЯДЯ. Освоить Симорон.

ГРАЖДАНКА. Освоить Симорон.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Освоить Симорон.

БАБУЛЯ. Конечно, освоить Симорон!

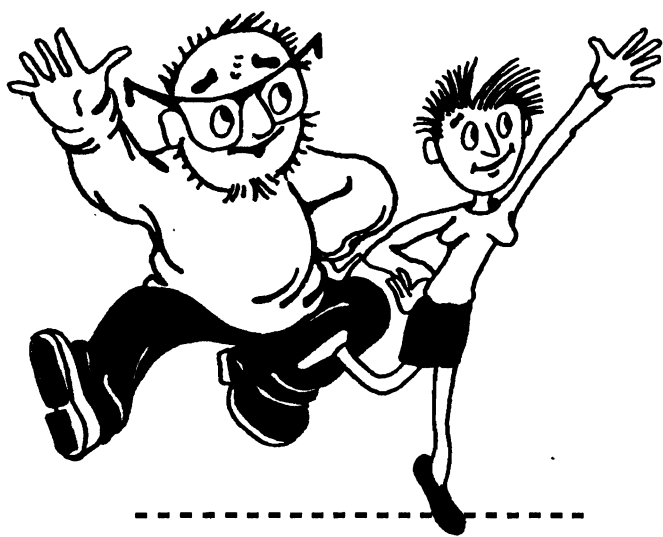
Что ж, надеемся, твое Я, читатель, вещает безошибочно. Пройдя вместе с нами путь от первой страницы этой книги, ты безусловно открыл в себе то умение-мастерство, которым владел до рождения на Земле. Оно будет возрастать с каждым днем — по мере движения по симоронской трассе, утверждения себя на ней в качестве свободного, вдохновенного космоплователя. Важно родиться заново — остальное приложится, прорастет... Так что — поздравляем тебя с праздником. Непрекращающимся. Неизбывным.

ШПАРТАЛКА 15

Выйдя через самообгон к загогулине-симпатяге, исполняем отныне ее рисунок собственным телом-голосом. Стартуя от этого рисунка, переходим в процесс движения по трассе, который выйдет как пластик-тональный импровизированный этюд (ЯСный). С течением времени *прояснение* становится нашим постоянным внутренним состоянием, постепенно отшлюзовывающим нас из мира локальных, дискретных форм в дочеловеческое пространство непрерывного творчества.

Временное выпадение из ЯСного в общепит фиксируется *символизмом* объектов искушения по шкале 1–10 симв. После чего от выявленного сима осуществляется восхождение-возвращение на трассу.

ЗАБАВНЫЕ МИРЫ

Начать сначала...

Итак... Неужели действительно можно достичь невозможного? объять необъятное? просветиться и просветлеть так, чтобы от теней вокруг не осталось и тени? Если, уважаемые читатели (обращаемся оптом ко всем), убедить вас в этом не удалось на протяжении энного количества книжных страниц... Придется начать сначала.

Предположим, до того как родиться, вы узнали, что постоянно будете терять безвозвратно и находить не то, что ищете, метаться бесплодно и копить ненужное, бороться с собой и за себя, капитально болеть и разрушаться, любить нелюбимое и есть вредное, наслаждаться от строительства того, что все равно рухнет... а затем, привыкнув ко всем этим «перевертышам», мучительно бояться утратить их. Что бы вы ответили?

«Н-е-в-о-з-м-о-ж-н-о!»

Тем не менее мы именно так н-е-в-о-з-м-о-ж-н-о живем. И ничего, оказывается, это очень даже возможно! И нужно! Кровно необходимо!..

Вы не согласны? Жаль... А то бы мы размахнулись еще на десяток томов. Пища для ума и сердца. Синтез адреналина с холестерином. Что ж...

Родиться...

Бесплодно...

Утратить...

Невозможно...

Десяток томов...

Многодневная диета по имени «Симорон» завершилась. У одних в животе — приятная тяжесть, у других — легкое послабление. В зависимости от кулинарной специализации. Но и то и другое навевает мысли о полетах-перелетах, вполне ныне осуществимых.

За чем же дело стало? Ах, десерт...

«Киевским» тортом уже наелись — смотреть в его сторону сил нет. На десерт будут утки. Все-таки ближе к крылатости, к небу. Особенно если фаршировать их документами, в соответствии с заповедью деда Василя (помните?). В общем — к столу.

Симоронская система состоит из трех частей. Две из них мы худо-бедно изложили:

1. Восстановление расширенного «Я», укрепление на симоронской трассе.
2. Погружение в игровой процесс и освобождение из него.

На освоение этого материала хватит как минимум одной человеческой жизни. Главное — вспомнить, что в лабиринте — единственная дверь для входа и выхода. Мы же с вами петляем по его закоулкам в поисках другой, обетованной двери...

Взгляд с высоты помогает увидеть идентичность обоих проходов. Наглядный пример. Возьмите чистый лист бумаги и прорисуйте кратчайшую дорожку между двумя краями... В лучшем случае это будет прямая линия. Большинство даже не заметит *провокационной* постановки задания: на *чистой* бумаге нет пунктов, точек, по которым может выстраиваться размерность пути. Скажем, 2 см, 10 см, 35 см... Все внутреннее пространство листа — один большой «нуль». Из чего следует: дистанции между краями не существует. То есть *прорисовать* дорожку, разделяющую или соединяющую их, по большому счету, **невозможно!** Правильный ответ — соедините их, согнув бумажку...

Конечно, земная игротека изобилует точками-пунктами. Достаточно завлекательными, чтобы побудить нас однажды свернуть со свободной трассы и рассмотреть

повнимательнее, что здесь происходит. В этом плане мы мало чем отличаемся от туземцев, бегущих на блеск стекляшек и обнаруживающих себя потом в кандалах. Слава богу, есть на свете Симорон (и не только), который помогает стереть позолоту с пустышек...

Если бы мы позволили себе сохранить пробужденную *ясность* мышления-чувствования, наша экскурсионная прогулка очень скоро привела бы к осязаемому эффекту. Сирин-птицу не уловить, поскольку не существует ее, этой птицы, в природе. Но — экскурсант не спешит возвращаться в родные пенаты, ему надобно ощутить в руках колыбель сирены, так хоть синицу. Материализовать блеск, уплотнить его до такой степени, чтобы создалась иллюзия прочности, железобетонности здешнего уклада. Пусть мельница — сорок раз мельница, но ежели она однажды пригрезилась нам зловредным рыцарем, сразимся с нею до крови... Пусть черт — по всем статьям черт, но, узрев его на карнавале в маске ангела, будем молиться ему умиленно и нежно...

Пучина самообмана затягивает, и приходит время, когда мы уже чувствуем близкое дно. Погрузившись по горло, видим приближающихся молодцов с лопатами, готовых помочь в сооружении надгробного кургана. Стрaшно. Хочется отдалить эту неизбежную, как нам кажется, минуту. И жизнь превращается в замедленное умирание...

Главная идея, движущая нами при этом: обеспечить себе надежное, гарантированное *будущее* в различных сферах кулинарного бытия. Пассивно настроенные игроки исходят из принципа: «Тише едешь — дальше будешь», «активисты» же пытаются всегда и во всем побыстрее «сорвать банк», заполучить «джек-пот». В итоге первые дотягивают-таки до глубокой старости и влачат жалкое существование, как бы перешагивая через свой естественный биологический срок (надолго ли?). Вторые бросают небытию «вызов» и в своей нетерпимости не дотягивают до «нормы», сгорают на лету.

Насчитываются семь основных сфер, *семь программ*, в рамках которых мы пытаемся выстроить для себя

временное «бессмертие». По своей сути они идентичны — различие лишь в декорациях.

Перспектива голодного конца пугает человека, вероятно, больше, чем все остальное. Можно достичь успеха в разных областях — в познании мира, творчестве, любви, — но если мы не раздобудем кусок хлеба, весь наш пыл угаснет... Поэтому каждый — осознанно или подсознательно — стремится материально поддержать свое существование.

Вторая по значимости актуальная задача — обеспечить для себя крышу над головой. Даже бомжи и бродяги по своему заботятся о «четырех стенах».

Третья тема — место в социальной иерархии. Заняв определенную ступеньку на общественной лестнице, мы привлекаем к себе внимание со стороны соответствующих инстанций, кругов. Сам престиж такого рода может ни копейки не дать, но с нами как-то считаются, признают, оценивают; и это поддерживает...

Следующая цель — спутник по жизни. Идеал: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Иными словами, вместе тонуть спокойнее.

Еще один игровой фактор для удержания в этом мире — деятельность. Речь идет о профессии, специальности, которая всесторонне вовлечет нас, даст возможность суетиться с утра до вечера.

Инстинкт продолжения рода — немаловажный для человека способ самостабилизации. В растущем у нас на глазах ребенке воспроизводятся этапы нашей собственной жизни, мы как бы повторяем ее заново.

Ну и наконец, каждый член социума руководствуется тем или иным мировоззрением, нравственным кодексом, научными рекомендациями... Все это вооружает его знанием, как поддерживать в своем теле дух и здоровье. И хоть не спасает от *того самого* финала, но, по крайней мере, внушает какую-то надежду.

Словом, есть чем заниматься на Земле... до поры до времени. Рано или поздно уныло завывающий оркестр будет сопровождать нашему неизбежному пересечению

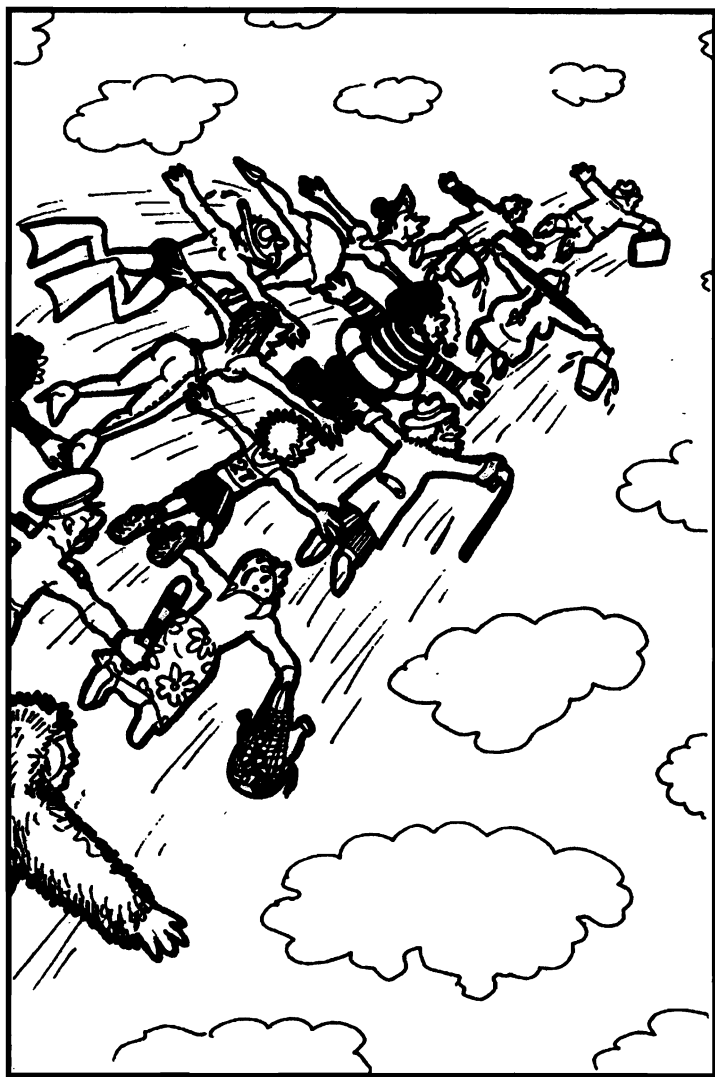
фатальной границы. Спрашивается, какой резон тратить десятилетия на пустяшные старания?..

Нет, нет, не подумайте, что мы призываем вас, прочтя эти строки, незамедлительно сделать себе харакири или сигануть с десятого этажа. Во-первых, вы бы все равно не послушались (и правильно поступили бы), во-вторых, это ровным счетом ничего не решает. Ибо, оказывается, планетарная игротека состоит из двух симметричных площадок. Наигравшись на одной из них, мы автопилотом переключиваемся на другую, где все наши приключения продолжаются с неменьшим азартом. «Качели» гуляют туда-сюда множество раз, перенося нас из мира жесткой предметности в мир «теней». И обратно. Мы появляемся то там, то сям, и все начинается сначала...

В **третьей** части симоронской системы, которая будет изложена в продолжении данной книги, подробно рассматриваются все аспекты этой двойственности нашего существования. И средства-способы выхода из нее по известному адресу — к своему подлинному **Я**, за пределы игровых координат, называемых жизнью и смертью. Освоив полностью Симорон, человек окончательно расстается со слепым страхом перед «небытием» и движется отныне не к финишной ленте, а к абсолютному пробуждению.

Пока же воспользуемся тем умением, которое обретенно к сегодняшнему дню. Этого не так уж мало, чтобы, не отказываясь от земной пищи, любя своих близких, заботясь о наследниках, занимаясь плодотворным трудом, наполнить традиционные «геронтологические» операции совершенно иным содержанием. Имя которому — бесконечное наслаждение каждым мгновением здешнего присутствия, череда бесконечных открытий. Мы ведь прибыли сюда не для того, чтобы затеряться-раствориться. Высвечивая на планете атрибуты необъятности, из которой пришли, будем жить по правилам этой необъятности...

Как выглядят эти правила в «переводе» на удобоваримый язык — вы теперь знаете. Пройдет время, что-то забудется, девальвируется, сотрется... Главное — запишите в своих нейронах, wygraviруйте на своих молекулах ДНК:

**«ПЕРВИЧНО МОЕ ПОБУЖДЕНИЕ. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ
ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ — ВТОРИЧНО.
НЕ ПОДДАВАТЬСЯ СОВЛАЗНУ СОВСТВЕННОЙ
ВТОРИЧНОСТИ, РЕ-АКЦИЯМ, НЕ ПОДРАЖАТЬ
ДРУГИМ, НЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ, БЫТЬ ВСЕГДА
ВПЕРЕДИ СОБЫТИЙ, СЛУЧАЮЩИХСЯ ВОВНЕ»**

Идеи эти подробно выписаны и проиллюстрированы в нашей давней брошюре «Произвольный способ парения», которая выйдет вскоре в свет в обновленной редакции. Впрочем, вы в достаточной степени могли почерпнуть их и из данной книги, основанной на почти двадцатилетней практике симоронистов разных поколений.

Надеемся, что тем из вас, кто не просто полистал эти страницы, а многократно примерил их содержание к своей жизни, открылись «чудеса», традиционно связываемые в сознании людей с Симороном. И в то же время вы не можете не видеть, что все это — обыденность, норма. Никто не превратился в «чародея», не заискрился, как бенгальский огонь, вареники не запрыгивают к нему в рот и лягушки из соседнего болота не превращаются под его взглядом в принцесс. Нет, внешне вроде бы ничего не меняется: Земля вертится, как во времена Галилея, Солнце светит так же, как светило когда-то динозаврам... Но в чем-то существенном мы с вами, — уже не те, кто вчера еще шастал туда-сюда в поисках «хлеба и зрелищ». Каждый — нечто неизмеримо большее, не вписывающееся в рамки.

Еще шаг или два — и, выйдя окончательно из этих рамок, мы окажемся в той же позиции, с которой некий шутник набросал когда-то контуры знакомого нам общепита. Если очень захочется — что помешает нам заняться тем же: складывать из кубиков разные забавные миры...

Впрочем, может быть, будет просто недосуг: обнаружится, что мы поднялись лишь на одну из ступенек лестницы, ведущей в неизмеримые мерности. И что нам еще предстоит идти и идти.

К НЕВОЗМОЖНОМУ...

ИЗ ПРАКТИКИ СИМОРОНИСТОВ

Как вы уже знаете, друзья, Симорон — это не столько теория, сколько живая, повседневная практика. Старт к этой практике задается в учебных группах, где десятки людей, моделируя естественный жизненный процесс, отработывают друг с другом симоронские технологии. На занятиях царит специфическая атмосфера творческого пробуждения, сама по себе стимулирующая открытие каждым в себе СЕБЯ. Это то, чего, к сожалению, лишены вы, читатели этой книги, контактирующие с авторами без непосредственной обратной связи. Хотя, с другой стороны, такой контакт имеет свое преимущество: никто не гонит в шею, нет нужды планомерно следовать по фарватеру курса... Материал можно «жевать» не спеша, откладывая и возвращаясь к нему вновь, когда хочется-может.

Конечно, многое, очень многое осталось «за кадром»... И потому мы решили продолжить повествование, поместив здесь выдержки из занятийных стенограмм, где будущие симоронавты рассказывают о своих успехах и неудачах в применении метода, а авторы его помогают им продвинуться в этом направлении. В приложении подаются самые «свежие» материалы — последнего учебного года. Они распределены на три группы: первая группа — примеры использования простейших техник самообгона и симпатизации; вторая — работа с проблемными ситуациями 1–4-й стадий; третья группа — все, что относится к свободному владению симоронской технологией, то есть беспрепятственное движение по трассе, ЯСный, симование.

Большее место в этом перечне, естественно, занимают опыты по выходу из различных биосоциальных тупиков — то, что на первых порах дается труднее всего и требует немало времени для освоения. Примерившись к этим описаниям, сопоставив с ними свои собственные пробы, вы, друзья, сможете дополнить для себя информацию, полученную из книги, подробностями, деталями, для которых, возможно, на ее страницах не нашлось достаточного

места. Это поможет вам лучше понять систему, эффективнее ее применять.

Действующие лица в стенограммах обозначены следующим образом: участники занятий по полному или сокращенному названию своих симпатияжных образов, Петра и Петр Бурланы – одной суммарной литерой «Б».

1. САМООБГОН И СИМПАТИЗАЦИЯ

ЯБЛОЧНЫЙ ПРЫГ-ДРАНДУЛЕТ. Еду как-то в троллейбусе на деловое свидание, очень для меня важное... Волнуюсь. Думаю, надо исполнить самообгон. Рисую себе картину: приезжаю я на это свидание, ведут меня в одежный магазин для крутых, предлагают выбрать любой прикид — фирма оплачивает... У них принято начинать любые дела с облачения клиента, дабы он шикарно выглядел на аудиенции у руководства, не мозолил глаза своим видом. В общем, я — суперледи, принимает меня сам президент фирмы, бумаги подписывает не глядя, приглашает на званый бал для элиты... Я — нарасхват, фотографируют и тут же продают мои портреты по фантастической цене... Мажут эти портреты красной икрой, складывают, как сэндвичи, жуют... И тут слышу: кондуктор объявляет остановку... мама родная, я проехала две лишние остановки! Вылетаю, пытаюсь остановить такси — глухо... Бегу пешком, расталкиваю народ... Прибегаю — конечно, никого уже нет: там люди точные, ждать не любят... Погорело то, чего я так ждала, надеялась... Вот вам самообгон!

Б. Самообгон правильный, это вы... неправильная.

Я-П-Д. В чем же моя неправильность?

Б. В том, что вы не воспользовались своей «катапультой» — не выскочили из проигрышной ситуации. Симоронская интуиция увела вас от нее, а вы — нет, войду все-таки в мышеловку... Ну и вошли.

Я-П-Д. Но ведь меня ждали, мы же договорились...

Б. Чего ж вы волновались?

Я-П-Д. Ну, это естественно... Я не знала, чем закончится наш разговор...

Б. Если бы это событие было сформировано вами — вашим расширенным «Я», — вы бы *знали*. И спокойно встретились с ожидающими, получили бы то, что хотели... Значит, все это вам ни к чему. Ложный ход. Услышав объявление кондуктора, надо было улыбнуться облегченно: пронесло...

Я-П-Д. А дальше? Дела-то все равно делать придется...

Б. Только не эти — не те, на которые вы нацелились. Самообгонный «трамплин» вынес вас к координате, где подстерегала подлинная удача. Тут же взять бы и зарисовать ее, эту координату, то есть симпатягу... Но вы не удосужились даже вспомнить...

Я-П-Д. Где же ее рисовать? Троллейбус, люди, бумаги нет, ручки...

Б. А глаза на что? Высмотрели очертания загогулины в окружающих вещах, фигурах людей — и все: С этой минуты нами движет чувство, ощущение — безошибочное... Внутреннее знание, уверенность, что любое событие, которое случится сейчас, — беспроеигрышное. Захочется — едем дальше, захочется — выходим наружу... Главное — никаких *намеренных* действий.

УХО-ЗАРОДЫШ. У меня были проблемы с деньгами — очень нужны были деньги. Я рано встала и, пока все домашние спали, сделала по этой проблеме самообгон: пробираюсь в банк, в маске, вскрываю сейфы, сбрасываю пачки денег в мешок, на крыше меня ждет вертолет, улетаю в Японию... Почему в Японию? Ну, так захотелось. Решить проблему с Курилами. В общем, надоели все эти глупости, нарисовала загогулину. Она напоминала то ли ухо, то ли зародыш... На работу я недавно устроилась, еще нет месяца, но я надеялась, что мне выплатят аванс. Вернее, до этой минуты надеялась, до самообгона... Еду на работу, и — как только подумаю об авансе — тут же попадают на глаза именно эти зародыши: какие-то вещи, напоминающие их, лужи на улице... Приезжаю и совершенно забываю о своей проблеме. Это правильно?

Б. Естественно. Ведь вы вышли из ожиданий.

У-З. Вышла-то вышла, но в этот день возвращался из лагеря мой ребенок, и мне хотелось встретить его по-человечески. Об этом напомнила сотрудница: «Как там твой малыш?» Я тут же в кассу, но мне говорят, что аванса не будет, потому что я новенькая. И в конце месяца выдадут целую

зарплату... Что же делать, думаю? Где взять деньги? И вдруг опять на глаза попадает что-то, похожее на мою загогулину. Смотрю на сотрудницу — у нее что-то такое в прическе... И, знаете, как-то спокойнее на душе, веселее. Тревоги по поводу денег опять куда-то уходят... И тут эта сотрудница говорит: «Тебе нужны деньги? Я тебе одолжу». Я ужасно удивилась. Она меня не знает, из другого отдела. Мы с ней за эти недели раза два пересекались...

Б. Вы не допускаете, что ей просто *захотелось* дать вам деньги?

У-З. Но почему? Чем я таким заслужила?

Б. Вы симпатизировали и создали вокруг себя как бы поле... У сотрудницы, оказавшейся в этом пространстве, возникло желание сделать что-то приятное.

ПОЛЛИТРОВКА-В-ШАПКЕ-МОНОМАХА. У меня в принципе пока больше вопросов, чем... Я нарисовал симпатягу и ассоциировал его для удобства пользования с «поллитровкой в шапке Мономаха». Потом как-то увидел такую поллитровку в руках у алкаша... Что дальше делать?

Б. Ничего. В момент, когда вы вышли к продолжению своего симпатяги — светлячку, — вы уже оказались *там*, на вольной трассе... Теперь вы движимы своим симоронским побуждением и можете идти туда, куда вас поведет это побуждение, ничего специально не предпринимая. Любое желание, пришедшее в эти минуты и, может быть, никак не связанное с вашими проблемами, пойдет на пользу.

П-В-Ш-М. А как же светлячок? Я же не случайно с ним встретился, вроде запланировал...

Б. Встреча со светлячком — это неожиданная встреча. То есть выглядит неожиданной. Вы идете по улице и — случайно! — видите своего друга, старого знакомого... Вы специально устроили эту встречу? Специально выискивали Васю? Вы о нем не думали сто лет. Представьте себе, что было бы, если бы мы в жизни только этим и занимались. С утра до ночи голова занята одним: где Вася? По каким закоулкам он сейчас бродит? Измаялись, истерзались, ника-

кая встреча с ним, если она и состоится, уже не радует... Увидеть продолжение своего симпатяги — это то же самое, что случайно, неожиданно узнать в толпе друга. «Боже, это ты? Сколько лет, сколько зим!...»

П-В-Ш-М. И отправиться с ним в кабак...

Б. А если у него совсем другие планы? Зачем сбивать человека с пути? Помашите ему рукой и путешествуйте себе на волне этого позитивного настроения.

П-В-Ш-М. У меня, по-моему, так и получилось. Когда я нарисовал симпатягу, захотелось вдруг включить радио. Я его редко слушаю, а тут вдруг захотелось... И я услышал конец радиопередачи, который дал мне очень важную информацию. Дело в том, что у меня есть товар и, соответственно, есть покупатели, которые предлагают очень малую сумму за этот товар. А вот эта передача подсказала мне, как поступить в данном случае... Но ведь до создания симпатяги я не думал об этой ситуации, не просил помощи... Как получилось, что я вдруг вышел на эту тему?

Б. Виновата шапка Мономаха. Вы взлетели на ней, как Гарри Поттер на метле, в высоту и узрели оттуда то, что для вас сейчас актуально, что следует делать в первую очередь. И увидели, как сделать это качественно.

П-В-Ш-М. Значит, теперь, если у меня возникнут трудности в этом деле, я могу включить радио и...

Б. И создать себе таким образом надежного *симптопентика*. Перечеркнуть свое открытие. В реку нельзя входить дважды: течение ушло, вернуть его невозможно... Чем больше вы будете ждать подсказок от радио, тем меньше получите их.

П-В-Ш-М. Но почему?..

Б. Кто такой симпатяга? Симпатяга — это отправленное письмо. Бросили в почтовый ящик, оно пошло по назначению... И всё. Что бы вы теперь ни делали — можете жалеть о написанных строчках, можете переписывать мысленно это письмо сколько угодно, — но оно уже отправлено. И, если почта работает исправно, дойдет до своего адресата. Хотите вы этого или нет. Точно так же с симпатягой:

если вы его запустили — он работает. Можете сидеть и грызть ногти по поводу того, случится ожидаемое или не случится, плохо ли будет или хорошо.... Но вы *уже* отправили письмо. И поэтому все ваши товары вместе с покупателями — уже вне той ситуации, которая сидит у вас в голове. Процесс запущен. А вы — автоматический его участник. Не дергайтесь, наслаждайтесь...

П-В-Ш-М. Кажется, я понял... Радио прозвучало один раз — и этого достаточно.

Б. Совершенно верно. Вы — на метле. Походя, между прочим, подметете и своих покупателей, и другие дела... Без остановки! Если остановитесь — немедленно устремитесь вниз, — придется начинать подъем с прежней позиции...

П-В-Ш-М. Вроде еще не остановился. Вот пример. Я ехал на дачу, в село. Добираться нужно было местным автобусом. По расписанию его уже никак не должно было быть. Приезжаю — автобус тут как тут...

УТКА-БЕЗ-КЛЮВА. У меня был интересный случай. Я решила проверить, получится или нет. В воскресенье загадала желание. Сделала самообгон, нарисовала загогулину, похожую на утку без клюва, и в понедельник пошла исполнять свою мечту. Выбрала по карте озеро, направилась туда, чтобы поймать сазана, карпа. Карпа я увидела только сверху. А потом неожиданно заметила, что пруд напоминает утку, которую я рисовала. Я его не поймала, карпа, но зато озеро было такой формы.

Б. Давайте разберемся. Желание рыбачить появилось у вас *до того*, как вы симпатягу изготовили. Да?

У-Б-К. Конечно.

Б. И вы поручили симпатяге исполнить этот свой замысел.

У-Б-К. Правильно.

Б. А он, подлец, не исполнил...

У-Б-К. Исполнил. Я же озеро нашла.

Б. Озеро вы нашли, но рыбу-то не поймали.

У-Б-К. Ну... она сверху плавала.

Б. Если вас устраивает такая рыбалка...

У-Б-К. Не устраивает.

Б. То есть желание не осуществлено. Почему? Самообгон должен был угодить его и избавить вас от потребности ехать на озеро. Раз этого не произошло, значит, там было другое намерение... Вспомните: «Я решила проверить — сработает или не сработает». Рыба была лишь поводом, на самом деле задача — посмотреть, действует ли симоронская система.

У-Б-К. В общем, да...

Б. А поскольку вы сомневались, нужно было обогнать именно по этой проблеме. По своим сомнениям. Скажем: я осваиваю симоронский метод, становлюсь суперменшей, одним взглядом превращаю пустырь рядом с домом в живой оазис, наполняю его золотыми рыбками, все они тычутся мордами в меня, скачут, каждая хочет первой угодить мне, одна стала моей подругой и мы вдвоем основали брачное агентство... Ну, может, не так «опереточно», но примерно в этом ключе. Дошли до хэппи-энда, нарисовали или построили из каких-то предметов симпатягу. И в заключение — исполнили, что в голову пришло. Ничего не пришло — прекрасно. В любом случае исходные сомнения куда-то ушли. Симорон действует — вы начинаете убеждаться в этом на каждом шагу. Появится побуждение ловить рыбу — вам не придется планировать выезд на озеро: может быть, пригласят друзья... или, плавая летом в море, ухватите акулу за хвост...

ДЯТЕЛ-С-ГАЗЕТОЙ. Когда после первого занятия мои друзья спрашивали, что там такое, куда ты ходишь, я отвечала: «Знаете, трудно очень объяснить, честно говоря, бред какой то... но мне интересно, я хожу». Признаюсь честно, как есть.

Б. Мы сами говорим, что бред какой-то.

Д-С-Г. Я говорю, что объяснить невозможно. И вот на прошлом занятии, когда упражнялись, я сделала самообгон по своей проблеме, у меня получился такой симпатяжный

рисуночек: дятел или что-то подобное с газетой в руках. То есть в лапах. Я тут же увидела его, ну, не его конкретно, а птицу, которая прилетела и села на подоконник... И мне так стало приятно... Но что самое главное, эта моя проблема... Я буквально сразу, через несколько минут поняла, сколько она занимала в моей жизни места, времени, энергии, всего, в общем... Так вот, она вдруг уменьшилась вот до мизинца. Понимаете, она же никуда не делась — просто я увидела ее уже совсем по-другому...

Б. Отошли от нее в сторону.

Д-С-Г. Да, как-то со стороны, сверху на нее посмотрела. И когда об нее опять споткнулась — в воскресенье это было, — меня опять зацепило, на душе стало кисло... Стоп, говорю себе. Это же все какое-то... не мое. Чужое... Ну что я так переживаю? Ради бога, пусть себе идет. Это не мое... И вдруг я слышу такие слова: «Понимаешь, как ты решишь, так и будет, все от тебя зависит. Ты должна поставить шкаф в этот угол...». Я обалдела.

Б. От кого вы услышали это? Голос с небес? Или из собственного чрева?

Д-С-Г. Шла какая-то передача по телевизору. Они там не со мной, конечно, говорили, но я почему-то восприняла, будто обращаются ко мне. И... острое появилось желание — передвинуть шкаф. Срочно! С одной стороны — ерунда какая, думаю, при чем тут шкаф? Зачем шкаф?.. С другой стороны — ну приспичило, просто не могу... Никого дома нет, мужчин нет — беру и двигаю сама. Чуть не завалила его на себя, но — передвинула. Села. Любуюсь. Здорово как стало... В квартире свободнее. Света из окна больше падает...

Б. А как же проблема та ваша?

Д-С-Г. Какая проблема?..

Б. Вот именно!

БАНКА-НАПОЛНЕННАЯ-БАНКАМИ. Я работаю в детском саду. В один из дней, когда я пришла утром на работу, медсестра подошла, говорит, что у нас ЧП — ребенок

в средней группе заболел. Через пять минут прилетела мама и стала кричать, что мы кормим детей непонятно чем, поэтому у него рвота и тому подобное. Страшно возмущалась. Я, как могла, ее успокаивала... Потом, когда она ушла, я начала работать: обогналась, нарисовала себе обалденную картинку с участием всех мам на белом свете, которые носят меня на руках и подбрасывают в воздух... Вылепила симпатягу.

Б. Как он выглядел?

Б-Н-Б. Банка, наполненная другими банками, меньшими. На следующее утро приходит эта мама, извиняется. Они сделали обследование ребенка: у него какое-то хроническое заболевание и детский сад тут ни при чем. Но важно другое. У ребенка этого, который в рот ничего не брал, одни шоколадки, вдруг прорезался аппетит. Ест молочную кашу, просит добавки... И мне кажется, чувствует себя лучше.

ПРОСТО-СИМПАТЯГА. Я сама себе удивляюсь. Удивляюсь тому, что со мной происходит. Два года до этого я очень хотела поступить на второе высшее и постоянно себе отказывала. Говорила, что возраст, не время, надо деньги зарабатывать... А сейчас вдруг потянуло. Тем паче приятельница звонит, говорит: «Иди в МАУП, у них сейчас прием...». Но я знаю, что там очень дорого. И вообще, меня как-то подташнивает при одной мысли об этом... Не хочу в МАУП, хотя мне сказали, что там завкафедры обо мне слышал, и я буду просто как сыр в масле. Но подташнивает — и все! Преодолеваю себя, звоню туда — «Приезжайте, шестьсот пятьдесят долларов в год. Учиться два с половиной года». Потом говорят, надо еще какие-то копейки — собеседование на уровень интеллекта. Мне вдруг стало страшно... Уверена, что собеседование провалю. И, знаете, от бреда этого, что надо еще копейки, что провалю собеседование, что меня не примут... делаю самообгон. Сладкий-пресладкий. До победного конца. На улице все это происходит — иду, складываю в кучу дома, машины, людей... Даже не успела симпатягу изготовить — смотрю, передо мной вывеска: «Институт Драгоманова». Ноги сами туда

несут... Захожу, меня встречают с распростертыми объятиями. Я говорю: «Понимаете, возраст». Они: «Какой возраст, о чем вы говорите». Триста долларов вместо шестьсот пятидесяти, и обучение — год.

Б. А собеседование?

С-Б-И. Об этом вообще речи не было. Может, вы думаете, что там преподавание слабое? Я узнавала: высший пилотаж!

Б. Вы сказали — не успела симпатягу изготовить... Вы его изготовили, только не заметили. То есть вышли из своего лабиринта, и Симорон привел вас к лучшему варианту. С течением времени — вы это увидите — все рекомендуемые процедуры будут уплотняться, осуществляться незаметно. У вас это случилось уже сейчас.

СВЯЗАННЫЙ-КРОКОДИЛ. Я на прошлом занятии нарисовал загогулину, вы на нее посмотрели и сказали, что это *симпотент*. У меня получился вроде как крокодил, связанный. Но вот смотрите, что было потом. Я позавчера был на ночной смене, там работал напарник, нетудыхата, у него всегда все ломается. Если бы он еще полчаса повозился с машиной, он бы ее вообще угробил. Девчата подходят ко мне и говорят: надо что-то делать. Я за две минуты пустил машину. Все были довольны, сказали, если что, то меня позовут. Так вот, этот напарник всегда на меня точил зубы, у него даже рот открыт... как раскрытая пасть крокодила. Вы поняли? Я его как бы связал — понятно? То есть мой связанный крокодил — это он и есть! Так ему и надо, он теперь премиальные не получит, сам себя наказал...

Б. Мда... Раз вы такой мастер — смажьте нам, пожалуйста, извилины: туго идет мысль, никак не сообразим...

С-К. Ну как... Я сделал крокодила, оказалось, что это — напарник.

Б. И этот крокодил искусал машину.

С-К. Искусал, гад...

Б. То есть вы ее искусали зубами созданного вами крокодила. А потом починили.

С-К. Я?!

Б. Не нравится? Хорошо, подумаем вместе. Если бы вы сотворили качественного симпатягу, его продолжение в жизни, замеченное вами, свидетельствовало бы, что никаких проблем на вашем пути нет. И крокодил, которого вы увидели в лице своего напарника, — ваш друг, товарищ и брат. Это ваше зеркало, вы в своем лучшем изложении. Если он себя наказал, как вы утверждаете, значит, это вы себя наказали... За что? Видите, какая путаница... А все из-за симпотента. Скорее всего, вы не завершили самообгон, в вашем сознании остался образ оппонента, с которым не сложились отношения. Вы придали ему негативные черты крокодила... Все это должно было исчезнуть. В процессе симпатизации снимаются вопросы конфронтации, соревнования с теми, кто нами не доволен или кем мы недовольны. Все, что связано с разрушением, проигрышами, — это тематика коммуналки.

С-К. Но я не желаю ему ничего плохого...

Б. И верите, что теперь он будет идеально справляться с машинами? Что вам не придется делать эту работу за него? Что он законно получит свои премиальные?..

С-К. Ну ладно, я буду думать о нем, как о... зайчике. Пушистом, белом...

Б. А он, этот зайчик, завтра переломает весь цех...

С-К. Запросто. Это он может. Что же делать?

Б. Выйти начисто из ожиданий. Любых. Освободить свое внутреннее пространство для новых записей, которые будут продиктованы вашим симоронским «Я». И среди которых не окажется ничего из вчерашнего вашего опыта. В частности, знания, что машины могут сломаться и кто-то не сможет их починить. Они просто не ломаются. И среди тех, кто их обслуживает, не окажется ни одного «нетудыхаты».

МИСТЕР-ИКС. Я не киевлянка. О «Симороне» узнала от своей подруги, которая у вас занималась. Или не у вас, не знаю... Она мне в общих чертах рассказала: «Когда излагаешь желание в стихотворной форме, то это более

действует...» Мне нужно было ехать в Киев, везти большую сумму. Я опасалась воров и составила стих. Что-то типа: «Чтобы что-нибудь найти, нужно мостик перейти, громко крикнуть “всё о’кей” и домой прийти скорей». Подписалась: мистер Х. Я вспомнила, где у нас этот мостик в городе. Мысленно до него дошла, перешла, крикнула «о’кей» и мысленно точно так же вернулась.

Б. Потрясающе. Что было дальше?

М-Х. Я уезжаю в Киев. У меня с собой много денег, вещи, которые вручили друзья, чтобы здесь передать их товарищам. И большая часть всего этого у меня в дороге пропадает...

Б. А мы-то надеялись... Вы нас разочаровали. Наверное, тех стишков было мало, нужно было поэму сочинить. Или перейти десяток мостов.

М-Х. Вы серьезно?

Б. Вместо того чтобы доиграть свои замыслы до конца и освободиться от страхов, вы прислушались к совету, что нужно что-то предпринять. То есть как бы уговорить, умиловить или отпугнуть потенциальных грабителей. Совершить некие определенные действия — для преодоления возможного препятствия... В результате внимание ваше настрополилось еще больше: расслышали ли вас вору, знают ли они о том, что вы защитили себя «магическими» стихами? Надев на себя эту «защиту», вы стали видны на расстоянии, как башенный кран. Странно было бы, если жаждущие поживиться обошли вас стороной.

М-Х. В общем-то, я понимаю, что преднамеренность только усугубляет наше участие в игре...

Б. Если вы берете на себя обязательство — надевать шляпу набекрень, — вы подставляете голову тем, кто специализируется в «набекренях». Они добросовестно выполнят ваш заказ. Симорон — это упразднение любых обязательств. Как захочется — так и носите шляпу. Можно на затылке, можно под мышкой, можно за пазухой. Без каких бы то ни было оглядок на то, как лучше. Лучше — никак. Тогда у вас не возникнут тревоги, что шляпу изымут.

Вместе с головой. Она однозначно останется у вас на плечах — «специалисты» ее не заметят...

М-Х. А обязательства перед другими людьми?

Б. Если вы симпатизированы — другие люди, предрасположенные к тому же, легко присоединятся к вам. А не предрасположенные, получающие удовольствие от потерь... что ж, они имеют на это право.

СТОП-КРАН. Я — стоп-кран. Типичный. Проблема — взаимоотношения с банком. Сделал самообгон. Симпатыгу сделал. А потом через некоторое время она снова долбит голову... проблема эта.

Б. Что вы при этом делаете?

С-К. Еще раз самообгон. Дня три или четыре — потом опять стопор...

Б. Как вы думаете, друзья, почему, несмотря на то что он несколько раз обгонялся, ситуация не сдвигается с места?

АУДИТОРИЯ. Постоянная проверка — получилось или нет... Обогнаться по данной ситуации нужно один раз.

Б. Конечно. Ведь что такое проверка? Возврат. Туда, где были препятствия. То есть перечеркивание своей симпатизиционной работы. Что мы делаем вместо этого?

АУД. Помним об отправленном письме... Систематически напомним себе, что наш маяк — всегда впереди.

Б. Совершенно верно. Там, где от проблем даже тени не осталось.

С-К. А если я все же обнаруживаю себя в тупике?

Б. Это уже другая тема: «В тупике». Первая называлась — «Взаимоотношения с банком». По ней самообгон мог выглядеть, скажем, так: банк раскрывает передо мной все двери, зажигает все огни, сотрудники исполняют в мою честь мазурку, их приглашают на «Евровидение», я — солист... Вторая тема требует другой сюжетности, типа: упираюсь в гранитную скалу, пробиваю в ней брешь лбом, пролетаю в эту брешь, лечу свободно по синему небу, тучи назначают

меня своим профформом... Затем симпатизация и — выход из тупика. Выход, знаменательный не обязательно решением банковских проблем: могут, как мы знаем, открыться перспективы в совершенно ином направлении, о котором мы даже и не мыслили...

СЧАСТЛИВИЦА. В прошлый раз после занятия я нашла вашу пуговицу. Помните, она оторвалась — вы искали. Такая серенькая пуговичка...

Б. Как серенькая? У нас все сверкающие...

С. Я подумала, что это мне знак того, что я должна в симоронскую школу ходить. Я еще колебалась... А продолжение такое. Сегодня прихожу на занятие, поднимаюсь по лестнице, и там, в углу, на подоконнике лежит такая большая, оторванная пуговица...

Б. Не наша. Честное слово. Можете пересчитать на нас. Спереди и сзади.

С. И я сразу вспомнила про тот знак. Это означает, что я на верном пути. Как бы маркировка. Ну, вы понимаете...

Б. Еще бы. Счастливица! Что дальше-то будет... Готовьтесь — сегодня по дороге домой, рядом с мусорником № 149, вы наткнетесь на третью пуговицу. Знайте, что это путеводная звезда вашей жизни... А послепослезавтра, подхватив двадцатую пуговицу, упавшую с пролетающего самолета на лысину вашего дедушки, пристройте ее дома в красном углу и молитесь на нее.

С. Зачем вы так...

Б. А как же иначе? Мир полон тайных символов. Раскроем пошире уши, глаза: на каждом углу — знаки, приметы, шифры... Вопрос только: кто их установил, посеял? С какой целью? Не проще ли, вместо того чтобы воспитывать в себе шерлок-холмса, подняться над «загадочными» следами под ногами и увидеть всю панораму, как она есть?

С. Но если знак повторяется...

Б. Вспомните пушкинского Германна. Один раз счастливая карта, второй раз... Что с ним случилось в третий раз?..

ной удачи. Мы — за свободное, безоглядное движение по симпатизированной дорожке, без каких бы то ни было промотров, проверок — что там, впереди...

КОЖАНАЯ-СУМКА-ПОЮЩАЯ-В-ЮРМАЛЕ. У меня сложилась такая ситуация, что сына нужно переводить в другую школу... Ему одиннадцать лет. Я в прошлый раз возвращаюсь с занятия, вижу рекламу политехнического лицея, который находится в двух остановках от нашего дома. И набор как раз с шестого класса. А сын хочет быть программистом. Звоню туда, попадаю на завуча. Он говорит: «Подходите, у нас есть два места». Прихожу, все замечательно, все понравилось. Я пообещала, что мы поможем лицу материально... Завуч говорит, что директора сейчас нет, окончательное решение принимает он. Приезжаю на следующий день, директор говорит: «Извините...». То есть отказывает.

Б. Как вы думаете, почему?

К-С-П-В-Ю. Понятия не имею. Все так удачно складывалось...

Б. Вы задумали нечто — оно тут же исполнилось. Сам выход на этот лицей означает, что вы уже на симоронской трассе... Что нужно делать? Просто лететь себе, ничего не предпринимая: «зеленая волна» сама вынесет куда надо... Вы же решили «улучшить» картину — пообещали взятку. Все! Крыло накренилось, падение началось... И завершилось внезапным отказом директора.

К-С-П-В-Ю. Вы хотите сказать...

Б. ...что причина частых наших «спотыков» — недоверие к Себе-Симорону. Пытаясь «подправить» его, мы суемся, сползаем с широкой магистрали на тропинку, где с нами начинаются приключения.

К-С-П-В-Ю. Но я после этого кое-что предприняла. Мой сын читает книгу «Хроники Амбера», там принц отправляет письмо с птицей судьбы себе в будущее. Если он идет по правильной дороге, то птица именно там, в этом будущем, его и найдет. Когда сын показал мне этот фрагмент,

я написала письмо с его данными и послала в лицей... По лицу вашему вижу, что что-то не так?

Б. Надо было отправить это письмо в Антарктику. Или на Большую Медведицу. Эффект был бы лучше. Ведь в этом случае вы бы продемонстрировали свою *незаинтересованность* в конкретном, определенном результате, то есть начертали бы «птице судьбы» обширный маршрут, на котором для вашего сына наверняка нашлась бы идеальная координата.

К-С-П-В-Ю. Можно написать еще одно письмо...

Б. Закажите в типографии сразу тираж — тысячу. Или десять тысяч. Вернее будет... Улыбаетесь? Значит, не все потеряно. Сложилась проблемная ситуация, начинайте самообгон, изготовьте симпатягу... Ваша «птица» сразу доставит его по тому адресу, о котором говорил автор «Хроник». Можете сидеть дома и смотреть в окно. Если данный лицей — наилучший вариант для вашего сына, не сомневайтесь: директор сам позвонит вам.

К-С-П-В-Ю. Пока вы говорили — я все сделала. У меня получается быстро. Симпатяга — «Кожаная сумка, поющая на фестивале в Юрмале».

САМОБИЧУЮЩИЙСЯ. Я хочу, чтобы вы помогли мне разобраться в ситуациях, которые произошли в моей жизни. До Симорона я не знал, что такое самообгон, но делал нечто похожее. Однажды у меня возникло сильное желание, я прокрутил свою мечту в воображении до мельчайших подробностей. Прошло время. Я об этом даже не вспоминал. И вдруг все начало реализовываться очень четко, очень ясно. Я был на высоте. У меня крылья выросли. К чему бы я ни прикоснулся — получалось. В этой ситуации было задействовано много людей. И для большинства из них все окончилось драматически... Выходит, свое благополучие, свою удачу я получил за счет других.

Б. Если вы будете думать так — затянете петлю еще потуже. Смотрите: желание ваше не встретило преград, значит, оно было продиктовано вашим масштабным «Я». Вы

же испугались происходящего, как бы сказали себе: такого не бывает. Нарисовали *подсознательно* другой, встречный сценарий, в котором жизнь должна ставить подножку. И незаметно двинулись под уклон — во исполнение этого сценария... Обвиняете себя, что повлекли за собой других? Если они прислушались к вам в тот раз, прислушаются и теперь. Симпатизируйте по этой проблеме — увидите, как падшие сами по себе поднимаются...

НЕОЖИДАННО-РАСЦВЕТШИЙ-ЧЕБУРЕК. На днях был один интересный момент, связанный с наблюдением светлячка. Я зашел посмотреть электронную почту свою, и вдруг на мониторе компьютера отразилось сообщение, что не работает протокол, по которому почта передается. Короче говоря: никакой почты не будет. А там должны были прийти важные материалы, с которыми я работаю, на которых зарабатываю. Мне их надо было вытянуть любым путем, но — не работает, и все. Это надолго, день или два должны мучиться программисты этого узла, чтобы снова наладить нормальную связь. Раз захожу, второй захожу, третий, четвертый, пятый — результат все тот же. А тут рядом, в окне, висит реклама. Некий рисованный мультяшный доктор предлагает какой-то то ли витамин, то ли препарат, гордо протягивает руку в сторону смотрящего — в ней лежит таблетка. Смотрю на этого доктора: голова у него, яйцеобразная, напоминает загогулистый рисунок, сделанный мной на занятии. В протянутой руке ясно проступает линия, которая была там нарисована. Отмечаю это все краем глаза, щелкаю машинально мышкой... и мгновенно открывается моя электронная почта. Это вообще первый раз за мою долгую практику.

Б. Кто вы?

СКОРПИОН-ДИН-ДИН. Скорпион Дин-Дин.

Б. Где же у вас хвостик желтый?

С-Д-Д. Сейчас покажу, разденусь и покажу.

Б. Публика, готовьтесь к лицезрению. Монокли и бинокли к глазам...

С-Д-Д. Был я сегодня на аудиенции у достаточно высокопоставленного чиновника. Пришел к нему с одной мыслью, он предложил мне нечто совершенно иное... Я доктор медицинских наук, заслуженный изобретатель, лауреат всяческих премий. Это меня достаточно кормит, но захотелось большего. Я пришел с просьбой помочь мне стать доцентом. Он говорит: «Предлагаю вам должность профессора, но на другой кафедре — социальной гигиены». Я хирург, а социальная гигиена — это статистика, медицинская статистика. Но оклад, предложенный мне, почти в два раза больше...

Б. То есть — у вас ситуация выбора... В чем же дело? Обгоняетесь, рисуя картины, когда удастся справиться и с профессорской ролью, и с должностью доцента, и еще академика десяти академий, куда вас чуть ли не насильно тащат... И так далее. Симпатия — будет ли это ваш «скорпион» или кто-то иной — выведет вас на взлетную полосу и поможет спикировать в самую лучшую точку.

ВЕЕР-ПОКРЫТЫЙ-МХОМ. Я расскажу вначале предысторию. В Германии, где я жил, я занимался массажем. Такие специальные тибетские чаши. Они производят звуковые вибрации — такой утонченный массаж. Вещь очень дорогая и редкая. Когда я уезжал оттуда, срочно понадобилось много денег, поэтому я их продал. Приезжаю сюда и думаю, почему бы мне и в Украине этим не заняться? Заказываю в Германии, чтобы мне их прислали. Единственный момент — я не учел, что есть таможня. Перед этим мне прислали товар из Австралии. Я когда шел получать, думал: «Заплачу десять-двадцать долларов — и все». Но таможенники показали счет — я схватился за голову... И вот думаю, сколько же мне придется платить в этом плане за чаши, когда они придут из Германии... Денег особых нет, все ушло на закупку этих вещей. Словом, голова кругом.... Я сделал самообгон, вылепил симпатию. Чаши пришли на две недели раньше, чем предполагалось. Таможенного сбора вообще нет. Это вообще нереально для украинской таможни. Куда они смотрели? Что интересно. Я немцам

написал жирными буквами, чтобы прислали курьерской почтой. Потому что такой товар на обычной почте воруют. Немцы же меряют все по своим меркам: кто ворует? зачем воровать? И прислали обычной почтой. Все пришло один к одному, ничего не пропало.

Б. Вроде бы все правильно, все прекрасно... Но ваш пример показателен в том плане, что вы поставили перед собой локальную *цель*: обеспечить прохождение товара через таможенную «малую кровью». Вы не одиноки в задачах подобного типа: многие, несмотря на все наши разъяснения и практикумы, «в душе» считают, что Симорон — примерно то же, что вантуз для прочистки засорившегося сифона на кухне. Люди всегда движутся к каким-то целям, цели эти формируются ими на основе своего предшествующего опыта. А предшествующий опыт — это чаще всего опыт ошибок. Мы прощупываем дорожку из пункта «А» в пункт «Б», и пункт «Б» оказывается проекцией пункта «А» — его повторением, копией. Иногда — улучшенной копией, но не настолько, чтобы позволить нам капитально свернуть в сторону. Инерция ведет дальше, к следующим пунктам-точкам на той же линии, а стало быть — к следующим проблемам, повторяющим прежние на новых витках пути. Да, вантуз сделает свое дело, но вы же не выбросите его после этого на свалку — поставите в уголок до очередного раза... Хотелось бы, чтобы цели, которые мы ставим перед собой в Симороне, вырастали не из проблем, а из нашего *доизгрового* опыта свободы и вели нас к той же свободе. Не будем тратить жизнь на прочистку сифонов — шагнем туда, где они изначально чисты...

КОРОЛЕК. Я поехала на выходные в деревню. Вышла в нашу летнюю кухню, поскользнулась на льду, упала. И так сильно ударилась головой, что даже валенки с меня последовали. Упала и думаю — это уже все. Круги перед глазами. Наверное, сотрясение мозга. Кровоизлияние. Я же врач, знаю... Руки уже онемели, ноги. Подняться не могу — мертвое тело, недвижимое... И все-таки думаю: нет, не может быть, должно что-то помочь. Где ты, мой Королек, которого я еще

на занятии себе изготовила? Помните, вы говорили: надо забросить его в свое будущее... Смотрю — передо мной орешник. И там, в сочетании веток, явно что-то от моей загогулины, моего Королька... Значит, он там, впереди, на орешнике. Одна эта мысль меня как-то поднимает... симпатяга меня подтягивает... то есть я к нему подтягиваюсь... Встала, пошла домой... Прилегла, уснула. Зять приходит, говорит: «Мама, что такое, что вы лежите?». А они на пруд ушли все. Я молчу... честно не понимаю, что и как. А до вечера вообще забыла, что у меня случилось, наготовила кушать, всех покормила... Будто ничего и не было. Вот и сейчас сижу здесь нормально, а это было в воскресенье, прошло три дня....

АРБУЗИК. Когда все рисовали здесь симпатяг, у меня категорически не получалось. То есть получался один симпотент. Настроение жутко испортилось. Такое было ощущение, что все вот эти противные оболочки, то, что я заимствовала всю жизнь у других, вцепились в меня изнутри. И я как-то их почувствовала. Вместо того что снять их, как бы я их обратно надела, всунула в себя... Вот и получились на рисунках симпотенты.

Б. По-видимому, вы очень старались. Хотели создать симпатягу.

А. Хотела...

Б. В процессе самообгона все эти хотения уходят. Вы, судя по всему, сделали его натужно... Понимаете, если я озабочен этой процедурой, если я наблюдаю за своими действиями, сортирую, выбираю — все это почва для взращивания симпотента. Тренируясь в построении самообгона, мы берем «кирпичики» для него совершенно не глядя, не задумываясь, наобум...

А. Тогда, на занятии, я как-то этого не поняла. Но вот на днях я приехала домой после работы и решила попробовать сама, без группы. Поводом были проблемы на работе, отношение ко мне начальства... Я просто взяла вещи, которые у меня лежали на столе, и стала их ворошить, говоря: «Вот это мой начальник Майкл, он бежит, как заве-

денный, чтобы мне угодить... А это — его секретарша Дина, она стелется у меня под ногами вместо ковра...» Ну все, как вы учили: строительство желаемой мармеладной картины.... Начала эту операцию в совершенно диком настроении, полудепрессивном состоянии. И вдруг у меня это состояние резко исчезло. Настолько резко, что я аж ахнула. Просто шок. Ощущение было легкости, детскости, какой-то радости. А депрессия больше не возвращалась. Наверное, потому, что я сделала тогда из этих вещей на столе своего Арбузика... и помню о нем.

ДЖЕРРИ. Я решил заняться горными лыжами. Ну, в 30 лет мечтал, но не было времени, а вот сейчас, на старости, решил заниматься. Купил соответствующие ботинки, зашел на нашу киевскую горку Протасов Яр и — вперед. Лечу и думаю: нет навыка, сковырнусь сейчас... Сам себе напророчил. Легко еще отделался... Отдышался, думаю: я своего симпатягу по имени Джерри расположил дома на антресоли — это «сук», на который я забросил «лас-со». Что, собственно, мешает мне временно перенести его сюда? Вон внизу, чуть правее от трассы, виднеется реальное дерево с реальными ветками. Они точно напоминают изгибами Джерри... О'кей, значит, он там. И теперь мне нужно лететь с горы, не упуская его из виду. Или хотя бы помня о нем... Что бы вы думали? Наловчился так кататься, что теперь запросто собираюсь на горно-лыжный курорт в Словакию.

ИЛЬЯ-МУРОМЕЦ. В последнее время деньги стали пропадать то у меня, то у мужа, куда-то деваются... Я себе стала чего-то такого придумывать, такого симпатягу мощного Илью Муромца, чтобы он охранял наши доходы с булатным мечом в руках. Нарисовала его, как умела, и все время с собой носила эту картинку, смотрела на нее, приказывала: «Охраняй!» Стоило сэкономить копейку или найти на дороге случайно монетку, хвалила его: «Молодец, Илья, продолжай в том же духе!» Прихожу вчера домой — муж сообщает: «Нам отдали долг сто долларов, помнишь —

которые мы не надеялись получить». А я тихонько: «Молодец, Илья!»

Б. Мда... Уж сколько раз твердили миру... Симорон ничего не лечит, не исправляет, не спасает, не улучшает. Если и возникает такое впечатление, то только потому, что в глаза бросается верхушка айсберга. Мелкие внешние успехи — побочное детище системы, приложение к ней... Главное — открытие в себе СЕБЯ, нового, непредсказуемого... Мы понимаем, для нашего обыденного сознания это камень преткновения. Пребывая дни и ночи в игре, где ставка всегда на выигрыш (или на проигрыш), мы только тем и занимаемся, что высматриваем свою добычу-удачу-неудачу. Как только мы всем существом своим проникнемся идеей, что ничего спасать не надо, что именно из-за попыток спасения у нас получаются проколы, падения, — может быть, мы сделаем шаг вперед...

Смотрите, вы сделали для себя «муромца». Этакий волшебный талисман, который должен помочь преодолевать препятствия. Неважно, какие: «не хочу, чтобы у меня были сопли», «помоги найти детям квартиру», «избавь от потери денег»... Допустим, сработало — вы закричали «ура». Вот я захотела, говорите вы, сильно захотела — и у меня получилось! Раньше не получалось, потому что я, оказывается, не очень хотела... Вы учились в школе? Вероятность того, что одно из этих двух событий произойдет, равна чему? Пятидесяти процентам. Два варианта: сопلي или отсутствие сопель, найдут квартиру — не найдут, будут деньги — не будут... Но оба — заметьте, — оба варианта крутятся в одной и той же рулетке! От того, что вы будете крутить ее быстрее, яростнее, подпрыгивая при этом или распевая песни, — полагаете, это соотношение — фифти-фифти — как-то изменится? Да, разок, может быть, выпадет отсутствие сопель... но нет же никакой гарантии, что это повторится завтра. «Гусарская рулетка». «Надежда — наш компас живой...»

И-М. Но ведь это же явно случилось после того, как я поработала: нам вернули долг. Его сто лет не возвращали, мы вообще забыли о нем...

Б. Да... Так хочется верить в чудо. В Санта-Клауса, Леонида Якубовича... Вы считаете, что воздействовали на ситуацию, изменили ход течения событий в желаемом направлении. Для этого нужно было как минимум выйти из игры, оказаться в позиции *над рулеткой*. Тогда, действительно, ее можно крутить, куда хочется... Но — захочется ли? Выйдя из игры, вы уже не заинтересованы в том или ином результате. Вам все равно, как тем зайцам из песни. А сейчас — вам все равно?

И-М. Нет...

Б. То-то и оно. В самообгоне, которого вы не сделали, истощается потребность в достижении конкретного результата. После чего руль вручается симпатяге. И он, как известно, может найти для вас совершенно иную программу — не ту, в которую вы целились...

И-М. Может быть, мой Илья Муромец еще найдет...

Б. Каким образом? Путем ваших подстегиваний, поощрений? Полагаете, от этого он станет более зрячим? Как говорилось в одной побасенке: глухие — поводыри слепых... Если бы «муромец» был олицетворением вашей расширенности, вашего доигрового «Я», с ним не пришлось бы кокетничать. А так... Подскажем вам еще один способ подобного *самовнушения*. В старом фильме «Айболит-66», попадая в очередной переплет, герой победно распевал: «Это очень хорошо, что пока нам плохо»...

ГУ. Мы поехали на два дня большой компанией в Карпаты кататься на лыжах. Шикарно отдохнули. Прибыли на станцию, чтобы ехать обратно, за час до отхода поезда. Билеты свои проверили, решили, что у нас еще куча времени, посидели в местном кабачке, прекрасно поели... Приходим на платформу — пусто. Ни души. Еще раз пересмотрели билеты и поняли, что на двадцать минут переели. Оказывается, раньше неправильно посмотрели билеты, перепутали время отправления с ценой. А катались мы в очень далеком селе. Восьмой час вечера, село спит. Светятся какие-то две хатки и крохотное станционное здание. Ни одной машины. Ближайший поезд, который идет до

Львова, будет через четыре часа, то есть добраться до Киева вариантов нет вообще. Но... в голове моей сидит образ симпатяги, который напоминает написание двух букв: Г и У. Словом, ГУ. И вот в темноте, среди теней, бликов, вдруг вырисовываются очертания этих букв... Светлячок. Народ сразу начал паниковать-бегать, а я выхожу на дорогу, стою. Представляете картину: поезд ушел, заснеженные Карпаты, дороги обледенели — все, как в хороших домах. А я стою и жду. Знаю, что сейчас что-то случится... Откуда ни возьмись, из темноты, из ночи, является микроавтобус. Нас семь человек с лыжами, рюкзаками, в маленькую машину никак не влезем. Но я говорю водителю: «Согну, ми с вами едем догонять поезд». И он соглашается! Как мы загрузились в этот драндулет — одному богу известно. Но пока возились, прошло еще полчаса, в общей сложности — пятьдесят минут от отправки поезда. Проехали сто пятьдесят километров, к сожалению, с черепашьей скоростью: микроавтобус был загружен, кроме этого, еще всякими товарами, еле двигался... Прибыли на станцию Стрий — выясняется, что наш поезд отошел четыре минуты назад. И тут я вижу еще один маленький микроавтобус. И на номерной табличке его — две буквы: «ГУ»! Подходим к нему, информируем, что нам непременно надо догнать этот поезд. Водитель — какой-то джигит, и что он делает в этом Стрие — абсолютно не понятно. И вот это «лицо кавказской национальности» говорит: «Дарагыє, какие вапросы!» Мы погрузились за три минуты и помчались со скоростью сто сорок км, — я не думала, что эта кроха может вообще такую скорость развивать... Приехали во Львов за полчаса до прибытия нашего поезда. Обогнали то есть. И снова в кабак — на радостях... Входим, наконец, в свой вагон и соображаем: если поезд перегружен (а этот маршрут всегда перегружен зимой — лыжный сезон), наши места, по идее, должны быть давно проданы. Что вы думаете? Видим, как проводник в этот самый момент предлагает кому-то билеты... Как выясняется — наши. Представляете, как он «обрадовался» увидев нас... В общем и целом приехали в Киев вовремя, здоровыми и невредимыми.

ДЕТСКАЯ-МУЗЫКАЛЬНАЯ-ШКАТУЛКА. Мой папа хочет машину купить. Лет пять хочет, собирает деньги, но они всегда уходят не туда, куда он хочет. В среду попадается ему журнал «Продажа автомобилей»... Говорит: «Все, теперь точно куплю». Но денег — только половина нужной суммы. Где взять?.. Мама мне звонит с работы: «Что делать?» Говорю: «Мама, закрой глаза, когда откроешь — какой первый предмет попадется?» Она: «Компьютер». О'кей. Я начинаю: «Компьютер портативный, ноутбук или огромный, как в старые времена, размером в целую комнату?» Она отвечает: «Какой есть, обыкновенный...» — «Нет, — объясняю ей, — назови такой, какой тебе лично нравится». — «Ну, ноутбук, маленький». — «Маленький, как дюймовочка или как пирожок с капустой?» — «Пирожок». — «Пирожок на десерт у английской королевы или шапка-пирожок?» — Ну и так далее... Дошло до роз: «Самурай дарит розы Софи Лорен или баба Маша выращивает их в Голландии?» — Мама: «Ой, баба Маша выращивает в Голландии и копает картошку одновременно. Всё, отстань от меня, мне надоело». Я говорю: «Твой образ — баба Маша в Голландии, копает картошку. Представила ее? Помни, теперь это — ты». — «Хорошо, я». Это было в четверг. Пятница, вечер, звонит мама: «Благодарю твоих симоронцев всех. Машина в гараже». Какая машина, я ничего не поняла, денег же нет... Оказывается, после нашей беседы деньги нашлись в полчаса. Очень большая сумма. Три человека сразу предложили. Мама с папой хотели красную машину, а получился баклажан. Причем все машины были красные, они сами выбрали баклажан...

ЛАМПОЧКА-ВОСЬМИСЛОЙНАЯ. В пятницу был праздник — день учителя, денег нам не дали. Премию тоже. Но все хотят пойти и отметить этот праздник. Обогнались с друзьями, симпатизировались... Деньги от этого не появились, конечно. Собрались, пошли... Одно кафе, другое... Нас несет мимо. Вдруг — остановка. Новое какое-то заведение... Заходим, уютно. Садимся за столик, смотрим меню — что бы такое взять подешевле, в сумочках же

копейки... Пока мы так сидим озадаченно, подходит директор этого заведения (потом выяснилось, что он в честь праздника отпустил в этот день официантов). Говорит: «А кто вы такие?» Мы рассказываем, что учителя, что мы тут празднуем. Он говорит: «Знаете, у меня тоже жена педагог, ее сейчас здесь нет, она сейчас очень далеко... Мне очень приятно увидеть ее коллег». Приносит нам на стол шампанское, коньяк, поднос креветок, говорит: «За счет заведения». Потом спрашивает: «Хотите потанцевать?» — «Да, хотим». — «Ну, идемте на дискотеку». — «А дискотека у вас платная?» — «Платная, но для вас будет бесплатная»... Таким образом, праздник получился прекрасным...

БОБОШКА. Сегодня иду на работу, на оградке сидит большая ворона. Я ее увидел — и она меня. Она сказала мне: «Карр!» — я ей в ответ: «Доброе утро, Бобошка!» Так, мне показалось, ее зовут. Она тут же взлетела, и я увидел прямо в ее полете, в воздухе загогулину... Взял кусок снега в руки и вылепил этот полет... Да, я еще забыл сказать, сегодня мне надо было получить две визы на письмо. На одно письмо две визы в разных местах. Причем прием в этих конторах — в одно и то же время, до обеда, находятся они в противоположных концах города, и там, конечно, с утра очереди... Так что я был заморочен этой проблемой. И вот слепил я из снега что-то непонятное такое, забросил в небо, вслед улетевшей вороне, сказал: «Лети, Бобошка!» И пошел по своим делам... Буквально через час обе визы были получены.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ. Позвольте мне выступить с оппозиционным заявлением...

Б. Слушаем. Вы против красных али большевиков?

Ц. Я — против бессмысленницы, которую вы пропагандируете. Сколько себя помню, меня учили ставить перед собой цель, задачу и стремиться к ее осуществлению. Говорят же: бьешь в одну точку — обязательно достигнешь желаемого. Вы же... девальвируете эти вещи. По-вашему,

никаких установок вообще быть не может, не должно... Анархия — мать порядка!

Б. Так, так... Вроде мы недавно с задачами-целями уже разбирались... Что ж, порассуждаем еще. Человек пришел в этот мир. Первое, одно из самых важных условий его существования здесь — он должен дышать. Иначе вообще ничего не сможет дальше делать. Вот мы с вами сидим, дышим и не задумываемся над этим. Спим — дышим. Находимся в глубоком обмороке — дышим. Каким способом проще всего лишить человека жизни? На какое-то время зажать клапан дыхательный — и он уже на том свете. Так вот, дыхание — это цель? Ставим мы перед собой цель — дышать, когда рождаемся в человеческом образе? Или дышим автоматически, бездумно?

Ц. Ну, наверное, автоматически...

Б. Позвольте, позвольте! Мы себе где-то там летали — в безвоздушном пространстве, между прочим, — понятия не имели об атмосфере, о смеси кислорода с какими-то газами... Естественно, никаких дыхательных задач перед собой не ставили. И вот надумали сигануть сюда, на эту планету. Представьте себе, что у нас нет легких, бронхов... жабр, на худой конец... что с нами будет?

Ц. Ничего не будет. Нас не будет.

Б. Само собой. Но для того чтобы в груди появились легкие или жабры, нужно поставить задание. Создать проект. То есть, входя в земную атмосферу, мы *преодолеваем препятствие* — отсутствие у себя дыхательных органов — выращиваем их по образу и подобию здешних существ... Появляется цель — преодолеть препятствие.

Ц. Допустим. Что из этого?

Б. А вот что. Мало того, что принято решение дышать, мы с вами решили еще и кушать. Еще одна цель... Не успел человек прийти сюда, не заработал еще ни копейки себе на пропитание — а уже орет, требует, чтобы его кормили. Иждивенец такой сразу. И кричит он потому, что подсознательно боится, что ему не дадут пищи. То есть — опять препятствие и опять преодоление... И дальше, двигаясь по

земной жизни, мы движемся по дороге целей, которые укладываются в одну связку: стать человеком, быть человеком.... Пытаемся достичь всего, что сопутствует исполнению этой программы, преодолевая всевозможные преграды. А так как их оказывается у нас на пути более чем достаточно, мы только тем и занимаемся, что ставим перед собой новые задачи и ищем способы их решения. Верно?

Ц. Верно.

Б. А теперь вернемся к началу координат, когда мы еще не появились здесь, в этом пространстве. Наше Я где-то там летало и еще не знало о существовании Земли, с ее населением, с ее задачами и прочими делами. Могли ли у нас быть в ту пору специфически *человеческие* цели? Вряд ли. Но подумаем: что нам *вообще* известно о целях как таковых, об их природе, о задачах и способах их достижения? Мы знаем об этом сегодня, только исходя из своего человеческого опыта. То есть понятие цели для нас всегда сопрягается с какими-то препятствиями, имеющими место здесь, в физическом пространстве-времени. А существуют ли *подобные* препятствия за пределами этого пространства, там, откуда мы сюда пришли? В мире с иной, условно говоря, «физикой»? Наш сегодняшний опыт симпатизации показывает, что *там* все выглядит иначе. Может быть, *там* есть какие-то другие игры, но этих — нет. Стало быть, с нашей привычной точки зрения о том, что собой представляет цель, можно утверждать, что у дочеловеческого Я целей нет. И что цели (то, что мы называем целями) появляются у нас только в тот момент, когда наше Я приближается к земному миру, заглядывает сюда...

Если я нахожусь здесь, а пункт назначения у меня находится в том углу, я понимаю, что задача у меня — преодолеть это расстояние и прийти к этому углу. Но если я посмотрю с верхней точки на этот угол или на другой, то я увижу все целое. И окажется, что задачи у меня никакой нет, потому что я уже объял собою все, что здесь есть. Какие еще у меня могут быть цели?.. Когда мы выходим в результате симоронских практик во внецелевое пространство, не успеем мы поставить перед собой какую-то задачу,

как она тут же осуществляется. Невысказанная, несформулированная... Получается, что главное в целевом мире условие — преодоление препятствий, движение во времени и в пространстве, чтобы чего-то достичь, — лишается содержания.

Из нашей жизни уходят цели. Мы переходим в совершенно другое качество существования. Это неизбывный, непрерывный процесс творчества. Процесс, а не фрагмент. Когда я поставил перед собой задачу нарисовать какую-то картину, чтобы преуспеть в обществе, чтобы порадовать кого-то, чтобы заработать деньги, чтобы участвовать в каком-то там смотре... Эта картина всегда будет ограничена по своему миросодержанию, в ней не выразятся все мои возможные возможности. А если я рисую эту картину потому, что не могу ее не нарисовать, и не думаю о том, сколько она будет стоить, купит ее вообще кто-то или нет, кого она там порадует, какое место займет в конкурсе, — вот тогда я занимаюсь творчеством. Это не цель — это всплеск, это реализация моего симоронского побуждения. То, что отныне для нас называется жизнью, — построено из этих всплесков.

2. ПОГРУЖЕНИЕ В ИГРЫ И ВЫХОД ИЗ НИХ

ПАЧКА-КУПЮР. Я пытаюсь решить проблему с деньгами, с депутатом. Прошу у него десять тысяч, конкретно. Он мне не дает.

Б. Итак, пришли к депутату. Перо в бок: «Дай, гад, разрежу...»

П-К. Я писала несколько писем, прикалывала к этим письмам счета, на что я хочу потратить деньги. Пыталась с ним работать, в моем понимании — правильно, как надо... Но он все равно от меня прячется. Теперь даже для его секретаря меня не существует.

Б. Как вы пытались с ним работать?

П-К. Представляла, что прихожу к нему на прием, он меня радостно встречает, открывает передо мной двери, усаживает в самолет, везет меня на Багамские острова и дает эти десять тысяч. Ну, в общем... больше ничего мне и не надо.

Б. Прекрасно. Тратьте теперь эти тысячи.

П-К. Так их же нет... Это же в мечте.

Б. Тратьте в мечте.

П-К. Мне нужно в реальности...

Б. Не обижайтесь, но барану, который утром рано столкнулся на мосту с другим бараном, тоже до зарезу нужно было получить от него кое-что. И он рисовал себе, как этот встречный компаньон усаживает его в самолет и собственноручно доставляет на тот берег... А реальный баран стоял и не думал уступать. Пока для нас с вами снаружи существуют грозные бараны, от которых зависит наша судьба, в Симороне нам делать нечего.

П-К. Но я же сделала самообгон. У меня даже образ симпатяги есть: «Пачка купюр, перевязанная розовой ленточкой».

Б. Это вы называете симпатягой? В самих словах ваших присутствует вожденная недостижимая мечта... Самооб-

гон не состоялся. Вспомните, как мы работаем по *второй* игровой стадии: если перед нами возникло препятствие — зеркалим его, восстанавливая в себе знание, что через нечто подобное мы когда-то уже прошли. И тем самым снимаем потребность повторного прохода... Стало быть, что вы должны были сделать, натолкнувшись на депутатское «нет»?

П-К. Изображать то же «нет»... пока на лице его не вырисуется недоумение. Затем переставить губы его на живот, а пуп — нацепить на кончик носа, чтобы получилось, как у мопса...

Б. Вот вам и симпатяга! Вы бы тут же и думать забыли о своем депутате, о десяти тысячах и о том, на что должны их истратить. А если бы и не забыли, то ноги сами понесли бы вас туда, где на блюдечке с голубой каемочкой... И сердце билось бы в упоенье, и для него открылись вновь и божество, и вдохновенье...

ПУПСИК. У меня, к сожалению, много всяких желаний. Одно из них было — убрать одного политического деятеля, авантюриста, жулика. Хотя жена была против.

Б. Люди, прячьтесь под стулья, среди нас террорист...

П. Я не террорист.

Б. Тогда — что означает «убрать»?

П. Сделать так, чтобы он ушел. Занялся огородом или сел играть в «козла» во дворе. И вот я устроил самообгон, бурный такой самообгон... Жена говорит: ты сумасшедший. Но вот неделю назад его уже не стало. Ушел на пенсию. Я не хочу сказать, что это моя заслуга, но доля моя в этом есть.

Б. Давайте внесем ясность, коллеги. В Симороне никто ни с кем не борется. Если мы начнем кого-то устранять, грош нам цена. Мы поднимаемся на тот уровень, где видим все ходы-выходы. Пусть кто-то внизу бродит по болотам... Мы подаем ему руку, он ее принимает — в нем высвечивается симпатяга и в жизни его происходят перемены. Не хочет подняться — не надо. Но «топить» его мы не будем. Просто не станем подыгрывать ему, участвовать в его

играх... Поэтому слова «убрать», «устранить» — звучат странно. Не из нашего это словаря...

П. Но ведь факт — у меня получилось, его не стало...

Б. Можете не сомневаться: вернется. Не он лично, так другой, такой же, как он. Вы ведь внутренне ждете этого, готовите для него посадочную площадку...

Б. Кто вы?

ЯПОНЕЦ. Японец.

Б. Не похоже. Скажите что-нибудь по-японски.

Я. Пуси-куси.

Б. Другое дело.

Я. Синоптики обещали на тридцатое сентября хорошую погоду, это нас устраивало: нужно было везти панели. Мы строим дачу, заказали на заводе... Вечером двадцать девятого сентября звонят с Троещины, из почтового отделения: «Мы еле вас разыскали, по справке. Вам пришла телеграмма». Спрашиваю: «Что за телеграмма?» — «По телефону не можем сказать содержание. Вы должны прийти и получить». Больше мне делать нечего: другой же конец города.... Я подумала: завтра тридцатое число — «Вера, Надежда, Любовь» — это меня кто-то так поздравляет, шутка... Я ведь Надя.

Б. Вы же Японец.

Я. Японская Надя. На-Дя.

Б. Значит, телеграмма из Японии.

Я. Конечно. Думаю, завтра рано вставать, возиться с панелями... Зачем мне эта телеграмма. Утром просыпаюсь — барабанит дождь. Муж меня под бок: «Слышишь, какой ливень? Как мы их тащить будем?» Час льет, два льет... Я говорю: «Поезжай на завод и поговори там. Согласятся панелевоз дать — повезем». Поехал муж, возвращается: «Не повезем». Тут приходит мой старший сын: «Мать, тебе нужно сходить в лицей — там проблемы у младшенького». Ну и ну... Поехала. Нахожу преподавателя. Она говорит: «Я вам послала телеграмму, но, как выяснилось, по чужому адресу: ваш мальчик обманул меня, указал не тот...» Не могу понять, как я вошла в такую черную полосу...

Б. Брр... Действительно, в голове туман. Проанализируем. Перед вами возникла череда преград, так? В какой момент появилось первая из них?

Я. Первая — это неожиданная телеграмма: нужно ехать поздно вечером на Троещину.

Б. До этого никаких приключений вроде не было. Вы задумали перевозку панелей, собрались спать... И вдруг — телеграмма. Заинтересовались, стали гадать — от кого, в связи с чем... То есть, согласно нашей классификации, вошли в *третью* игровую стадию, наполнились проблемностью... Что нужно было сделать, чтобы не попасть в нее? На сцене небосклоне появилось едва заметное пятнышко: звонок с почты. *Первая* стадия. Пока звонит телефон, не задумываясь, кто это может быть, обезьянничаете: «дзинь-дзинь-дзинь»! И спокойно ложитесь спать, потеряв интерес к звонку. Упустили этот момент, взяли трубку — въехали во *вторую* стадию. Что ж, не вслушиваясь в содержание речей телефонного собеседника, тихонько воспроизводите его голос, интонации... он очень быстро умолкнет. Улыбнитесь и — в постель. Утром вы бы встали: никакого дождя, можно везти панели. Если бы он прошел в это время, дождь, то не там, где пролегает ваша дорога... Но вы стали выяснять с почтой отношения. С этим и погрузились в сон, подготовив себе на утро продолжение, нагромождение проблем: ливень, невозможность транспортировать панели, вызов в лицей, сыновний обман...

Я. Да... зашились мы...

Б. На любом этапе этого сценария можно было симпатизировать и избежать его развития. Например, дождь. Вместо того чтобы ждать его окончания, посылать мужа на завод и тому подобное, работаете со своими переживаниями. Используете в качестве партнера мужа, свою куклу, любые предметы. Рисуете драматическую самообгонную перспективу — до чего вы дойдете в своих страданиях. Инсценируете ее при помощи партнеров, создаете симпатию... И либо погода меняется, либо созревает другая идея, более интересная, нежели тащить панели... Но, допустим, вы упустили эту возможность, внедрили в паутину еще глубже —

вас вызывают в школу. Скажите, что там было в школе такого срочного, что нужно было в грозу ехать? Что он там сделал? Учительскую взорвал? Признался в нежной любви к техничке Марь-Иванне?

Я. Прогулял.

Б. Прогулял! Одуреть! Единственный на этой планете ребенок, прогулявший урок. И из-за этого нужно было высылать телеграмму, затевать следствие? Но бог с ней, с этой беднягой учительницей, со всеми наворотами в ее голове... Дергают ее, она дергает других. Но вы-то, вы-то!

Я. Понимаете, беда не в том, что он прогулял: он указал адрес, по которому нас нет.

Б. Проявил творческую инициативу.

Я. Учительница звонит туда. Не отвечают. Посылает телеграмму. А там, наверное, вообще никто не живет...

Б. Хорошо, хорошо. Что-то случилось в школе, вы встревожены... Что делаем?

Я. Ну... работаем со своей тревогой.

Б. Что происходит в это время в мозгах у учительницы, которая внутренне «на связи» с вами, в мозгах у вашего ребенка? Учительница забывает об этой чепухе, будто ее и не было. Ребенок тоже освобождается от подыгрывания ей и вам и в следующий раз уроков не пропустит. Потому что все вы, участники этого спектакля, — в одной упряжке теперь, в одной альпинистской связке. Элементарнее, чем правила уличного движения.

ЧАЙНИК-В-НАКИДКЕ. Я зеркалила своего кота. На меня, в общем, никто не кидался, не нападал, поэтому я экспериментировала с котом. Он у меня очень любит драть ковер. Я обычно ругаюсь, кричу, пока не встану, не подойду к нему — только тогда он соизволит глянуть... В общем, как обычно, начал драть, я поворачиваюсь и начинаю повторять за ним все движения. Тоже царапаю ковер — с другого конца, и урчу, и мурчу... Вдруг мой кот останавливается, смотрит на меня, будто впервые видит... словно ждет чего-то... «Мяу!» — провозгласил, подбежал, влезает на

руки (обычно он ласкаться не любит совершенно)... И вот так сидим с ним полчаса, он трещит, как трактор.

Б. Симпатизировался, в общем.

Ч-В-Н. И еще интересный случай. Были мы в гостях у моей крестницы. Ребенок в истерике, в слезах... Класс едет в Умань, а ее не пускают, потому что у нее в этот день сольфеджио, потом музыка, потом еще занятия с учительницей. Просит: «Уговорите маму, чтоб отпустила». Я говорю: «Допустим, я твоя мама. Прикажи — я все сделаю, как ты хочешь... как вообще мечтаешь...» Она отошла на минуту в сторону, потом взобралась ногами на стул и командует: «Платье твое лучшее, самое красивое перешить и отдать мне! Все учебники залить чернилами, чтобы ничего не было видно! Маникюр серебряный делать мне каждый день! И педикюр! Телевизор не выключать до утра!..» Что-то еще там требовала — я все исполняла послушно, ну, понарошку, конечно... На полу скопились разные вещи в куче. Когда она устала, я говорю: «На что это все похоже?» — «На слоника». — «Очень хорошо, теперь слоник будет твоим джинном Хоттабычем. Стоит позвать его — и он сделает все, что закажешь. Только не думай, заказывай сразу...» Она соскочила со стула и говорит: «Ну, я же хочу в Умань...» И вдруг: «Нет, знаешь, уже не хочу... Вот если бы в Италию, в Ла Скала!..» Вы не поверите, что было дальше. Где-то через полчаса звонит телефон. Настя с кем-то беседует... бледнеет... Садится и шепотом: «Крестная, представляешь? Софья Ароновна, училка сольфеджио, говорит, что только что комиссия на городской олимпиаде, где я участвовала, приняла решение: я заняла первое место. И в виде премии поеду на фестиваль в Италию...»

МОРСКАЯ-АНАКОНДА. Сразу после занятия, буквально на следующий день вечером, готовим с дочкой на кухне блины... и вдруг из рук вылетает банка с вареньем, разбивается. Я смотрю на эти...

Б. Ошметки.

М-А. ...ошметки и почему-то начинаю безумно волноваться. Будто разбилось что-то важное, дорогое... И сразу,

вместо того чтобы убрать их, кончиком черпака складываю узор. Прямо на полу сдвигаю их, передвигаю... Дочка смотрит и говорит: справа надо поставить солонку, слева — пепельницу. Минут двадцать, наверное, так возились... Вдруг открывается дверь, приходит зять, какой-то помятый... Рассказывает, что у него машина перевернулась на бок, проехала так по асфальту, ударилась в киоск, снова перевернулась и стала на четыре колеса снова. Он — без единой царапины. Тут его начало трусить, пришлось дать ему корвалол...

Б. Расшифруйте это событие.

М-А. Вы говорили, родственники связаны друг с другом... чувствами, мыслями. Хотя Витя мне по рождению чужой человек, но я полюбила его, как сына. И, наверное, на расстоянии почувствовала что-то... В этот момент и упала банка. Ну, выполнила я с осколками самообгон, причем как-то быстро, незаметно — просто запустила через них свое волнение, — знаете, как огонь бежит по сухой траве... и как-то успокоилась... Сделала из стекляшек симпатягу — вместе с дочкой. Она хоть и не посещает наших занятий, но — в курсе... И я понимаю так, что зять не пострадал, потому что там, в машине своей, симпатизировался. Мы ему помогли отсюда...

Б. Почему же тогда — корвалол?

М-А. Ну, я еще не волшебник, я только учусь... Испугалась за него, когда увидела, дернула его за ниточку... Его и затрясло.

КАРАКАТИЦА-ТАК-И-КАТИТСЯ. Я на мотоцикле ехал из Житомира на Волгоград-Волынский. Ехал по правой стороне, левая была занята автомобилями. И вдруг оттуда, слева выезжает КамАЗ. И прет прямо на меня. Представьте — мне свернуть некуда... остались какие-то секунды. Быстро принял решение: «Буду выполнять все, как он». И на него пошел... с той же скоростью, что и он, даже громыхать попытался, как он...

К-Т-И-К. Ну да... Знаете, время будто остановилось. Будто не приближается он ко мне, а застыл... О'кей. Слева огромное колесо КамАЗа... беру и забрасываю мысленно в кабину водителя, на шею ему — как спасательный круг... В ту же секунду он сходит с трассы, дорога освобождается...

Б. Но он не разбился?

К-Т-И-К. Вы что — такая махина. Вежливо уступил мне дорогу.

ОГОЛЕННЫЙ-ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ-ПРОВОД. Я оголенный электрический провод. Женского рода.

Б. Очень приятно. Петя и Петя Бурланы. Женского и мужского.

О-Э-П. А почему вас не трусит? Я же оголенный...

Б. Так это вас должно трусить, голого. Голою. От холода.

О-Э-П. Ну, я сама себя разогреваю электричеством... И не только себя. Стоим мы в очереди за квасом, продавщица просто фурия, всем портит настроение: «Целый день маюсь, надоели вы все...» Думаю: «Сейчас и мне начнет портить». Подходит моя очередь, поднимает на меня свои бычьи глаза... Быстренько обезьянничая и меняю все, что у нее там есть. Завернула ее в зонтик, что над цистерной квасовой, вместо глаз этих — две кружки... Она вдруг ласковым голосом: «Я вас слушаю». Все так и шух на нее — глянули изумленно... Она ласково: «Пожалуйста, пожалуйста. У вас пять копеек не найдется?» Говорю: «Найдется». — «Спасибо большое». Вот такие чудеса...

Еще один приятный сюрприз. У меня чайник уже два месяца как не закипает до конца. Вроде бы нагрелся чуть-чуть — и выключился. Стоит минуту, потом подумал — опять включился. Короче, достал он меня... Ладно, думаю как-то, займемся тобой. Села перед ним. Он включается — и я включаюсь, с шипением, шею вытягиваю, осанку выпрямляю... Умолкает — тоже молчу, сгорбливаюсь... И вот уже недели две, как все в порядке. Муж говорит: «Ты не сдавала чайник в ремонт?» — «Нет...» Такие маленькие чудеса.

ПЧЕЛКА-ПРИЧЕСЫВАЮЩАЯ-ЧЕЛКУ. У меня очень долго не шли три договора на работе. Вроде уже все согласовано, все дали добро — юристы, бухгалтера... И в каком-то месте начинает стопориться. Я звоню, переживаю, нервничаю... Это выводит из колеи. После изучения игровых стадий начала работать. Как только мысль у меня зарождается, что опять скажут что-то сейчас на факсе... неважно, что именно... я немедленно становлюсь «пчелкой, причесывающей челку». Проверенный «в боях» образ. Есть кто рядом или нет — не имеет значения: трепещу крылышками — руками, быстро-быстро ворошу пальцами челку, жужжу... И, продолжая делать все это, открываю факс. Ни разу еще после этого не случилось сбоя. Все договора подписаны, а один договор — ну просто... Во вторник люди, с которыми я вела переговоры, сами стали ко мне звонить. Говорили, чтобы я поторопилась, что уже пора запускать в производство... Раньше я их сама об этом просила, уговаривала — без толку.

Б. Раньше вы пытались отогнать от себя мысли, которые вам мешали, мысли о том, что опять не получится, опять будет какое-то препятствие... Звонили — и ждали подтверждения этим мыслям. Получалось то же, что в классической байке про Ходжу Насреддина. Помните, его пригласили лечить богатого бея, он собрал всех родственников пациента, выстроил у его изголовья, сказал: «Если во время лечения кто-нибудь из вас подумает о белой обезьяне, бей помрет». Каждый старался изо всех сил не думать, и клиент благополучно испустил дух. Насреддин преспокойненько взял гонорар: «Я вас предупреждал». Вот и мы с вами, если будем гнать «белых обезьян», они столпятся в нашей голове в еще большем количестве. Прибегут, толкаться будут, чтобы быстрее наполнить... А если наполнять-то некого? Если вместо бизнес-вумен здесь — пчелка с челкой? «Извините, ошиблись адресом»...

ПИРОЖОК-МЕЛЬХИОРОВИЧ. Я ехала за ребенком, за старшей девочкой, в школу. С собой везла коляску с младшим ребенком. Через некоторое время подъезжает авто-

бус, мы входим, свободных мест особых нет, есть возле водителя — там, где мотор, где место ограждено. Мы садимся туда, но мне некуда пристроить коляску, хотя и сложенную... И я чуть-чуть поворачиваю ее колесами в сторону водителя, на его территорию. Водитель сразу же набрасывается: «Какого черта? Я не знаю, где вы ее возили, и вот сюда мне грязь нанесли!» Мне обидно стало, малыш заплакал от крика... Но я понимаю, что таким образом только усугубляю положение, влезаю в игру... Пусть, думаю, коляска будет моим зеркалом — другого под рукой нет. Бормочу о своей, то есть уже о «ее» обиде — она, покачиваясь при моей помощи, как бы изображает сказанное... Дохожу до максимума в самообгонных фантазиях, смотрю на нее сбоку — точно пирожок, блестящий, словно мельхиоровая посуда. Проходит буквально две-три секунды, малыш успокаивается, водитель поворачивается ко мне, подает яблоко, два печенья и говорит: «Угостите, пожалуйста, ребенка. У меня тоже есть ребенок...»

МИССИС-GRASS. Я чувствую, что меня вернули самой себе. Я, как Моисей, сорок лет блуждала по пустыне и сегодня ночью поняла, что я до такой степени счастлива сама от себя, что мне хотелось орать, рыдать, кричать, грызть пододеяльник — это какой-то духовный оргазм...

Б. Это касается и болячек, на которые вы, помнится, жаловались?

М-Г. К сожалению, здесь еще далеко до идеала. Я зависла на них, они по мне путешествуют. Обычно, когда я валюсь с ног, я валюсь качественно. Но вот в пятницу заболела, позеркалась с куклой и была абсолютно здорова. Резко перестало болеть горло, шея прошла... Ура. Но я по второму разу набрала. Слетела с трассы. То ли я некачественно делаю, не могу понять. Каждые три недели, уже полгода, четко. Я бы сказала, если б мужчин не было, — цикл... Понимаете, каждые три недели простуда, причем одинаково совершенно.

Б. Когда крыса в условиях лабораторных движется к пище и ее там бьют током, она эту кормушку на пушечный

выстрел обходить потом будет. Пройдет месяц, год, от голода будет помирать, но — не подойдет. Хотя электричества там уже в помине нет, наоборот: деликатесы из фешенебельного крысиного ресторана. Это известный пример...

М-Г. Условный рефлекс...

Б. У нас это называется — испытательная потребность. Насытиться приключениями до отвала. Только не в освобождающем самообгоне, а в живой реальности...

М-Г. Вы хотите сказать, что причина во внутреннем будильнике, который я завела на три недели?

Б. Первая наша наставница театрального дела говорила, что все ее родственники уходили из жизни двадцать шестого числа. Как вы думаете, какого числа ушла она?

М-Г. Хорошо, как выключить этот будильник?

Б. Вспоминается старый японский фильм «Красная борода». К врачу привели девочку — совершенно запущенную, больную. Он налил в ложечку соку или простой воды и протянул ей. Девочка выбила ложечку у него из рук. Врач спокойно, будто бы ничего и не произошло, взял другую ложечку, наполнил — она снова ударила по руке... Это повторялось раз двадцать. На двадцать первый раз девочка заплакала, выпила... Так вот, в процессе всей этой процедуры доктор ни разу не возмутился, не огорчился, никак не отреагировал. Ваше мнение — почему?

М-Г. Это четвертая стадия. Он был упрям, хотел навязать девочке свою точку зрения...

Б. Если бы было так, он налил бы ей рекомендованное минздравом лекарство. Нет, это был симоронист «в законе». Девочку должно было вылечить не лекарство, а предложение подняться над собой, расшириться. Для этого самому доктору нельзя было спускаться со своей верхотуры. Каждый раз, когда девочка выбивала ложку, он как бы посматривал на холм, где горел его маяк, и, поддержанный этим свечением, продолжал свое...

Пусть эта история будет для вас ориентиром. Если болезнь наша претендует на особое внимание, уважение к себе, поступаем, как этот врач. Спокойно выводим себя

из игр. С улыбкой, знанием, что игрока в себе надо утолить. Одна ложечка лекарства по имени Симорон, другая, третья, десятая... рано или поздно игрок сдастся. На чаше весов перевесит опыт освобождения.

М-С. Рано или поздно... это сколько?

Б. По-разному бывает... Как-то учительница из школы, где мы когда-то арендовали зал, решила поработать со своей проблемой. У нее многое получалось, все шло очень здорово. Два месяца она терпеливо воплощалась в своего симпатягу, курсировала по трассе — стоило проблеме вернуться. Потом она куда-то пропала... Мы встретили ее, угрюмую. Говорит: «Надоело. Если я такая неумейка, значит, ничего у меня не получится...» А ей нужно было, может, год работать. Или три. Не проверяя, не просматривая — удачно выходит или нет. Просто наращивать по миллиметрам свое Я...

Когда мы с вами, приземляясь на эту планету, вознамерились вкусить здесь разные меню и блюда, предполагалось, что на это уйдет время... Куда спешить? Да, одним достаточно чуть пригубить — и они насладились. Другие занимаются основательной дегустацией...

ЛЯГУШКА-С-КОНФЕТАМИ. Меня волнует одна ситуация, с которой я не могу разобраться. Я работаю в торговом центре. На днях подходит покупательница, говорит: «У меня трагедия, ужас, меня обокрали». Я начала анализировать. Вторая это стадия или третья? Сначала решила отнести к третьей — ведь я стала сочувствовать, то есть въехала в чужую проблему... Потом передумала и отнесла ко второй стадии, потому что не очень въехала. Рассмотрела в женщине светлячка, думаю: «Ну все, поработала, она ушла, все в порядке». Можно, значит, об этом забыть. Но через некоторое время приходит охранник, показывает нам фотографии: «Вот женщина, которая жаловалась, мы ее на камере нашли». Думаю — раз напоминание, значит, я плохо поработала в первый раз. Начинаю высматривать симпатягу в охраннике уже... И по дороге опять рассуждаю:

правильно ли я действую? Может, надо отнести его рассказ ко второй стадии, а не к третьей. Ладно, что-то там сделала, успокоилась. Хотя, уже после работы, охранники уже уходили, все закрыли, еще был клиент... Большой такой мужчина. Смотрю на него, боюсь, никого рядом нет, загребет кассу и... Ушел он, я на всякий случай все пересчитала пятьдесят раз. Через два дня пришла на работу и как бы невзначай спрашиваю охранника, как дела. «Да вот, тут у нас курточку украли», — говорит. В этот день я должна была кое-что купить для себя, у меня было мало денег, я на них сильно рассчитывала... И их не стало. Потеряла или вытащили... Где же была у меня ошибка?

Б. Серия приключений, которые идут по одному сценарию, конечно, свидетельствует, что вы себя в водоворот какой-то ввели, без конца крутитесь. Меняются только декорации, а суть игры та же... Ошибка же ваша в том, что вы *рассуждаете*. Анализом игровых стадий следует заниматься в учебном процессе. Представьте себе, что пилот изучает правила вождения самолета в воздухе, когда машина его уже на высоте пять тысяч метров. Обложил себя учебниками и конспектами: какую кнопку нажать в данном случае, какой руль повернуть сейчас... Далеко ли его самолет улетит? Если вы не до конца освоили правила выхода из житейских игр, берите на вооружение то из них, которое можете применить спонтанно, не задумываясь. Захотелось *почему-то* зеркалить обворованную женщину — зеркальте. Захотелось исполнить самообгон при помощи рядом находящегося предмета — вперед. Вспомнили своего давнего симпатягу — «лягушку с конфетами», приняли образ этой лягушки — ради бога... Все сгодится, все пойдет на пользу, потому что все эти вещи дублируют друг друга — разные способы симпатизации. И не было бы больше повторов криминального сюжета, и не закончилось бы потерей собственных денег...

Л-С-К. Меня приучили думать. По любому поводу. «Я мыслю — я существую...» Вот и начинается, скажем, если у меня что-то болит или какая-то тревога, я просто теряюсь, какой из симоронских способов использовать.

Б. Это история парня, которого мама спасла. Он был алкоголиком, жил в это время в Сибири. Чем он там занимался — бог знает. Спился, был уже бомжом... Его подобрала «скорая помощь». Умирающего, с отмороженными ногами. Словом, он лежал там в реанимации и мама, находясь здесь, в Киеве произвела все нужные симоронские операции... Она рассказывала: «Не один год я боролась с его алкоголизмом и вдруг почувствовала, что мой ребенок просто умирает там сейчас...» Дальше происходит нечто фантастическое. Представьте себе картину: человек, лежащий в коме, в бессознательном состоянии, приходит в себя, отсоединяет питательные трубки, которые прикреплены ко всем частям тела. И в одной рубашке, которая на нем была, в тапках, направляется из Сибири домой, к маме. Пешком, в Киев. «И такое было впечатление, — рассказывал он потом, — что весь СССР договорился меня к маме привезти: водители останавливались, подсаживали меня к себе, все меня кормили... Ни разу в пути никто не отказал мне, ни разу никто не пнул». А вид у человека был — можете представить себе...

АУДИТОРИЯ. Что же конкретно сделала его мама?

Б. За многие годы разрушенной жизни этого парня она ничем не смогла его убедить, чтобы он бросил пить. То есть пыталась воздействовать на него, взывала к его разуму, достоинству... На основе, конечно, своего опыта, своего понимания, что такое хорошо и что плохо. А понимание это было, как вы знаете, воспринято, заимствовано у окружения. Потому и не помогало... И вот мать, связанная со своим ребенком, пусть и великовозрастным, пуповиной, слышит на расстоянии, что он гибнет... сама чуть ли не гибнет от этого ощущения. И начинает работу, но — не с ним, а со своими ощущениями, по третьей стадии. Обгоняется, лепит симпатыгу... И человек там, в Сибири, принимает протянутую руку, опирается на нее, идет по дороге жизни... По сей день идет: недавно мать его, закончившая нашу школу, рассказывала, что сын не пьет, завел семью, трудится.

ПАУТИНА-В-САХАРНОЙ-ПУДРЕ. В прошлое воскресенье подруга пригласила меня на день рождения в Белую Церковь. Честно, не очень хотелось ехать: далеко, непогода... Пересилила себя. Поехала маршруткой, чтобы скорее добраться... И — пожалела: на дорогах пробки, плетемся, никак не доедем... Чувствую, начинаю злиться. Ага, думаю, знакомая история: раздражение, потом буду бросаться на кого-нибудь, потом валидол глотать... Не дожидесь! — говорю непонятно кому. Себе, наверное... Открываю сумочку у себя на коленях, роюсь в ней — устраиваю самообгон с находящимися там вещами, то есть с зеркалами. Трясу кошельком — это нервы мои так трясутся, платком помахиваю — бросаюсь, значит, на других, пузырек с розочкой из косметички вытаскиваю — это сердечко мое бедное, стучу по нему ключами, инфаркт устраиваю... Успокоилась, представила себе кучу этих вещей в сумочке в виде «паутины в сахарной пудре». В это самое время дорога расчистилась, транспорт двинулся с места, мы доехали до Белой в считанные минуты... Собрались гости, все уже сели за стол. Вдруг звонят в двери, приходит знакомая моей подруги, как потом выяснилось — врач. У нее подарок в руках — хрустальная ваза с белыми цветами... ну точно мой симпатяга, которого я в дороге нарисовала! Мы с ней позже разговорились, выяснилось, что она на известном курорте работает, куда я хотела попасть. У меня как раз отпуск намечается... Но — путевки очень дорогие. Она говорит: «Я поговорю с главврачом, и вам будет бесплатно. Мне положена такая путевка раз в году для своих...» Между прочим, если бы я не увидела в руках ее своего светлячка — вряд ли заговорила бы с ней.

ЖИВОТНОЕ-АНЯ-С-ХОБОТОМ (девочка 10 лет). Мы ездили с классом на экскурсию в Чернигов, и, подъезжая к Чернигову, автобус попал в аварию.

Б. Такое солидное животное — и попало в аварию, странно. Нужно было хоботом расчищать-разметать дорогу впереди себя.

Ж-А-С-Х. Не получилось бы. Машина выскочила сзади, выехала нам поперек, и мы ей разбили вдребезги заднюю часть.

Б. У машин тоже бывает задняя часть? Мы думали, только у телят. А как же ваш автобус?

Ж-А-С-Х. Автобус помялся сбоку. И пришлось очень долго ждать следующего. Мы просидели три часа, было скучно... Я сделала самообгон, и через пять минут нас подобрали. Автобус был намного комфортнее, чем предыдущий. Там были удобные места, и мы провели очень приятно время.

Б. А старый автобус волокли за собой хоботом?

Ж-А-С-Х. Нет. Хоботом я щекотала нашего водителя, чтобы он быстрее ехал...

ЗАСТЫВШАЯ-ЛАВА-СОКРАЩЕННО-БАЗАЛЬТ. У меня все время со зверьми приключения. Мохнатыми разными. На прошлом занятии я *обогналась* по поводу того, что переживаю, — у меня кот, он ничего не ест, мне его жалко. У кого есть животное, тот понимает. Я сначала нарисовала себе горький самообгон, что я — все, умираю, меня хоронят, оплакивают... А потом — наоборот, я всех съедаю, пережевываю, шампанским запиваю. И что у меня получилось в конечном счете?

Б. После похорон или после шампанского?

З-Л-С-Б. После того и другого. Прихожу домой — все нормально, кот живой-невредимый, уплетает за обе щеки. Ложусь спать с ним в обнимку... Утром кто-то пищит. Не мой — мой хрюкает во сне. Встаю, открываю дверь: перед дверьми сидит другой котик, рыжий, маленький. Пришел ко мне жить. Теперь у меня два кота. Причем второй — копия симпатяги, которого я создала после обгонов: девочка с такой золотой шалью и косичками тонкими. Так вот, кот рыжий — с тонкими, длинными полосками. Один к одному. То есть светлячок.

Б. А почему у вас два варианта самообгона — горький и сладкий?

З-Л-С-Б. Метод проб и ошибок. На всякий случай.

Б. Ну нет, родная. Если на вас нацелятся из арбалета, вы же не скажете: подожди, кацо, я попробую так или этак... Исходим из своего текущего ощущения, а не из придумок, интерпретаций. Горечь заполняет душу — разыгрываем трагедию. Побеждает радужная надежда — другой, сладкий вариант... Если вы работаете впрок, с запасом, значит, не доверяете себе. Проблема остается, только, быть может, прячется где-то внутри. И тогда — ждите новых котиков под дверью. В бо-ольшом количестве.

З-Л-С-Б. Хорошо, вот еще один «звериный» случай из моей практики. Иду по улице, вдруг собака на меня несется... Может, бешеная. Знаю, что, когда нет времени, лучше всего немедленно принять образ нападающего... Быстро становлюсь на четвереньки, рычу... Хвостом еще верчу, ну, задом... Как вы думаете, что делает собака? Подбегает ко мне, нюхает... Потом отходит к кусту рядом, поднимает ножку и...

Б. То есть приглашает вас на любовный танец...

З-Л-С-Б. У меня вообще какие-то отношения с собаками. Возле нашего дома магазин, и там у них на службе вместо сторожевых овчарок дворняжки обыкновенные. Они их сажают на цепь, не кормят, те скулят и в конечном итоге погибают. Благополучно погибла одна, они посадили другую. И вот она, ночью, когда никого нет, начинает скулить, выть, и, конечно, спать уже невозможно. Сегодня ночью я начала зеркалить ее, тихонько, чтобы не разбудить своих. Подвываю так, скулю... И вдруг собачка умолкла. И целую ночь ее не было слышно.

ВЕЗДЕСУЩАЯ-ТРАВА. У меня часто болят глаза, это сказывается, когда я за рулем, в напряжении. Естественно, случаются казусы, аварии... Останавливает меня гаишник. Я проехала на желтый свет и... Меня всегда начинает при этом трясти. Но в этот раз было по-другому. Надо было видеть со стороны... Открывается окно, я сижу, не двигаясь вообще, так, смотрю на него, как восковая фигура.

Голосом робота обращаюсь к нему: обратил ли он внимание, что я проехала на желтый свет? И читаю ему наизусть инструкцию, как не нужно ехать на желтый свет... Он слушает меня внимательно. Молчит. Потом говорит: «Вообще-то вы правы...» Машет на меня рукой, и я уезжаю. Я совершенно была довольна ситуацией. Целый день после этого мне было так хорошо, так хорошо!

Б. Хорошо-то хорошо, но есть некоторые сомнения.

В-Т. Почему? Я же вроде его зеркалила, симпатизировала...

Б. Как сказать... Есть разница между зеркалкой и издевкой. Иногда не очень уловимая, но — существенная. Вы же явно иронизировали над ним, пародировали его... Это не по-симоронски. Наша «обезьянка» — доброжелательная, улыбчивая, поднимающая человека над игровой территорией. Мы как бы говорим: смотри, друг, какой чистый воздух здесь, в высоте, — стоит ли дышать тем смогом, к которому ты привык? По идее, он должен был оштрафовать вас еще основательнее... Среди игровых приемов есть такие, которые позволяют манипулировать игроками, заставлять их делать поступки, выгодные для нас, но не всегда для них. В Симороне этими вещами не пользуются. Ведь переиграв, обыграв кого-то, мы не покидаем игровой доски — лишь перемещаемся с одних клеток на другие. Вот если бы в результате ситуации с этим гаишником он бежал бы за вами, за вашей машиной вприпрыжку, танцевал бы птичку-польку и пел, как Мадонна...

В-Т. Да, это было бы великолепно...

МУКАЧЕВСКИЙ-СТРЕЛОК. У моих друзей была проблема: соседи над ними беснуются, музыка не выключается, постоянный шум, гам, какой-то цыганский табор... Они уже решили менять квартиру, продавать, обменивать — лишь бы оттуда исчезнуть. В среду звонят мне: «Все, идем смотреть варианты, будем съезжать». Жалко мне их, злость на этих соседей разбирает... Ну, я по *четвертой* стадии, как положено: закрылся дома, обставил себя стульями — это

те злополучные соседи... Кричу на них, набрасываюсь, швыряю... как Александр Македонский: Даже сломал один стул. Потом из этого погрома симпатягу сделал... В субботу приходят друзья в гости и говорят: «Ты знаешь, что-то пару дней — вообще тишина. Как будто вымерли». Я им ничего не говорю: вымерли так вымерли... Вчера утром звоню: «Ну как там соседи?» — «Странно, до сих пор тишина». Действительно, странно, думаю... Неужели я такой супер? Что-то не верится, я же только-только пришел в Симорон... И вот снова давай — на всякий случай — со стульями разгром устраивать... Лег спать со спокойной совестью. Утром звонок: «Знаешь, какая-то муха их укусила. Опять бесятся, похлеще прежнего... Трещина в потолке пошла. Нет, все-таки надо съезжать...»

Б. Так... Может, еще чего расскажете в этом плане?

М.-С. Представьте, могу. Один из родственников, Гена, пьет беспробудно, буйствует и прочее, прочее. Я считаю, что он человек конченный, его нельзя близко к себе подпускать... В пятницу прокрутил ситуацию: назначил на роль этого Гены свой чемодан, убежал от него, прятался, тот нападал на меня, кусал, калечил... Ну, с моей помощью, конечно. И вот в воскресенье звоню его семье. Обычно воскресенье и суббота у него выходные, пьянствует до беспамятства. Звоню, узнаю, как дела. Они говорят: «Ты знаешь, два дня вообще трезвый ходит, буквально выпил бутылочку пива — и ничего». Я обрадовался. И, как в том случае, рассказанном только что, давай в понедельник еще обгоняться, каких-то симпатяг строить — чтобы наверняка. Вчера позвонил еще раз — со вторника опять начал пить беспробудно...

Б. Что вы теперь намерены делать?

М.-С. Надо работать дальше.

Б. Как раз наоборот: не надо работать дальше. Вы уже наработали.

М.-С. Получается, что это из-за меня, я виноват?

Б. Только в одном: в излишнем старании. Удостоверились, что к вам по резонансу прислушались, что люди сде-

ляли шаг из привычной игры? Все — отойдите в сторону, займитесь другими делами. Дайте им шанс осознать начинающуюся в себе перемену... Можете вспоминать созданный образ, вылепить его, нарисовать, любуйтесь им — это, возможно, передастся клиентам, поддержит их в постепенном освобождении. Не понимая, что с ними происходит, они будут удивляться себе, подтягиваться к вам. Одним не захочется хулиганить по ночам, другому — пить беспробудно... Вы же, не доверяя себе, набросали в кашу масла больше, чем помещается в кастрюле. Тем самым укоренили проблему, вернули ее... Дважды — одно и то же в обоих случаях. Значит, это ваш почерк... который нужно менять!

АУДИТОРИЯ. Вопрос: если можно на расстоянии вывести людей из игры, значит, можно точно так же и ввести в нее. Разве это не манипулирование другими?

Б. Во-первых, мы никого *направленно* не выводим. Если тюрьма для человека представляет большой интерес, нежели пространство за пределами тюрьмы, — тащи его, уговаривай, он все равно останется там. Мы выходим сами на волю и — показываем дорожку другим... Во-вторых, если мы увлекаем кого-то в западню, то сами, как Сусанин, первыми должны попасть в нее. В этом ли наша, симоронская цель?..

ОБЫКНОВЕННЫЙ-МУРАВЕЙ-ИЗ-СНГ. Вы как-то рассказывали, что в качестве зеркала можно использовать свои фотографии...

Б. Да. Если у нас их много, всегда можно найти ту, которая соответствует нашему нынешнему состоянию — душевному, физическому... И поработать через нее.

О-М-И-С. Вот-вот, я работала со своими эмоциями. Нашла соответствующую фотку, сделала ксерокопию. Пришла на работу, как обычно, не очень в хорошем настроении... Ну, уставшая, ничего не хотела делать и тому подобное. Взяла эту фотографию, инсценировала свою внутреннюю разорванность: порвала ее, разложила хаосом... Смотрю —

вся эта композиция похожа на муравья. Но — синтетического такого, разнопородного. В общем, «муравей из СНГ». То есть это я — муравей... Вы знаете, прошло мгновение, я даже не заметила... у меня наступило такое спокойствие. Люди заходили, я со всеми разговаривала спокойно. Непривычно даже для них, они меня всегда воспринимают как раздраженную даму... В глазах у них — удивление. А у меня ощущение чего-то приятного, мягкого...

И еще случай был. Прихожу домой, а мужу очень плохо. Говорит: «Меня, видно, на энергетическом уровне кто-то пробил...» Температуру ему смирila — упадок сил. Я ему лекарства. А он мне: «Почему ты лекарства даешь, ты же с Симорона пришла...» — «Хорошо, — говорю, — сейчас поработаем». Четвертая стадия — явная: желание с моей стороны помочь ему... Ага, надо довести это до абсурда, понятно. Уложила его на кровать, укрыла пятью одеялами, сверху еще ковер, шубу... «Жарко! — орет. — Убери!» Не обращаю внимания на крики, запикиваю ему в рот зеленый горошек из банки: «Это тебе таблетки от доктора Монтуса, а это — капсулы от профессора Бунтуса...» Всю банку скормила, на закуску сок из нее в горло ему выплеснула... Он вскочил с постели, бегом от меня, в кладовку пытается влезть... Куда там! Дверь рванула, схватила швабру и давай растирать его: «Удмуртский массаж, — говорю. — Очень помогает». Подпрыгнул до потолка, за люстру машинально схватился... «Стоп! — команду. — Замри вот так». Гляжу на него — ну точно башня, парижская. «Все. Теперь ты — Эйфелева башня. Или Вавилонская». И он свалился на кровать, уснул... Встает утром, говорит: «Слушай, великолепно себя чувствую. Отлично». Ушел на работу, все в порядке. Пришел вечером и говорит: «Ты сейчас упадешь». — «Что случилось?» Коллега его сегодня пожаловался: «Я так себя плохо чувствую...» И рассказывает все симптомы, которые были у моего мужа. Я подумала, что, наверное, что-то неправильно сделала. Не то чтобы испугалась, но мне стало неприятно, что стало плохо другому человеку. Из-за меня...

Б. При чем тут вы?

О-М-И-С. Но ведь те же симптомы...

Б. Подумайте. Мужу было плохо, потом стало хорошо, но память его сохранила то, что было недавно. Игрок никогда не доигрывает игру до конца — оставляет «про запас» возможность продолжения, повторения своего заболевания. И машинально ищет, где бы он мог добрать разрушительные «очки», подзаразиться от кого-нибудь... То есть пытается найти знакомые симптомы в другом объекте — и находит, естественно. Даже если их там не ночевало. Иными словами, совершенно не обязательно, чтобы коллега вашего мужа болел той же болезнью, что и он.

О-М-И-С. Так муж сказал. И еще: раз к этому сотруднику вернулись его проблемы, значит, именно сотрудник нанес ему порчу...

Б. Мама родная... Вы это всерьез? Неужели вы до сих пор не поняли — никто ни на кого в этом мире повлиять не может. Никаких сглазов, порч, наваждений просто не существует, а существует — только наше личное побуждение. Если мне жутко интересно, хочется примерить на себе какое-то приключение, я непременно выйду на связь именно с тем объектом, который поможет мне в этом плане. Буду просить его, умолять... Хотя внешне это выглядит по-другому. Передайте своей «вавилонской башне», что пещерные времена на Земле давно закончились, он немного задержался...

ХЛЕБНЫЙ-ВЕЕР. Мой бывший муж возненавидел меня. Рычал, кидался, мы с ним четыре месяца не контактировали, и я уже вздохнула свободно: наконец-то избавилась... Несколько дней назад прокрутила для верности самообгон — удушающий, страшный, как с петлей, удавкой, которая на моей шее годами была... Симпатия у меня получилась — «хлебный веер». Вдруг три дня назад звонит, красавец. Вспомнил мое имя ласкательное и говорит: «А что у тебя с мобилкой?» Он впервые на домашний телефон позвонил, обычно рывкал по мобилке и отмораживался. А тут: «Девочка, ласточка, может, у тебя мобилка села, может, тебе деньги передать...» И вот появляется с деньгами и подарками: «Я без тебя не могу, как угодно, но мы должны быть вместе. Пусть ты не будешь мне женой, но

хочу только с тобой, вдвоем». Говорю, что я не готова к таким беседам, вообще не готова к контактам с ним. Слушать не хочет... Сегодня перехватил меня на пути сюда — видите, я опоздала, он меня просто не пускал: «Я все понял, все осознал, прости меня...» И такое творил, что я от него еле отбрыкалась, вырвалась...

Б. Ну что ж... Вы освободили человека от его собственных, внутренних удавок — вот он и отвечает вам благодарностью. Могли не делать этого, никто вас не заставлял, все оставалось бы, как прежде.

Х-В. Как же теперь быть? Я отвыкла от него, не хочу возвращаться к старому...

Б. Новая проблема? Значит, новый самообгон. А в принципе, не обязательно возвращаться: ваши отношения могут приобрести иной, взаимопитательный характер. Не супруги, а друзья, сотоварищи, поддерживающие друг друга на симоронской трассе.

ЧЕРЕП-ЙОРИКА. У нас есть сотрудник, который постоянно жует. Это ужасно. Причем сидит много народу в коллективе, большая комната, приходят журналисты, разные люди. И он постоянно *плямкает*. У него перед компьютером разложены нож, хлеб, он жует и плямкает. Хотя у нас не разрешается в комнате, люди выходят в кафе, в коридор... В общем, кошмар. И мы сели всей группой, смотрим на него и плямкаем так же, один к одному... Удивительно, неделя прошла, человек вообще, по-моему, не ест. Я видела, что один раз он вышел покушать на лестницу. То есть разительное изменение.

СЭР. Я ехал на машине, мне надо было остановиться, поставил ее где-то, прислонил. Взял воду, тряпку, помыл. И только закончил, подходит милиционер и говорит: «Гражданин, вы остановились в неположенном месте и тем более в неположенном месте помыли машину, с вас штраф, машину заберем, номера снимем и т. д.». Я говорю: «Хорошо, что я должен делать?», он: «Пишите объяснение — как

все произошло». Хорошо. Я вспоминаю про самообгон, беру бумагу, пишу: «Такого-то числа, в такое-то время я поставил машину, отлучился на некоторое время, потом подхожу, смотрю, — машина моя вымыта, возле нее стоит милиционер с тряпкой мокрой, лицо его сияет, отражая сияние вымытого капота, и он даже пританцовывает от удовольствия...» Подаю ему объяснение. Читает. Багровеет на глазах. Ну, думаю, сейчас выдаст... Вспоминаю, сколько у меня денег с собой — хватит ли на штраф... Вдруг он начинает издавать какие-то звуки. Я сначала не понял, испугался: лицо красное, квакает, что ли... Оказалось, это он так хохочет. Спазмы. Чуть не падает. Я его подхватил, он говорит: «Не надо. Откуда это у вас?» — «От Симорона», говорю. «Передайте Симорону привет». Инцидент был исчерпан.

МУСА-МУСА. У нас на этой неделе произошло катастрофическое событие в семье. Из дому ушел мой младший брат, 17 лет. Ушел в свой лицей, и вот сутки его нет, нет и на следующий день. Накануне получил от учителей за прогулы, вот, думаем, это его и обидело. Мы подали в розыск. Сами понимаете, какое состояние у нас всех... Одну ночь не спали, не спим вторую, слезами давимся... Свалились незаметно. Ночью я проснулась, опять плачу... «Нет, думаю, плакать это, конечно, хорошо, надо что-то делать существенное». Ну и давай обгоняться — разыгрывать свои страдания: подушки нагромождать друг на друга, одеяло набрасывать на стол, ну и так далее... В конечном итоге слепила из одеяла Мусу-Мусу такого и уснула. И вдруг где-то за десять минут до пробуждения... я как бы еще не проснулась... такое возникло ощущение, даже не могу передать дословно, будто я спала тревожным сном, и тут кто-то резко, в долю секунды изменил эту программу. И у меня душа наполнилась каким-то спокойствием, стопроцентной уверенностью, что все будет хорошо, что он придет и все будет нормально. Потом я окончательно проснулась и первая мысль: «Ну да, это мне приснилось что-то хорошее, а сейчас все вернется, и опять буду переживать». Представьте —

нет. Я вообще не переживала, ходила спокойно, дела дела-ла и маму успокаивала: «Подожди, сейчас откроется дверь — и он придет». Пришел где-то к десяти утра. Я ему говорю: «Андрюша, что тебя побудило вернуться, почему ты не приходил и вдруг явился?» Он отвечает: «Я был в интернет-кафе и играл (это сетевая всемирная игра, он просто повернут на этой игре)... И вот на всех компьютерах стали появляться откуда-то письма для меня одного содержания: «Немедленно возвращайся домой, тебя ищут, ждут». Ребята вокруг кричат: «Вернись домой, идиот, вся сеть требует!». Слушаю брата и спрашиваю: «А во сколько это было? Когда письма начались?» Он говорит: «Ну, в районе где-то четырех часов утра». Я вспомнила: когда я проснулась, на часах было около четырех... У меня один вопрос: откуда все эти чужие люди в сети узнали, что мы ждем его?

Б. Когда мы поднимаемся к симоронской вершине, пространство симпатизации охватывает всех, кто задействован в наших мыслях, ощущениях, даже если мы ничего не знаем о них, а они — о нас. То есть народ, писавший вашему брату письма, тоже симпатизировался и включился в это коллективное мероприятие вместе с вами. Не то чтобы в голове у них возникло точное видение: вот, сидит сейчас этот юноша в интернет-кафе, а дома у него волнуются... Нет, это выглядело просто как элемент, атрибут игры, в которой все они участвовали, выраженный в такой форме.

МОЯ-МАЛЕНЬКАЯ-ЯАКА. После того занятия, когда мы работали со своими куклами, приезжаю домой... О-па! Папаша наш — полный аут, лежит с температурой, не может встать, потому что не следит за собой, не занимается своим здоровьем. Обычно у меня активная позиция. Сначала всех надрать за уши хорошо, а потом уже лечить и все остальное. На этот раз никого не собираюсь лечить — пошли вы все в баню. Займусь собой, своими чувствами... Уединяюсь с куклой, демонстрирую с ее помощью свое негодование... Она, естественно, делает это весьма выразительно — лучше, чем я сама. Вдруг отмечаю, что недовольство куда-то ушло, все как бы стало нормально. Сделала

из куклы симпатягу Яаку. И папенька наш выздоровел лежа, не принимая никаких таблеток, ничего не делая, и в понедельник пошел уже на работу... Хотя еще сутки назад у него такой был кашель — мы боялись, что дом вот-вот рухнет от сотрясений.

Пережили это дело, и, мало того, он стал интересоваться: а что вы там, в своем Симороне, делаете? Не понимаю, говорит, как выздоровел: колдовство, что ли?... Для него вообще как бы смешно о таких вещах спрашивать. Непрошибаемый...

Наступает вторник. Дочке моей надо идти на занятия, а она цвета своей пижамы. А ну-ка, меряй температуру... 38,8. Вызываем врача, назначают нам кучу антибиотиков, уколы, все, что положено. Ну, я опять к своей куклке на свидание: какая же она глупая, как могла допустить такое! Кукла с ужимками иллюстрирует мои заявления... На этот раз как-то быстро все произошло, даже симпатягу нового не сотворила — осталась та же Яака. Каково было мое удивление, когда наутро у дочки — уже 36 и 7... Я, конечно, все понимаю: если я симпатизировалась, рядом со мной и другие могут. И все же так однозначно... Проходит еще пара дней, заболевает второе мое дитя, великовозрастное. Ну теперь у меня спокойное совершенно состояние. Достала свою Яаку, глянула на нее — подмигнула. На следующий день вчерашняя больная идет на работу. Все хорошо, не правда ли? Но я недовольна: почему обстоятельства провоцируют меня каждый раз на новый тур спектаклей с куклой? Я, правда, не теряю самообладания, как это обычно происходило раньше. Но все же...

Б. Комплекс Орфея. Доведя свою подопечную до выхода из царства теней, маэстро захотел оглянуться на всякий случай: не отстала ли... И подопечная юрк обратно. Мораль: не оглядывайтесь.

АЛХИМИК. Я с куклой не расставалась всю неделю. Поскольку я привыкла активно участвовать в разных житейских мероприятиях, буквально во всем, решила: пусть за меня все это делает кукла. Обычно чищу квартиру, влезая

во все щели чуть ли не по уши, — хорошо, почистила куклой посуду, запихивала ее вместо тряпки в вентиляционную дырку, чтобы не дуло, причесывала ею нашего кота... Замирало, конечно, сердце, когда так с собой поступаешь: ведь это же была я, моя копия... У меня ребенок маленький. Она любит, чтобы я делала массаж, — естественно, я натирала ее спинку куклой. На работе расписывалась на документах тоже куклой... И вот во что это вылилось — я такой немножко депрессивный человек, а тут все время настроение у меня хорошее, мне весело. И еще при помощи своей куклы я изображала беседу с начальником, как я там буду бэ-кать и мэ-кать, а начальник будет пастух в этой отаре, купит себе посох, будет нас погонять, и кукла моя в конце концов приняла такую форму... стала похожей на алхимика. Теперь я при встречах с начальством помню, что я — алхимик... Потрясающие складываются отношения!

ШНУРКИ-ОТ-БЕЛАЗА. Вот никогда не болело сердце в жизни, не жаловался, а теперь болит. На той неделе тупо давить начало.

Б. Может, влюбились? Весна ведь начинается, коты уже серенады поют...

Ш-О-Б. В симпатягу влюбился. Создал его, пошла у меня работа здорово, подъем... И тут вдруг такой удар в груди, будто... Неприятно.

Б. Приведу пример. Представьте, что вы едете в поезде. Жесткий вагон, сиденья ободраны, железяки торчат. Стекла в окнах выбиты, ветер свищет, дождь заливает купе... Но вот проходит время, вы привыкли, притерпелись как-то... и уже не замечаете неудобств. Даже расслабились, даже мурлычете песенку... И тут за окном возник друг-товарищ, мчится, обгоняя вас, на суперсовременном, суперскоростном авто, лихо так, звонко, да еще ручкой вам машет... Можете ли вы остаться в своей развалюхе? Снова, по сравнению с этим авто, стали заметны ее недостатки, снова вас укололо, сдавило, ударило...

Б. Да, были проблемы, но — улеглись. В течение жизни вы как-то закомпоновали их, запаковали, они напоминают иногда о себе, но — поскольку постольку. А сейчас вы вырываетесь из своего разрушенного купе, рветесь через окошко поезда к приятелю... И спрятанное, запакованное начинает кричать, бунтовать: «Нет, родной, мы тебя не отпустим, ты принадлежишь нам, назад!» Поэтому, если вас дернет обратно — скажем, сердце внезапно, на пустом месте заболело, — немедленно, не откладывая в долгий ящик, начинаем работать с возникшей проблемой, как будто того симпатяги и не было. С живым зеркалом, с куклой ли, с пред-метами-зеркалами или как-то еще и — выходим на нового симпатягу. Шандарахнет снова — все опять сначала...

Ш-О-Б. А если вернуться к прежнему симпатяге?

Б. Получится — прекрасно. Но если вы, застряв в окне, будете пытаться протиснуться назад...

Ш-О-Б. Еще вопрос. Я заметил, что в течение трех дней все светлячки, которых я наблюдал, были на СК: сапоги кожаные, стружка картофельная, смерч крутой и т. п. Это значит, что я — на трассе?

Б. Светлячки бескачественны. Если мы рассматриваем их начинку, мы уже в игре. Первое СК на вашем пути — скажем, сапоги кожаные. До того как вы осмыслите, что они кожаные, займитесь работой по первой стадии: покажите этим сапогам нос, скорчите рожу... Но вы пропустили эту возможность, появилось второе СК... Каким образом вы узнали его? Это ваш ум узнал, память ваша узнала, соотнесла... То есть — уже вторая стадия. Поэтому тут же, немедленно, нужно было отзеркалить данную картинку и выйти на свежий воздух.

Вспоминается один симоронист из Питера, его раздражал звук собственного мобильного — не конкретная мелодия, а сам звук. Как только это начиналось, у него вспыхивало раздражение. Позанимавшись в симоронской школе, он понял, что нужно делать. Едва возникал звук, он зеркалил его, пел ту же музыку в ответ. Через два-три раза он не слышал больше мобильного, подключался непосредственно

к информации, идущей из телефона. Если этого требовало его побуждение...

НИКА-ВИКА. Прихожу к одной своей знакомой, она рассказывает, что умер ее друг... Учились вместе, работали вместе, даже некоторое время жили в одном доме... И не старый еще, 54 года. Слушаю ее, пытаюсь симпатизировать — трудно: я знала этого человека... Тут она как-то без перерыва сообщает, что у них затянулся ремонт, не могут с мастерами разобраться. Начинаю ее зеркалить, чтобы выдать ей симпатягу... и какая-то ерунда получается. В голове смешались мастера, похороны, какие-то свои личные неприятности вспоминаются... В общем, ничего у меня не получилось.

Б. Если случается так, что в процессе нашей работы, не успев закончить одну операцию, мы влезаем в другую, захватывающую другие наши струны, — нужно заниматься той темой, которая более актуальна для нас в данный момент. Вас впечатлила история с другом приятельницы? Остановите ее, когда она начинает рассказ о ремонте, отойдите в сторону, разберитесь со своим состоянием. Потом можете вернуться. Вы возвращаетесь к подруге совершенно иная. Нет уже повода, чтобы беседовать на следующую тему — о ремонте, потому что вы теперь распространяете вокруг себя симоронское излучение... И подруга, прикоснувшись к нему, выходит из своих проблем успокоенная, свободная от переживаний, способная что-то сделать, кому-то помочь... Но, допустим, вы заслушались, и ситуация с ремонтом оказалась для вас более значимой. Что же, работайте с ходу с ней. Если же наслаивается одно на другое, получается винегрет. Всегда работаем сразу, не откладывая на потом любую случившуюся передрыгу, в которую мы внедряемся, — тогда будет эффект.

КРУГЛЫЙ-ЧАЙНИК-С-ТЮТЕЛЬКОЙ. Пришли мы с ребенком в детскую поликлинику. Задержались, и куртки свои забирали в гардеробе последними. Стали извиняться, а гардеробщица, уже немолодая женщина, говорит: «Да

я не спешу и вообще не знаю, как я домой дойду, мне очень плохо». И показывает, где у нее давит под лопаткой, жмет, плохо с сердцем, она уже валидол сосала несколько раз. Я начинаю ее зеркалить, точно так же поворачиваюсь, точно так же показываю. В результате у меня нарисовался такой образ симоронский — круглый чайник с таким носиком, с тютелькой круглой сверху, с ручкой. Толстый, круглый, веселый, он все время вращался... Я ей рассказала и посоветовала вспоминать об этом предмете. Она вдруг говорит: ой, вы знаете, меня отпустило... Вздохнула и собралась домой. Я ей говорю, что причина того, что у вас сердце болит, это, наверное, какой-то стресс, нервы. Она словно обрадовалась, начала грузить меня своими проблемами. Тут я уже растерялась, не справилась. У нее настолько серьезные проблемы, что я ее просто бросила на произвол...

Б. А зачем вы ей сказали это? Зачем после того, как вывели ее, сказали, что причина в нервах и т. п.?

К-Ч-С-Т. Хотела ее успокоить. А получилось почему-то... вот так.

Б. Значит, вы наблюдали после симпатизации ее беспокойство?

К-Ч-С-Т. Да нет, как раз наоборот.

Б. Так какая же муха вас укусила? Захотелось добавить масла в кашу? Усилить эффект? Но вы же перечеркнули тем самым свою работу. Выше симоронского уровня, на который вам удалось поднять эту даму, нет для нее ничего, это для нее сейчас — идеал. Вы добровольно спустились к планке своих собственных страхов, опасений. И предложили спуститься туда же клиентке. Она, конечно, рада стараться: инерция... Как только вы подарили ей надежду — нужно было сразу сделать «адию». Она, вспоминая добрую «фею», которая встретила ее в жизни, возможно, удержалась бы на этом уровне. Да и вы бы почувствовали себя увереннее на нем...

ЦАПЕЛЬ. На этой неделе случилась такая невеселая ситуация, когда меня фактически подставили на работе.

Причем я с этим человеком дела не вел, а выставили все так, что все стрелки перевелись на меня, и я ему еще и денег должен. Звонки на мобильный, угрозы и т. д. В пятницу он уже звонит, требует подъехать и разобраться. Ну, иду к офису, думаю, ну елы-палы, сейчас будет компот... Прохожу через какой-то палисадник. А там на лавке пенсионеры сидят, два старичка, в шахматы сражаются... Тихие такие. Идея! Ребята, говорю, помогите. Я артист, репетирую роль (это я нарочно сказал). Представьте, что вы — крутые, один — пахан, другой при нем ассистент, шестерка. И что я задолжал вам сумму. Нужно из меня ее изъять. Любыми способами. Помогите мне почувствовать себя бедным, беспомощным... Гонорар — по баксу на брата. Что вы думаете? Вскочили, набросились на меня... Старички, а такая прыть! Я от них через дорогу перебежал — догнали, повалили в кусты, давай метелить... И все с этой... ненормативной лексикой. Помяли так, что я потом в химчистку штаны сдал... Остановил их. Пыхтят, физиономии оскаленные... Вдвоем — как цапля крылатая, с клювом раскрытым над добычей... Мужского рода цапля — «цапель». Симпатяга, значит... Вхожу в офис — человек этот сидит в позе, один к одному напоминающей моего «цапеля». И в секретарше его что-то такое тоже... Порядок, думаю, нечего волноваться. Действительно, абсолютно нормальный оказался, и абсолютно нормально мы все решили.

СУПЕР-ПЫЛЕСОС. У меня на работе каждые полгода очень серьезная проверка. И вот уже два раза подряд меня штрафовали, прошлые разы. Вот вчера был третий раз. Но нет, меня уже не оштрафовали, потому что... В общем, по порядку. Я медсестра, в операционной работаю. Позавчера вечером прихожу домой расстроенная, жду следующего утра, проверяющих... Это — третья стадия, вспоминаю. Сижу на кухне. Выстроила конфетки в ряд, карамельки, и говорю: «Это я, а это — заведующая моя, вот санстанция, вот главврач»... Знаете, вдруг такой азарт появился. Устроила самообгон, показала, как я их всех разбомблю... Разметала все по столу... потом бросила в стакан с моло-

ком, взболтала... и с наслаждением выпила это молоко, по ходу разгрызая все карамельки, которые не растворились.

Б. Боже, вы каннибал. Вы их проглотили — и санстанцию, и заведующую...

С-П. Проглотила. И думаю: как же теперь симпатягу из всего этого сотворить? Оно же у меня внутри... Подошла к зеркалу, глянула на себя... и сделала симпатягу из себя! Ничего, что так?

Б. Ничего. Вы же не просто из себя сделали, а из себя как агрегата, переваривающего эти продукты.

С-П. Уснула. Прихожу на работу пораньше, в 7 утра, все проверила, чтоб было в порядке. Является проверка. Ничего такого не находят. Подхожу к заведующей, говорю: «Штраф будут выписывать?» Она засмеялась и пошла.

ШАШЛЫК. Прихожу домой, включаю телевизор — не работает. Туда-сюда, выясняется, мне кабель отрезали: у меня долга гривен семьдесят... Кабельщики располагаются в доме напротив, работают до восьми вечера. Ладно. Беру кусок провода какого-то, кухонные рукавицы-хвatalки, нанизываю их на проволоку, как шашлык. Иду к кабельщикам, вручаю: «Вот вам первый канал, вот вам второй. Кушайте на здоровье». И ушел. Причем никаких координат своих не оставил — забыл. На следующий день прихожу домой — с телевизором все в порядке. Только записка в почтовом ящике: «Платите вовремя».

Б. Что сделали кабельщики с «шашлыком», который вы им оставили, — неизвестно. Но у них появилось желание не лишать вас телевидения... Почему? Вы их симпатизировали своей акцией, возбудили жизненную энергию — куда, спрашивается, ее применить? По назначению, естественно, по прямым обязанностям их. Родилось спонтанное побуждение выполнить свой святой долг. Как бы ни откуда родилось... Для них это сейчас не тягостно, не непосильный труд — они сами от этого удовольствие получают. Типичная симоронская ситуация. Ничего не предпринимаем физически для того, чтобы что-то изменить,

починить, усовершенствовать, — просто симпатизируем, и все происходит само по себе. Но: если у вас развязался шнурок на ботинке, это не повод, чтобы устраивать целый сеанс. Нагнитесь и завяжите.

ТЕРМИНАТОР-ФАЛЕМИНТ. У меня уже двадцать лет псориаз. Что я только ни делала, чтобы избавиться, билась головой об стенку... не буду рассказывать, чтобы не утомлять вас. И вот последнее время пятна начали сходиться — видите? На лице практически исчезли... При помощи самообгона в разных вариантах. Ну вот, например: варю суп, режу картошку, прошу каждую из них исполнить роль псориазины... Они как бы говорят: мы не против, пожалуйста. «Вот она, большая картофелина, большое пятно с моего плеча... Вот маленькая, — малое пятнышко...» И так далее. Ссыпаю их в кастрюлю, они там варятся, кипятятся... И кипяток этот бурлящий — загогулина, симпатяга. Поела, покормила кота, подругу...

Б. Чтобы проверить — останутся ли живы? В какой последовательности кормили их? Сначала подругу, потом кота?

Т-Ф. Нет, сначала ела сама. И сразу после этого, через два-три дня — пятна сходят. Я теперь не пользуюсь гормонами, не хожу в солярий. Обычно мне помогало только море или больница — не меньше месяца валялась... Что касается подруги и кота, то после супа, мне кажется, жить им стало веселее...

КАРУСЕЛЬ-ГОЛУБОНОСАЯ. Мы поехали на выходные искать прихожую. Приезжаем в магазин, где видели ее несколько дней назад, а ее там нет. Я так разволновалась, ну, думаю, надо работать теперь... Едем обратно домой, кручу по дороге газету: она — это я в своих страданиях, все будет плохо, мы будем постоянно ходить искать эту мебель, никогда ее не найдем, износим всю свою обувь, истреплем всю одежду, сами будем уже ползти ползком все за этой мебелью и так где-нибудь на дороге и расквасимся...

В итоге, когда показалось, что мне уже хватит, не хочу этим больше заниматься и вообще ничем, у меня в руках из газетной голубоватой страницы получилась «карусель голубоно-сая». Разворачиваю эту газету — вижу рекламную картинку о мебели... Запомнила адрес, уговорила мужа подъехать туда. Приезжаем — опять ничего нет. Ну, думаю, что ж это такое, наверное, я как-то неправильно поступила....

Б. Для чего вы развернули газету?

К-Г. Ну как, раз это симпатяга у меня, значит, он должен подсказать, где и что...

Б. Он должен подсказать, каким образом перестать заниматься теми глупостями, которыми вы забили себе голову. То есть поисками мебели. Вы же, освободившись вроде бы от слепоты своей, с удовольствием нырнули вновь в прежний глухой закоулок... То есть получается, что только этого и ждали, ради этого затеяли свой «убийственный» самообгон. Видимость самообгона. Поймите: газета, ставшая «каруселью», и газета, в которой вы высмотрели рекламу, — это разные вещи. Они только выглядят одинаково, начинка у них — совершенно другая. Вы беседовали вначале с одной газетой, а потом незаметно подменили ее другой. Можно было сразу, без всех этих процедур, развернуть ее, найти объявление и радостно двинуться в тупик.

К-Г. Вместо этого надо было...

Б. Надо было подремать, посидеть в кафе, спеть «чижика-пыжика». Мебель сама пришла бы к вам на свидание — без ваших стараний. Если она в принципе вам нужна...

СЕРДЕЧНЫЙ-ТЮЛЬПАНОВЫЙ-АММОНТ. Аммонт — это из немецкого. Мне нужно получить вид на жительство, а следом — паспорт в Российском консульстве, потому что мой уже заканчивается. Все эти учреждения (я уже давно по ним хожу) — стали одной большой мозолью в моей голове. Сегодня я взяла куклу, и она вместо меня пошла в областной ОВИР — это была спальня в нашей квартире. Извинилась за вторжение перед торшером, который собой представлял овировского клерка, поговорила с ним,

и он выставил куклу за дверь: иди отсюда вместе со своими претензиями, вот когда нужно будет, тогда и выдадим тебе документы... Симпатяга у меня получился из куклы — «сердечный тюльпановый аммонт». Я его нарисовала карандашом, потом обвела красным фломастером — вышел такой двухлепестной цветочек. Ну и с этим рисунком в кармане поехала в ОВИР — по-настоящему. Клерк говорит: «Так, через неделю получите свои документы». Я такая довольная, что хотя бы через неделю, хотя сроки подписают, хотелось, чтобы это сегодня произошло, но через неделю — значит, через неделю. А про консульство вообще боюсь думать... Там такие толпы народные, что месяц можно простоять и вопрос не решится.

Б. И вы счастливы?

С-Т-А. Ну, какой-никакой результат я получила...

Б. Какой-никакой — значит никакой. Компромиссы, половинки, четвертинки — все это к нам отношения не имеет. Если речь идет о жизненной необходимости, перед нами сразу открываются двери нараспашку: ведь сверху видны любые проходы-выходы. Вы же приподнялись чуть-чуть над своей игровой территорией — и получили чуть-чуть...

С-Т-А. Фантазии не хватило.

Б. При чем тут фантазия? Просто у вас огромная катушка намотана ваших предыдущих игр в этой области, вы к ней даже прикоснуться боитесь, вместо того чтобы за ниточку взять и потянуть. Она быстро-быстро разматывается — там нет, абсолютно нет ни одного узелка... Вот вы куклу свою отправили на «передовую». Прекрасно. Но что же она там делает? Повторяет один к одному ваши «подвиги»: куксится, мямлит, топчется на месте... И получает такую же, примерно, награду, что и вы получали — без помощи куклы... Самообгон — это действующий вулкан, а не тлеющий огонек. Вы берете реальных действующих лиц, назначаете на их роли подушки, книжки, что там у вас есть в наличии, и, если отношения с ОВИРом видятся вам именно в таком свете, пинаете куклу свою этими вещами, изби-

ваете, выбрасываете ее за дверь, чтоб она вопила и кричала. Сжигайте ее в топке, варите ее в котле, в какие угодно экстримы ее помещайте... пока вам самой не станет смешно от всех этих операций. Вот где финал. Если вы дошли бы до этого момента, в жизни с вами не случилось бы того, что произошло. Тут же вам выдали бы все документы. А не через неделю.

С-Т-А. Может, надо было так... Когда моя кукла вошла в спальню, когда разговор уже с торшером вела, мне, то есть ей, вдруг захотелось кинуться на этого чиновника и доказать, что он не имеет права так поступать...

Б. Хорошо, надо было кинуться. И не просто кинуться, а заставить торшер убежать, спрятаться под кровать и вопить оттуда: сдаюсь! А кукла слышать не хочет — бросает в это убежище все, до чего дотягивается рука, устраивает там погром... Словом, пассив или актив — это вы определяете сами: к чему больше душа лежит. И то и другое, будучи разыграно до апофеоза, приводит к одному результату...

БАЛ-В-БЛИНДАЖЕ. Еду я в вагоне метро, надо мной повисли три молодых человека, страшно ругаются, матерятся. Все пассажиры молчат, будто им интересно, будто слушают лекцию по употреблению слов из словаря Ожегова... Придется, думаю, самой заняться. И вот начинаю зеркалить того, кто поближе ко мне: рот так же раскрываю, одновременно жую что-то, сморкаюсь, гигаикаю тихо... Смотрю — умолк. Вроде прислушался к чему-то... Тут же, не мешкая, я ему рот на затылке, под шапкой, пристроила, потом шапку в ноздри засунула, так чтобы кисточка перед носом болталась... Буквально какие-то секунды — и он переключился на тему о компьютерах. Так талантливо объяснял своим друзьям технические тонкости...

ВИНТ-В-ЖЕЛТЫХ-БОТИНКАХ. У меня была аналогичная история. Прошлый раз после занятий сажусь в маршrutку, все тихо, спокойно, уставшие едут люди. Тут вваливается бугай, пьяный в дрезину. Наступил женщине на

ногу, толкнул мужчину, завалился на какую-то бабулю... В общем, началось... Вдруг останавливается прямо напротив меня, двухметровый увалень, сейчас грохнется... Приближается красной мордой своей, вроде целовать собирается, губы еще бантиком сложил... А разит от него — мамочки! Я на него смотрю и зеркалю, губы его меняю местами с бровями... Он отшатнулся, выражение на лице изменилось, стал серьезным каким-то. Лезет за пазуху, вынимает мобильный телефон, набирает номер и протягивает мне: «Скажите моей женщине, что я не в казино, а еду в маршрутке». Я беру трубку, а там визг женский... Говорю: «Девушка, успокойтесь, ваш мужчина действительно в маршрутке. Сейчас все здесь подтвердят». И люди в маршрутке начинают орать: «Девушка, он действительно в маршрутке. Мы проезжаем по улице такой-то...» В общем, ситуация идиотская, вся маршрутка начинает хохотать. Этот пьяный успокаивается, садится рядом, засыпает у меня просто на плече.

ЖЕЛТАЯ-ГИРЛЯНДА. У меня была некоторая проблема на работе. Я программист, программа не работала. Решил отзеркалить эту ситуацию при помощи какого-нибудь предмета. Беру бутылку и ставлю ее так, что она должна упасть.

Б. Зачем?

Ж-Г. Ну, это символизирует неработающую программу. Так вот, представьте себе: я ее ставлю, а она не падает. Один раз, другой раз... Не получается — и все. Я подумал, раз так, значит, на работе у меня все должно идти нормально... И действительно: пришел, включил компьютер — и все пошло-поехало.

Б. Бррр... какая то мистика. Колдун, хотя дым из волос не идет, пламени тоже не видно. Поделитесь секретом: какая связь между устойчивостью бутылки и вашими успехами на работе?

Ж-Г. Ну, раз это зеркало... то в нем отражается то, что есть. Я увидел, что проблемы нет. Проверил — действительно, нет.

Б. Ага... «Орел» или «решка». Если выпадет «орел» — будет дождь. Если «решка» — сухо. У вас выпала «решка», значит, можно смело идти на работу...

Ж-Г. А что, разве не так?

Б. Можно было поступить проще. Зачем вам бутылка? Включали компьютер, включали — он не включался. Потом взял и включился. Какой-то скovyрнувшийcя винтик от встряски стал на место. Десятое чудо света.

Ж-Г. Но мы же инсценируем свои проблемы через предметы...

Б. Инсценируем, да. Но как! У нас не срабатывает какая-то компьютерная программа. Мы недовольны? Требуем от машины, чтобы она вела себя так, как нам нужно? Как это называется?

Ж-Г. Четвертая стадия. Навязывание объекту своих ожиданий.

Б. Естественно. Можете взять бутылку — она будет дубликатом этого вашего объекта. И покажите на ней, чего вы от него, объекта, добиваетесь... Помните, как повар учил уму-разуму кота в басне Крылова? Руки в боки и — поехали...

Ж-Г. Добиваюсь, чтобы программа заработала. Так как я настроен очень нетерпимо, решительно, действую по примеру тех, кто пытается починить телевизор, громыхнув по нему кулаком. Колочу бутылку, пинаю ее, швыряю во все стороны... Устал. Смотрю на то, что осталось от бутылки... симпатяга!

Б. Вот это — дело. Если машина теперь заговорит, то это будет надежно и качественно.

Ж-Г. А если не заговорит?

Б. Значит, вы ошибаетесь в своих намерениях. Вам это просто не нужно...

НЕ-ГЕНУЭЗСКАЯ-НЕ-КРЕПОСТЬ. У меня с ребенком моим, девочкой трех лет, то получается, то не получается. Когда ребенок заболевает, я теперь, вместо того чтобы хвататься за все что попало, как раньше, не охаю, не ахаю. Самообгон протекает у нас быстро, почти незаметно.

Зато уйму времени уделяем созданию симпатяги... Недавно, например, взяла коробку из-под принтера, надела на одну ее ножку, на второй завязала бантики из папиных галстуков (он посмотрел, сказал: «Полный маразм»). Дитя радостно все это принимает, просит: «Давай еще». Хорошо, говорю, когда тебе надоеет, скажешь «хватит» — остановимся. В одну руку сунула ей плафон от люстры, в этот плафон насыпали бумажек. Другой рукой она держала над головой папин калькулятор, нажимая на него пальчиком... В итоге у нас получился симпатяга бегемотик-изюмчик. Я говорю — ты теперь «бегемотик-изюмчик». «Хорошо, — говорит. — Папа, я бегемотик-изюмчик». В общем, заболевание само по себе сошло на нет. Но вот в следующий раз, когда у нее появились сопли, я с ней играла примерно так же: шнурки связала в узел, надела кулек бумажный на голову, в ротик засунула эти шнурки и заставила еще бедную девочку «и-а» говорить. Восторг полный. «Все, хватит, — говорит сама, обученная уже, — у меня получился квартирный ослик». Но результата не было, она продолжала дальше сморкаться, кашлять.

Б. Почему, как вы думаете?

Н-Г-Н-К. Не знаю...

Б. Ну, давайте вместе думать. Дочка заболела. Если вы качественно поработали и на ваших глазах эта болезнь иссякла, то откуда могли появиться вновь сопли? Только в том случае, если вы *ждали* их появления.

Н-Г-Н-К. Но это было уже через две недели. Я уже и забыла про то заболевание.

Б. Это неосознанно. Где-то в подвалах вашей памяти стучался дятел: почему она так долго держится? Не может быть, говорил он, чтобы это больше никогда не повторилось... Кроме того, дочь помогла вам, пошла навстречу вашим ожиданиям. Ребенку наверняка понравилось играть в эту игрушку, она сама стимулировала в себе сопли — подключить вас, чтобы вы опять прыгали, скакали рядышком с ней. Как видите, своего добились. Дети — великолепные провокаторы. Вы же охотно поддались, стали подыгры-

вать... Что нужно было сделать, когда она сказала: «Мама, у меня сопли»? Вы ведь уже отправили один раз письмо доктору Айболиту, он получил, вылечил ее. Как вы полагаете, доктор этот настолько забывчив, что ему надо было писать потом еще? Объясните, почему, когда девочка еще раз заболела, вы стали создавать *нового* симпатягу?

Н-Г-Н-К. Надо было ей того симпатягу напомнить?

Б. Не столько ей, сколько себе. Напомнить себе о том, кто вы есть, какого уровня достигли. И, не обратив никакого внимания на детский каприз, спокойно пойти заняться своими делами. На худой конец — глянуть в хитрые дочкины глаза, увидеть там светлячка, подмигнуть ей... Недуг тут же, через пять минут прошел бы, словно и не начинался. Подключившись же к провокации, вы активировали и свое, и дочкино участие в развивающейся игре.

Н-Г-Н-К. Да, чем больше мы возились, тем сильнее она разболевалась... Что же я должна была делать в этом случае?

Б. Работать с собой. Со своим недоумением, тревогой: почему ничего не выходит? Результат был бы — что надо.

УТЯ. Я на праздники уезжала в Сумы, была в гостях у друзей. Один из них совершенно разбит, раздавлен жизнью... Слушаю его, незаметно зеркалю, через пару минут у меня создается образ — «паровоз гудит». Я говорю: «Продолжай свой “плач Ярославны”, а когда увидишь, что я поднимаю руку, вставляй в рассказ слова — “паровоз гудит”». Он посмотрел на меня странновато, но продолжает рассказ. Я сию, рукой машу. Он попытался вставить один раз, другой, потом запнулся, говорит: «Прекрати махать руками, ты мешаешь мне сосредоточиться, сбиваешь с мысли». На этом мы и закончили. Он сказал, что все это... не хочу повторять.

Б. А почему? Вы знаете, почему он так сказал? Потому что — «паровоз гудит». Этот образ был считан скорее всего не из его нутра, а придуман вами. Если бы вы точно отзеркалили своего друга и точно выдали то, что прочитали

в нем: его собственного, скрытого за игровыми пластами симпатягу, — он, безусловно, узнал бы его и принял. И, может быть, в его жизни начался бы просвет...

У. А вот во второй раз — там же, в Сумах — у меня получилось. Прихожу к подруге, она вся зеленая от головной боли. Подруга гипотоник, и если у нее это начинается, то минимум на два-три дня, а то и больше. Посидев с ней две минуты, я нашла для нее образ попрыгунчика с самурайским мечом. Вылепила его из джема, расколотила его в минералке и уговорила ее выпить этого попрыгунчика. Через десять минут мы с ней смеялись, она не помнила, болела ли голова вообще... На следующий день звонит мне в Киев: «Слушай, она и не собирается болеть». Я говорю: «Вспомни-най этого попрыгунчика, и все у тебя будет в порядке».

ПОНЧИК-С-ВЕЕРОМ. На этой неделе мне нужно было побывать на деловой встрече. Ужасная погода, холодука... Но я чувствовала себя прекрасно. Приезжаю в тот район, захожу в здание с соответствии с адресом, записанным у меня. Там сидит странный кривоглазый охранник, он мне сразу не понравился, но делать нечего, спрашиваю: «Мне нужен № 1-б по такой-то улице. Я туда попала?» Он говорит: «Это № 1, а 1-б в ту сторону, вдоль завода восемьсот метров». Ветрюганище, открытая совершенно местность... Вот елки зеленые! Но встреча уже впритык. Иду себе в полной уверенности, что я в нужном направлении, дохожу до конца квартала, вижу ворота, зданий офисных ни одного, уже смутная догадка, что иду не туда... Возле ворот стоит охранница в телогрейке. Говорю: мне надо 1-б. Она: «Так ведь это назад, откуда вы пришли, восемьсот метров». Иду обратно, потихонечку негодуя, на дворе холодеет еще больше, ветер завывает... Думаю, мы в Симороне или нет? Останавливаюсь на углу, достаю из сумки первую бумажку попавшуюся и начинаю с ее помощью зеркалить, изображать это недовольство свое, этот ветер холодный, сомнения, может, мне идти туда не надо... Дошла до ручки — придумала, что так и замерзну здесь, ветер разорвет меня в клочья, и — бумажку эту соответственно рву, остерве-

нело... Люди проходят мимо, смотрят на меня, кто-то шарается. Ой, меня это так веселит... Собрала клочки, сложила из них такой пончик с веером... Дохожу обратно, к тому зданию с кривоглазым, и вижу где-то за ним, над крышей, возвышается что-то наподобие антенны... очень похожей на мой пончик. Обхожу дом с тыла — там стоит здание поменьше, двухэтажное, явно казенного типа. Захожу — попадаю куда надо. Меня встречают с распростертыми объятиями, несмотря на то что я опоздала, поят меня чаем...

Б. Вначале, говорите, все было прекрасно. Не заметили, в какой момент вы соскользнули с трассы?

П-С-В. Может, это связано с кривоглазым? Я впечатлилась им...

Б. По-видимому. Он чем-то напомнил вам каких-то людей, оставивших в вашей душе неприятное воспоминание... и сразу пошла игра. Можно ли было предупредить, предотвратить это? Конечно. Как только вы приблизились к этому человеку — еще не прикоснулись, еще не рассмотрели его, но уже потянулись к нему с *вопросом*, то есть уже настроились на *зависимость* от обстоятельств, — нужно было немедленно остановиться, вспомнить о том, что вы — Симорон, — и вас бы сразу повело в нужном направлении. Или — быстро отзеркалили его... Может быть, охранник в эту минуту отвлекся бы, ушел по нужде — у вас бы не было повода обратиться к нему. А если бы он и сказал вам что-то, то уж наверняка не соврал бы... Но вы позволили себе войти во вторую стадию, и в третью... Стремительно. Еще хорошо отделались, а представьте, что вы не симпатизировались...

П-С-В. Там можно было долго блуждать...

Б. ...И нарваться на более неприятные контакты, заболеть и все что угодно.

ВОПРОС. Несколько дней назад я пошла к стоматологу: коронка слетела, и оказалось, что я влетела в серьезную очень ситуацию. Так вот, не могу понять, как я проглядела, как я допустила, что полностью зуб разрушился, а я ничего не знала? Ищу истоки, причину — и не могу вспомнить...

Б. Если вы пропустили первые стадии и сразу обнаружили себя в третьей, когда зуб у вас уже разгулялся, займитесь освобождением непосредственно из этой стадии. Корней своего приключения ни в коем случае искать не следует, потому что вы создаете себе новую проблему на фоне прежней. При любом поиске люди незаметно влезают в такую кутерьму игровую, на фоне которой их текущие игры становятся каплей в море. Голова поглощена безысходными исследованиями, повергающими в круговорот, из которой нет выхода. Ибо кажущийся выход — это лишь повод для следующей серии исканий...

СОЛЕХАРДСКИЙ-КАМЗОЛ. Помните, мы запускали симпатяг в будущее, за пределы тех событий, в которых мы принимаем участие? Я установила пятнадцатое марта. Почему именно этот срок? На двенадцатое марта у нас был назначен апелляционный суд. Я решила — трех дней сверх этого достаточно. Суд должен был решить следующий вопрос. За два года соседи сверху дважды затопили мою квартиру, и наш долгий ремонт, в который мы до этого вложили массу денег, пошел прахом. Но соседи говорят: «Мы не виноваты, обращайтесь в ЖЭК, мы ничего вам не должны». Первый суд я выиграла, но они подали апелляцию. Как мне сказали знакомые, такие дела почти не выигрываются, моральные ущербы скашиваются на нет... В общем, суд начался. Соседи наняли себе уже адвоката. Посмотрев на него, я превратила его в асфальтный каток, который хочет по нашим телам проехать, но рассыпается от усердия на винтики-болтики. Соседа своего, который хотел спрыгнуть со всех оплат, я повесила на шнурок в виде воздушного шарика, чтобы он раздулся там и лопнул. Его родичей, сидевших за ним толпой, начала разбирать по частям, всех по очереди, по мере того, как кто-то из них вставал выступать. Дело решилось за полчаса. Но... не в мою пользу. Более того, меня обязали оплатить все расходы, связанные с проведением этого суда, и за себя, и за них... Можете представить, как соседи злорадствовали... В чем моя ошибка?

Б. Симорон освобождает от любых ограничений, вы же с первой минуты ограничили свое бытие датой «пятнадцатое марта». То есть — поставили барьер на пути к своему «Я»... Почему, зачем вы это сделали — известно только вам. Мы же рекомендуем забрасывать «лассо» на самый дальний «сук» в своем возможном будущем. Далее, вы поставили перед собой задачу выиграть в суде, в то время наша задача — разгрузить себя от любых задач. Третье. Ситуация четвертой стадии: перед вами объекты, которым вы хотели бы предписать, как себя вести, в противном случае вы их уничтожите... и уничтожили в воображении. А надо было высмеять себя в этом своем пристрастии и — избавиться от него... В совокупности, словом, сделано все возможное, чтобы получить удар в спину.

С-Х. В принципе, я согласна, примерно так я и думала. И вот — представьте себе, мне выдали компенсацию в раз-
мере куда большем, чем я ожидала.

Б. Как вы этого добились?

С-Х. Поступила именно так, как вы только что говорили. Обогналась, рассмеялась, симпатизировалась. И вдруг однажды звонок в дверь, на пороге — они, соседи. В руках — пакет. Развернула, а там... На все мои вопросы по этому поводу — молчание. Совершенно случайно узнала, что они сектанты и их «гуру» повелел рассчитаться со всеми долгами...

БОЖЬЯ-КОРОВА-ИЛИ-БЫК. Я — училка, как принято говорить. Мне досталось наследство — не дай господь... Прежняя учительница, не выдержав, ушла и оставила мне три десятка бандитов. Это такой кошмар и ужас — кроме меня никто в эту клетку войти не может. Я и зеркалила их всех, и симпатяг рисовала... Возникло временное затишье, и вдруг сегодня страшный казус: один из детей очень жестоко побил другого, очень жестоко — ногами в лицо. Разбил в кровь, до сотрясения мозга. Вроде бы дети начали выравниваться, но вот этот всплеск агрессии я не могу никак объяснить...

Б. Обычайнейший игровой стимул: вам предоставили ужасный класс, вы от них ожидали чего угодно и дождались. Внешне, формально симпатизировали, но внутри остался вирус ожидания...

Б-К-И-Б. Что же я должна была делать в этой ситуации?

Б. Что ей нужно было делать в этой ситуации?

АУДИТОРИЯ. Ей нужно было выложить на столе какие-то предметы и вложить им в уста свои страхи. Например, что вот этот учебник — Иванов, он активен, агрессивен, он говорит окружающим: я сейчас вас побью, я вам уши оторву...

Б. Не совсем так. Нужно в центре игры представить себя. Свои взгляды на то, что такое хорошо и что такое плохо. Вы ведь именно это хотели бы внушить детям, хотели бы, чтобы они прислушались к вам, стали паиньками... Вот и начинайте. Окружите себя стульями, читайте им мораль. Пусть они в конце упадут на колени перед вами, будут молиться на вас (сами позаботьтесь об этом). Когда надоест, сделайте из них симпатягу и отправляйтесь в класс. Потом расскажете нам, что вы там увидите...

Б-К-И-Б. Дети станут паиньками?

Б. Да нет, не в этом дело... Перед ними явится другой человек. Независимый, излучающий внутреннее знание о том, что ничего драматического случиться не может. Что в жизни этих ребят отныне начнутся открытия, которые сделают каждого из них реальным суперменом. Они будут прислушиваться к вам, у вас найдутся и слова, и аргументы, и все остальное, что поможет им перешагнуть порог, отделяющий наследников каменного века от существ третьего тысячелетия...

СИДОРКИН-ЛЕС-№ 14. На прошлой неделе позвонил мой очень хороший друг и пригласил к себе на свадьбу. Я планировал уехать и вернуться в понедельник. Получилось так, что вернулся лишь в четверг. А дело в том, что мой непосредственный начальник — очень крупный чин. Устраивает на работе два раза в месяц собрания, где всем

выдает по первое число. И вот, приехав со свадьбы, я узнаю, что в этот день как раз будет такое собрание. Сидим мы все в конференц-зале. Многие уже свое получили — сидят понутив голову, остальные ждут... Я плавно подзеркаливаю своего шефа: он ногу на ногу положит — и я положу, он руку — и я тоже. В то время, когда по списку доходит очередь до меня, я успеваю перенести его нос на место водопроводного крана в углу зала, а кран — на место носа. И тут происходит странная вещь: начальник начинает кашлять, пить воду, хочет мне что-то сказать, но не может остановиться... Ему налили еще воды, поднесли стаканчик, он перестал кашлять. Ну, думаю, пропал, не сработало... В это время ни с того ни с сего начинает издавать звуки этот водопроводный кран, внимание всех устремляется к нему, потом снизу из раковины как хлынет струя фонтаном... Народ сбежался, говорят, что-то с сантехникой, сейчас затопит зал из канализации... Пошли выяснять, что к чему, собрание смялось на этом, закончилось, а втыка я так и не получил.

ЧИ-У. Можно ли с одной проблемой работать разными способами? Допустим, есть вот какая-то проблема. Я сделала сладкий самообгон, удовлетворения не почувствовала. Потом поработала с куклой... потом инсценировала с разными предметами... Корректно ли это?

Б. Представьте себе, что вы сидите над тарелкой супа и ужинаете. И ложка, которой вы черпаете суп, оказалась или чайной, крохотной, или дырявой, суп проливается через нее. Но — кое-как съели его... Теперь вы говорите: «Из-за этой ложки я не насытилась. Буду есть поварешкой». Но супа-то уже нет. Возникла новая проблема — пустая тарелка. Понимаете, в чем дело? Вы продолжаете есть суп, которого нет. Нет прежней проблемы — как есть дырявой ложкой, появилась новая ситуация: где взять суп? И вот, вместо того чтобы заняться данной темой, вы продолжаете копать в прежней: загребаete поварешкой пустоту. Естественно, голод не утолен, и вы начинаете думать: почему я не насытилась? Ага, подсказывает ваша слепота:

нужно взять ложку еще большего формата... лопату! Берете и черпаете ею воздух в тарелке... Не похоже ли все это на то, о чем вы нам рассказывали? Сделали самообгон, не получилось — забудьте, с чего стартовали, займитесь новой темой: растерянность в связи с тем, что не получилось. Способ, при помощи которого вы выйдете из этой ситуации, не имеет значения — лишь бы вышли... Не получится и на этот раз — еще одна свежая проблема: не могу выйти из той проблемы. И — новый поход...

ЧИ-У. Но так же может быть бесконечно...

Б. Ну нет. Надоест. Рано или поздно вздохнете свободно; потянетесь и увидите мир без шор на глазах...

— Я — ПОЛОСАТАЯ-ПТЫХА-В-КРАСНЫХ-ТЕ-ЛЯШКАХ.

АУДИТОРИЯ. Может, птаха? Может, в тельняшках?

П-П-В-К-Т. Нет, все правильно. У моей сестры сын был в тяжелом состоянии. Два дня не мог есть, и даже глоток воды у него вызывал рвоту. Я поработала, и выработала для сестры инструкцию — распустить шапочку. «Какую? — спрашивает она. — У нас шапочек довольно много». — «Первую, — говорю, — которая попадется под руку». Нашла она какую-то, начала распускать, потом звонит мне: сзади шов, распустить трудно... «Неважно, — отвечаю, — распускай». — «Из-за шва, — говорит, — все время получают петли». — «Распускай!» Сидит, возится, бормочет, домашние на нее смотрят с соболезнованием: что-то, мол, случилось с головой у бедняги... Наутро она уже собиралась поднимать всех на ноги вплоть до диспансера, тем более что племянник там стоит на учете. И вдруг он встает и первое, что говорит: «Мама, я так хочу кушать!» Для нее это было откровением. И практически с того дня он очень хорошо себя чувствует.

БЕЗ-ИМЕНИ. Я — без имени. Объясню, почему. Вы говорили, симпатягу — и себя в роли симпатяги — имеет смысл как-то называть.

Б. Не называть, а описывать при желании соответствующий образ, чтобы затем, в случае сужения, встречаться с его продолжениями — светлячками — на жизненных дорожках.

Б-И. Ну вот, все это у меня работало, а вот сейчас вырабатался какой-то самостоятельный набор словосочетаний, который постоянно лезет в голову. Начинаешь свободно компоновать предметы, заканчиваешь самообгон... И на ум приходят не картинки, а какие-то слова, причем знакомые, где-то кем-то использованные. Например: «Тише едешь — дальше будешь», «Любви все возрасты покорны»... И так далее. Все это ужасно мешает. Я уже перестал рисовать образы, боюсь появления слов...

Б. Известное явление. Провокация нашего социального опыта, дабы удержать нас в болоте. Человечество держится за слова, придавая им самоценную значимость, играет ими, как символами мира, наделенными особой энергией. И потому — способными управлять миром, воздействовать на него качественно... Но все это — лишь звуки и только звуки. Да, от громкого крика можно оглохнуть, а от приятных вибраций, резонансных нашему организму, прийти в блаженное состояние... Слова же, при помощи которых эти вибрации передаются, — лишь конверты для доставки сообщения. Конечно, можно среагировать и на сам конверт, игнорируя его содержимое, — мы с вами это умеем... В том-то и суть провокации. Скажите аборигену Африки по-русски: «Позор олигархам!» — заденет ли это его душевные струны? Обратитесь к своей собачке, порвавшей ваши новые туфли, с гневными речами, но лишите их эмоциональной окраски, — поймет ли она вас? Мы же смотрим на бесстрастные значки на бумаге и заливаемся слезами или смехом... Итак, уважаемый «без-имени», как только вы заметите, что вступила в силу *вербализация*, подмена картин словами, что внимание ваше удерживается на словах, — немедленно зеркальте возникающие фразы, мысли. Не ждите повторного приглашения — третьего, четвертого, пятого. Прошелестело в вашей голове — «любви все возрасты...» — тут же воспроизведите это вслух. Можете

3. ПОЛЕТ ПО ТРАССЕ, ПРОЯСНЕНИЕ, СИМОВАНИЕ

НИКА-ВИКА. Прошное занятие было чудесное, и погода была чудесная. После окончания занятий сажусь в метро, проезжаю мимо Гидропарка... Ой, такой соблазн выйти и погулять чуть-чуть... Вышла. Боже, какое это было чудо! На Днепре нагромождение льдин разных, как пирамиды под разными углами в солнечном блеске. Стою, люблюсь и автоматически уже симпатягу из них делаю... Тут какая-то дама и направляется прямо ко мне: «Посмотрите, что там горит?» Я глянула — да, что-то в кустах горит, дымит. И тут вижу в очертаниях дыма симпатягу, которого я только что вылепила из льдин. Улыбаюсь, говорю даме: «Не волнуйтесь, там есть люди, разберутся». — «Откуда вы знаете?» — «Знаю».

Если бы я не была симоронисткой, я бы уже включилась, сказала бы: черт-те что, разжигают мусор, травят нас, никто ни за чем не смотрит, никому дела нет, правители набивают себе карманы, государство обмануто и т. д. И это бы заняло как минимум полчаса или час, и мы бы пошли с ней, уныло что-то обсуждая... Но она хмыкнула, отошла. Я стою, смотрю на солнышко, греюсь... Через некоторое время, смотрю, подходит опять, говорит: «Огонь угасает... Наверное, потушили».

САЛАМАНДРА, ЛЕТЯЩАЯ НА РОЗОВОЙ КОРОВЕ. Была у нас в семье драма похлеще Санта-Барбары. С родным братом мы не разговаривали целый год. И вот, после прошлого занятия, когда мы учились двигаться и петь в режиме ЯСного, просто из «ниоткуда» раздается его звонок, и будто ничего такого у нас и не было...

Вторая тема — мои хронические опаздывания на работу. Я, как школьница, придумывала события, пожары... И тут после нашего практикума у меня впервые не спрашивают, почему я опоздала. Причем это было не на пятнадцать минут, а ровно на час. Встречает меня начальник в коридоре

и, вместо упрека, говорит: «Вы сегодня хорошо выглядите». И еще: клиент, которому я выполнила работу, долго уклонялся от оплаты. Под разными предлогами. Вдруг явился и заплатил в три раза больше. Я не просила, но и не отказалась.

Б. Нормальная жизнь нормального человека. Который не тратит ни грамма времени на борьбу за существование. И потому существование его наполняется другим содержанием. Мы уверены, что в вашей жизни за этот период произошло что-то еще, о чем вы не рассказываете. Нечто более существенное, нежели примирение с братом или тройной гонорар... Не припомните?

С-Л-Н-Р-К. Не знаю... Ничего такого не было. Может быть... Я нашла у себя старый, давний свой дневник. Наткнулась на запись: «Если птицы поют ночью, значит...» Дальше стерто, непонятно. Но на днях меня разбудил на рассвете чей-то голос. Было еще темно... Кто-то пел. Нет, не птица... Может, соседи включили телевизор, не знаю... Я поднялась, тихо прошла на кухню. Села за стол, облокотилась. И тихо, тихонько запела... какую-то мелодию, незнакомую... но я будто слышала ее тысячу лет назад. В это время солнце вышло из-за соседнего дома, луч скользнул по столу, по моим ладоням... Это оно? То, о чем вы говорите?

Б. Это только начало...

ПЯТКА-КАЛИГУЛЫ. Мы улетали в Турцию — по дипломатическому коридору, то есть без деклараций, особых таможенных проверок. Так как мы направлялись на серьезный прием в высоких инстанциях, я напаялила на себя все, что у меня было дорогого, красивого, дочка тоже. Через несколько дней собираемся лететь назад, нам звонят из Киева и говорят: «Тот коридор, по которому вы летели, закрыт, будут все проверять». Я понимаю, что все, что на мне надето, будет либо конфисковано, либо меня заставят заплатить такую пошлину, что... Рассказывать им, что эти вещи куплены еще в советские времена двадцать лет назад, — бесполезно. У меня уже был такой опыт в прошлом, когда пришлось оставить им шубу! Мы возвращались с юга,

я была в легкой куртке и с собой везла шубу: намеревалась переодеться по прибытии в наши морозы... Прилетели, я стою и ругаюсь: «Это моя вещь, не купленная»... Меня водили на досмотр, оскорбляли, все было по полной программе... Вот и теперь зять говорит: «Будем прятать». Дочка тоже: «Мама, ты как хочешь, но я прячу». А прятать надо куда-то в чемодан и сдавать его в багаж. Ненадежное дело, потому что в Турции просмотр тоже идет по телевизору, как у нас, и кто его знает, как у них это поставлено. А потом еще и по телевизору в Бориспольском аэропорту... В общем, с горем пополам запихнули мы все, куда могли, завернули, попрятали. Сидим в самолете, я учу дочку симонить. Сначала сладкий самообгон сделали — о том, как турки не только ничего не тронули, но еще заложили к нам в чемоданы свои драгоценности в подарок. А наши в Борисполе, мол, добавили к ним еще украшения, снятые с себя, и голенькие устроились работать стриптизерами... Вышла я на трассу и — пошла гулять: тетя Клава надевает носки на помидорную картошку, потому что лабидрон строит мотылька из Братской ГЭС, в то время как варенье из почтового ящика нахлобучивается на щеки Калигулы... и все такое. Всю дорогу, пока летели, шептала ей это на ухо, она смеялась, потом устала, уснула. Прибываем в Киев. Нас пропускают без деклараций, отдают наши вещи — все в полном порядке. И вдруг подходит старший, какое-то их начальство: «У нас акция, всем, кто прилетает сегодня между двенадцатью и тринадцатью, положен приз, примите». Смотрю: на часах двенадцать часов семь минут. Ну не бог весть какой там приз, но — приятно...

БЕЛЫЙ-ПАРОХОД. В воскресенье у меня было огромное желание попасть на мероприятие, на которое проникнуть невозможно, потому что ограниченный круг людей туда приглашался. Пригласительного я, конечно же, не имела и не рассчитывала на него. Поэтому заставила себя забыть о своем желании, наметила разные дела на этот день... Но все они отменились, потому что мне позвонили, что-то перенесли, в чем-то отказали. Вот тебе и раз, думаю, ни то ни се... И вдруг звонят люди, с которыми я не

общалась уже тысячу лет, и предлагают два пригласительных на то самое мероприятие!

Б. Вы воспользовались обоими пригласительными?

Б.-П. Пятью! Дело в том, что, как только я туда пришла, мне предложили ещё три пригласительных, то есть вместо одного мероприятия я, можно сказать, одновременно посетила пять. Я сидела в центральной ложе, меня приняли, наверное, за президента. Или резидента.

Б. Вас за симоронавта приняли! И на законных основаниях. Смотрите, вы ведь ничего не сделали, чтобы осуществить свое намерение, наоборот — пытались сами себе помешать всякими делами. Не получилось. Почему? Потому что трасса была построена до того — и построена качественно. Вам оставалось только направиться по этой дорожке... Вы же помните, что желания, возникающие у симпатизированных людей, соответствуют их природе, призванию и — не могут не исполниться. Конечно, если бы вы купили билет на автобус и из принципа, назло кондуктору, пошли пешком...

ЛАБЕЛИЯ-РОМАШКА. У нас на кухне сломался кран. Как обычно, женщина стала бы пилить мужа. Но я прояснилась... и на всякий случай подумала, что надо попросить знакомого сантехника помочь выбрать подходящий смеситель и установить его. Прошли буквально сутки. Я совершенно забыла о своем намерении. Прихожу домой, муж устанавливает кран без всякого сантехника. На кухне теперь чудесный смеситель, и вода совершенно не течет.

Б. Ваш муж в принципе склонен к таким подвигам или это произошло неожиданно?

Л.-Р. Первый раз в жизни. Раньше, если и брался за что-нибудь такое, всегда ломал. Я его на пушечный выстрел отгоняла...

Б. То есть вы сейчас не просили, не уговаривали...

Л. Ни минуты.

Б. Вот видите — что значит проясниться! Открываются все заслонки у тех, кто нас окружает, они тоже движутся по беспрепятственной трассе...

Л. У меня внутри был восторг. Я сказала мужу: «Симпатия» — и бросилась к нему на шею...

Б. Мы с вами в этом похожи. Стоит нам, Петру и Петре, взглянуть друг на друга, как хочется броситься...

(Петр обнимает Петру. Она кричит: «Задушишь!..»)

ОЛЬГА-БОЛЬГА-МОЛЬГА. Когда я пришла в понедельник на работу... У нас там стоит цветок возле ксерокса, и мне кажется, что он говорит: «Ну полей же меня наконец...» Я его полила. И теперь, когда у меня возникает проблема какая-нибудь, он как бы о себе напоминает — светлячками, появляющимися вокруг, то есть чем-то похожим на него. Так сказать, поддерживает меня, подмигивает: не бойсь, я рядом!

То же происходит с собаками. Как-то я прорабатывала историю о том, как сильно испугалась собаки. И вот сейчас повсюду вижу собак, они мне виляют хвостами, как знакомой... Мало того, одна провела меня прямо до дома. Но я ее не боялась, чувствовала, как свою... Потом вынесла ей поесть. Она поела, вильнула хвостом и ушла себе.

А потом еще на прошлом занятии я затронула тему уродства, и к нам на фирму пришла женщина... ну, с сильными физическими дефектами. По какому-то делу пришла. Я еще забыла сказать, я сняла линзы и сейчас вообще без очков. Когда общаешься с людьми и видишь их хорошо, то видишь их как бы снаружи. А когда без очков, то чувствуешь их изнутри, понимаешь их внутреннее. И вот я общалась с этой женщиной и увидела, как она прекрасна в душе... После этого мне стали попадаться другие женщины, чем-то похожие на эту, но они снаружи такие, как та внутренне...

Б. Ну что ж, очень показательно. Если мы симпатизируем себя и свое окружение, то наблюдаем продолжение своего симпатии в тех вещах, явлениях, которых раньше вообще не замечали или которые могли быть враждебны нам, оппозиционны. Эти цветы, собаки, эти встречные женщины теперь носители вашего симоронского начала. Мы ж не говорим о том, что покидаем этот мир, делаем

себе харакири, нас ничего не интересует. Нет. Мы присутствуем в общепите, но теперь любое блюдо, с которым мы сталкиваемся, наполнено другим содержанием. Нам открываются иные возможности по сравнению с предшествующими, мы выходим из рамок среднего человеческого статуса...

ПТИЧКА-С-ТРЕМЯ-КРЫЛЬЯМИ. В прошлые выходные мы с братом ездили к себе на родину, во Львов. Я хотела найти на кладбище могилу свекрови. Мне не довелось побывать на похоронах, и я не знала, на каком она кладбище. Родственников не оказалось в городе — были на даче. Брат говорит: «Поедем в коммунальную службу, все там узнаем». Но я его остановила, отошла в сторонку и... нарисовала себе: солнечная погода, город — молодой, только что построен, башни сверкают свежими красками... Население — дети, одни дети... или эльфы? Они окружают нас, ведут вокруг хоровод... Я схватила брата за руку, стала кружить. Остановились прохожие, улыбаются — почти как эльфы... Я и их в хоровод, нескольких... Тут подъехал автобус, люди стали его заполнять, я втолкнула брата туда: «Поехали!» Он привез нас прямо на кладбище. Выходим, меня потянуло влево... через минуту нахожу могилу свекрови.

АУДИТОРИЯ. Что же произошло? Как это все связано с Симороном?

П-С-Т-К. Нарисованная и исполненная мною картина — это самообгон. Львов видится мне именно таким, я воплотила свое видение... Не знаю, удалось ли выйти на симпатию, — я этого не заметила, потому что точно знала: нужно сесть в этот автобус. И когда мы оказались на кладбище, не сомневалась, что иду правильно. Хотя брат все же зашел в контору, ему там сказали: 26-й квадрат, направо пойти. Но я почему-то была убеждена — нужно в другую сторону. Брат пошел направо, а я — влево... Буквально через несколько секунд кричу: «Иди сюда!» Он пришел и говорит: «Да, ну это фантастика просто...»

Б. Просто — да. Но не фантастика. Мы ведь оказываемся в той позиции, когда наблюдаем безошибочно всевозможные пути-дороги. «Внутренним» зрением наблюдаем...

Б. Кто вы, ежели это не вселенская тайна?

— Я уже не помню, честно говоря.

Б. Значит, так и будет: «Я-УЖЕ-НЕ-ПОМНЮ-ЧЕСТНО-ГОВОРЯ».

Я-У-Н-П-Ч-Г. Субботним ранним утром я взял свою работу законченную, запихнул в ящик стола, тут же выбросил ее из памяти и пошел шлаться по Киеву. Весна расцвела, юбки у барышень начали подниматься выше, птички запели. А мне почему-то грустно... Авитаминоз, наверное. Иду и по ходу исполняю горький самообгон: смотрю на всех с виноватым видом, протягиваю руку, милостыню прошу... Мне оттоптали все ноги, потом в моей любимой кафешке заварили такую гадость под названием «кофе», что я чуть не отравился. Понял — все, хватит. Вылил ту бурду на землю — разлилась такая красивая симпатяжная загогулина... И сразу настроение поднялось.

Пошел пешочком в Печерскую Лавру. На входе, смотрю, тетка собирает плату за вход. Думаю, елки, я за Лавру никогда не платил. Достая носовой платок и начинаю протирать плитки под ногами... Контролерши смотрят на меня квадратными глазами. Я им: «Девочки, что ж вы не убираете, смотрите, сколько мусора, сейчас интуристы здесь пойдут». Они: «Извините, сейчас уберем». Запросто прошел на шару. И всю Лавру так шел, мне чуть не кланялись по дороге...

Б. И каков был конечный итог этой прогулки?

Я-У-Н-П-Ч-Г. Вся неделя после этого — сплошной свет, удача за удачей, я не знаю, чего там еще возможно... Нет, знаю, во мне шевелится одна идея — даже не догадывался, что я способен на это. Думал, что такое только в голове у гениев может появиться... Исполню — тогда расскажу.

Б. Бойтесь сглазить?

Я-У-Н-П-Ч-Г. Не в этом дело. Просто я не знаю еще, как это рассказать... какими словами... у меня впервые такое...

АУДИТОРИЯ. Можно еще разок о ЯСном — что это такое?

Б. ЯСный — это наше догравитационное состояние. Когда мы с вами только приближались к этой планете, мы еще не знали, что такое притяжение Земли. Потому что не обладали массой, телом. И вот теперь мы начинаем своим нынешним телом и голосом описывать поведение, которое тогда было свойственно нам, бесплотным, невидимым, в пространстве над Землей. Если делать это качественно, в нас пробудится воспоминание о *том* бытии. Тело наше при этом ведет себя не так, как в условиях земного тяготения, голос наш, речь наша не поддержаны теми правилами, к которым нужно прислушиваться здесь...

Вот, смотрите: сейчас из моих уст звучат слова, которые, если бы вы не изучили данный язык, были бы для вас пустыми звуками. Вы приезжаете в другую страну, в Африку, дикие племена там себе щебечут. Вы и не пытаетесь их понять — это невозможно. То же самое моя речь: щебет — не больше. Попробуйте воспринять ее как африканскую, не вслушиваясь в *смысл* слов, не расшифровывая их в своей голове, — и вы уже почти на трассе...

Перестанем поддерживать себя в той игровой условности, в которой мы с вами присутствуем день и ночь, сформируем жесткие структуры — и мы подготовим почву для своего тотального освобождения. Пусть формы и правила, которые для нас как-то значимы, станут частными в отношении к общему — ЯСному. Потому он и ЯСный, что помогает все увидеть, все услышать. Причем, как мы убедимся погодя, не только в сегодняшних пространственно-временных координатах, но и в прошлом, и в будущем. Мы однозначно выходим из обязательств присутствовать в данной школе, в зале на четвертом этаже, в субботу такого-то числа...

ТРЕУГОЛЬНИК. У меня странное ощущение. Проблемы, которые меня очень волновали, после всяких симоронских проработок практически ушли, стали мне не ин-

тересны. Но взамен возникла какая-то пустота эмоциональная... Я как-то выпала из того мира, в котором варилась.

Б. Вам неприятно это ощущение?

Т. Нет, почему, но просто непривычно очень. Я в некоторой растерянности.

Б. Что мы делаем, если возникает растерянность? Неважно, по какому поводу. Можно растеряться, когда задыхаешься, а можно — из-за обилия воздуха, озона... В том и в другом случае — обгоняемся. Ведь это просто новая проблема, и выход из нее — такой же, как из любых других. Оказавшись на трассе, мы не в состоянии зафиксировать свое состояние (простите за каламбур). Нет полноты, нет пустоты. Все это — лишь этикетки нашего участия в кулирной игре. На трассе есть лишь новое качество бытия, которому нет аналогов, нет названий. Бескачественное качество.

СЕЛЕДКА-ИЗ-БАНАНОВЫХ-ШКУРОК. Получился очень интересный эффект. Ходил я с друзьями на концерт *Deer Purple* в субботу. Людей набилось множество на площади перед Дворцом спорта, но милиция окружила его и пускала всех туда узкими ручейками. Нас прижали к поручням, струйка слева проходит вперед, струйка справа... А мы зажаты посредине к парпету. И не попадаем ни влево, ни вправо. Я понимаю, что соскользнул незаметно с трассы... Выхожу к *ЯСному* и негромко двигаюсь так в загогулистом рисунке, пою... Тут же начинается какое-то шевеление и меня выносит в левую струйку, за мной — друга. Словом, мы нормально заходим во Дворец... Но дальше в раздевалку его не пускают: у него в руках пакет здоровый, подозрительный... Я продолжаю *проясняться*... он просто уходит вместе с этим пакетом на трибуны, а я попадаю прямо на сцену. И весь концерт смотрю в двух шагах от артистов...

МИССИС-ГРАСС. Сегодня утром я встала. Не вдаваясь ни в какие подробности, сразу вышла на трассу — стала петь *ЯСный*. У меня было ощущение... такое, наверное, как

у собаки, которая хвостом виляет, ощущение щенячьего почти восторга. Я прожила весь день с этим чувством, я слышала его в себе, пыталась удержать... Но потом случилась одна ситуация... и поехало: много, много раз намотались разные неприятности... Я оказалась в такой луже... до сих пор не могу из этого вылезти. Пытаюсь двигаться и петь, как тогда утром... но все как-то натужно, искусственно. Анализирую, что со мной происходит... и еще хуже себя чувствую...

Б. Помнится, вы на протяжении занятий часто интересовались: что нужно почувствовать после исполнения той или иной симоронской техники. Что мы вам говорили?

М-Г. Ничего не надо чувствовать.

Б. Правильно. Желание что-то конкретное ощутить, застолбить — это озабоченность. Выходя из одной, проблемной озабоченности, вы меняете ее на другую. Какая разница? На трассе не может быть никаких ощущений, мыслей, чувств, вообще ничего статичного не может быть. Там лишь полетность, процесс... Как только вы зафиксировались на чем-то — всё.

М-Г. Но я же приятное фиксирую...

Б. Приятное — относительно чего-то неприятного? Иначе — какое же оно приятное? Все в сравнении. А значит — в тылу вашего сознания остается возможность неприятного. Готовность к встрече его. То есть вы от него не ушли, не избавились... Осуществили лишь временную *мутацию*: «В данную минуту я — счастливый человек». Что будет завтра? Следующая мутация? Любая наша формулировка, определенность — это очередная мутация... Ну какая разница — вы положили на тарелку кусок колбасы или кусок сыра. Это все равно *кусок*. Все равно *пища*. Сегодня наш аппетит требует колбасы, завтра — сыра... Но для того чтобы состоялся пищеварительный процесс, не имеет существенного значения, отправили мы в живот колбасу или сыр.

М-Г. Тогда — какой смысл в ЯСном? Получается, «прояснение» — альтернатива «затемнению». Одно невозможно без другого.

Б. Как сказать. Ясность — это как бы исходное, базовое состояние всех вещей, состояние, в котором они могут пребывать бесконечно, не нуждаясь в *затемнении*, вообще не зная, что оно возможно... Затемнение же — верхний слой краски, не проникающей вглубь и легко смывающейся. Примерно та же картина, что с нарядным костюмом, который случайно прикоснулся к побелке: достаточно стряхнуть следы мела ладонью — и пиджак вновь чист. Так вот, проясняясь, мы стряхиваем не только данный мел, но и любую другую грязь, которая, может быть, прилипнет когда-нибудь. Возвращаем костюму его первоначальный вид... Вы же, уважаемая миссис, почистив костюм, заслонили его грудью на случай возможного прикосновения к белой стене. Стали подсознательно высматривать: где она, с какой стороны ждать ее коварного приближения... И дождались, конечно. Не первый раз, насколько мы помним.

М-Г. Что же теперь делать?

Б. Точнее — что же теперь *не делать*. То, что мы вам советовали всегда. Не останавливаться, не впечатляться лужей, в которой вы оказались. Так же как ярким солнцем.

ФИФАТРОН. У меня есть одна очень хорошая знакомая, которую я знаю много лет. Это циник, человек, который вообще ни во что не верит. И вот вчера мы с ней встретились, я ее еще раз приглашала в Симорон... Но она никак не может понять, что это такое, кричит на меня, ругается. Хорошо, подумала я, сейчас я тебе покажу Симорон. Представила, что у нее где-то брови уехали, уши куда-то пошли... и вышла к ЯСному. Мы с ней сидели в «Макдональдсе», и я начала проясняться. Сидя, экономно, чтобы не привлекать внимания окружающих... Хотя, честно говоря, не очень об этом думала.

Б. И правильно делали. У нас была одна симоронистка, которая жила на Березняках, на берегу озера Тельбин. Каждое утро она выходила к озеру делать симоронскую зарядку на ЯСном. Сначала тети и дяди, выгуливающие собак, смотрели на нее с опаской, но постепенно приобщились

к ней, и вскоре по утрам уже целая компания выделявала на берегу такое...

Ф. Ну вот... Вы бы увидели, как изменилось лицо этого человека. Немая сцена из «Ревизора». Потом она начала смеяться... многие годы я не видела у нее улыбки. Это было необыкновенно. Я чувствовала, какая она внутри, как глубоко скрыто ее «Я»... Только не могла вытянуть это наружу. А тут случилось само собой...

Ну и вообще, мне очень нравится идти по улице в режиме ЯСного. Все, что я вижу, — не отдельные предметы, вещи, а как бы сразу их сумму, их суть, — все это я пою. Я заметила: попоешь вот так какое-то время, голова становится светлее, настроение совершенно другое, я чувствую себя хорошо. У меня всегда была повышена слегка температура, последние две недели она стала нормальной — тридцать шесть и восемь. И знаете, я заметила за собой особенность: какие-то мотивы и движения ЯСного запоминаются, их хочется повторить...

Б. Вот тут-то и возникает «затемнение», о котором мы говорили. Повторяемость элементов в чем бы то ни было всегда вызывает у нас скуку, оскомины. Повторяющиеся типовые проекты домов, тираж однотипных одежек, мыслей, чувств... ЯСный — это взлом всех повторов. Почему некоторым трудно свободно развивать рисунок ЯСного? Потому что они настолько адаптировались среди стереотипов, настолько смотрят на себя глазами размноженного в толпе стандарта, что опасаются вольного или невольного осуждения, исключения из человеческого сообщества. И стоят скованные, не в силах ничего сделать. Отказывайтесь от соблазна повторов всегда и во всем.

ВЕРТОЛЕТИК-САВОСЬКОЙ. В понедельник оставалось три дня, чтобы сдать отчетность полугодовую. Начальник не хотел подписывать из-за исправленных цифр. Я из-за этого сильно нервничала: мне надо было забрать у него материалы и поехать в налоговую. Еду к нему, по дороге зеркалю все, что попадает в поле зрения... Потом руки сами по себе пошли в ЯСный... Ну, в какой-то момент я

слепила ими в воздухе узор — симпатягу. Приезжаю, начальник совершенно спокойно говорит: «Мы уже все решили» — и все мне подписывает. Я еду в налоговую, заранее готовясь к объяснениям по поводу исправлений в документах... Вдруг подумала: чем я таким занимаюсь? И — давай проясняться... Захожу в налоговую, очереди нет, инспектор моя вся такая цветущая, яркая. Увидела меня, говорит: «Здравствуйте, не надо мне ничего показывать, я после отпуска, вот там положите — и все».

ДИНОЗАВРИК-БЕСКОЗЫРКИН. Моя сотрудница купила дико дорогой фотоаппарат, попользовалась им недели две, и он начал барахлить. Она была в полном трансе и говорит: «Поеду на базар, устрою там скандал, может, мне его поменяют». О том, что деньги вернут, и речи не было. Я слушаю ее, симую — получилось *два сима*. Думаю: «Ничего у тебя не выйдет, езжай». Можно было, конечно, сразу поработать, но я как-то замоталась... Приезжает обратно вся в расстроенных чувствах: ее там еще и обругали, сказали, что все из-за плохой пленки, надо еще пощелкать и т. д. На другой день она говорит: «Ну, попробую сегодня еще раз сходить». Я ей: «Так, стоп, Людочка...» Отзеркалила ее, пошла в ЯСный, потом просимовала — вышло *восемь*. «Ладно, — говорю ей, — иди». Она приходит и говорит: «Представляете, мне деньги вернули! Только небольшой процент взяли — комиссионные...»

КАР-КАР-В-ПЕРЛАМУТРОВОЙ-ПРОСТЫНКЕ. Из-за того что я сильно занята, почитать художественную литературу редко когда выходит. Мне посоветовали на работе, на кафедре, посмотреть японского автора Харуки Мураками. Взяла я «Норвежский лес». Обычно проникаюсь тем, что читаю: автор плачет — я плачу, автор веселится — и я веселюсь. И вот это произведение оказалось очень грустным: четыре героя покончили жизнь самоубийством. Но я, на удивление, все время, пока читала, почему-то видела за всеми этими событиями цифру *десять* по симоронской шкале... И ни разу не поддавалась депрессивному настроению,

которое должна была, по идее, вызвать эта книга. Наоборот, она вызвала у меня чувство подъема...

Б. Вроде бы ничего, но напоминаем: симование не выводит из игры, а лишь помогает увидеть перемещение игрока из одной позиции в другую. Если вы исполняете роль игрока, можете не сомневаться: сегодняшний подъем превратится завтра в упадок...

КАНДЕЛЯБРИСТАЯ-МЕЗОПОТАМА. Я зашла в метро, там сидят шесть человек. Занимают полностью сиденья. Мне не очень хотелось сидеть. Но все равно думаю: «Интересно, кто сейчас первый встанет из этих всех?» И — симую по очереди всю шестерку... Сначала, конечно, проЯСнилась, потом стала «спотыкаться» о каждого, на кого смотрела. Получилось последовательно: шесть... три... семь... девять. Женщина, которая выдала девять симов, встала первой. Я села на ее место и решила: буду наблюдать дальше. Следующим встал тот, кто показал семь симов. В общем, получалось так, что кто ближе к десятке, тот раньше и встает.

МАЛЕНЬКИЙ-СИНЕНЬКИЙ-САМОЛЕТИК. У меня дочь учится в 10-м классе, блистательно по гуманитарным предметам, по всем языкам и литературам... И настолько же бездарно осваивает точные науки, особенно — химию. В понедельник урок химии у них первый. У меня понедельник — выходной. Я имею возможность побыть дома. Решила попробовать с бумажками, просто проверить себя в симовании. Свернула одинаковые бумажки, на одной из них записала вопрос, принесет ли дочка что-то путное из школы. Вторая бумажка, как было рекомендовано, пустая. Поработала, на одной бумажке получилось восемь симов, на другой — девять. Разворачиваю: восьмерка — на листке, где я записала задание, девятка — на пустом листке. Через полчаса приходит моя дочь и говорит: «Я получила по химии “хорошо”». Для нее это — блестящий успех! Но, если я не ошиблась, впереди у нее будет что-то еще лучшее: я же увидела девять симов...

ПУКУНТУАКЕН. Я на днях работала по ЯСному, это так спонтанно получилось. Я бухгалтером работаю, позвонил инспектор, у меня недоимка, это мне грозит солидными штрафами. Накладывают на директора, на меня любимую, на всех. Иду туда, все равно никуда не деться, надо идти. Пришла — ее нету, где-то у них собрание. Зашла в туалет, благо там никого не было, давай журчать, мычать, изображать унитаза, ведра, швабры, все, что там было в окружении, в конце концов вышла к танцу живота в сочетании с неаполитанским танцем. То есть совершенно не помню, что там происходило... Но точно знаю, что это был ЯСный, — иначе я запомнила бы хоть одно па, хоть какой-то рисунок танца. Если бы кто-то зашел, меня бы точно в дурнушку отправили. Выхожу оттуда такая удовлетворенная, мне весело и приятно... и иду прямехонько к себе на службу. Директор сразу: ну как, что?.. А я: «Порядок, Иван Николаевич, никаких штрафов, жизнь продолжается». На следующий день на всякий случай звоню инспектору: «Вы меня не хотите видеть?» — «С какой стати?» — спрашивает. Вот так.

ДЕЛЬТИК. Муж звонит с работы: «Ты знаешь, я опять потерял (в третий раз) мобильный телефон. Не могу нигде найти, поищи дома, может, я забыл». Он ему очень нужен для работы. А я... я уже так разленилась из-за Симорона, что ходить где-то искать, шарить, переворачивать... Да ну его! Легла спокойненько на тахту и приказала своему Дельтику: «Ищи!» Дельтик — это мой симпатяга, я когда-то разместила его в углу нашей комнаты, на тумбочке: положила там в виде салфетки загогулистый рисунок. Если что нужно — мысленно обращаюсь к нему, и все получается... Другое дело, что обращаться практически не приходится: проблем нет ни в чем. Но в этот раз — надо же мужу помочь... Через несколько минут он звонит, говорит: «Знаешь, меня почему-то понесло на улицу, к машине... Вышел и нашел телефон рядом с машиной — я его там обронил».

Б. Как «по шучьему веленью»...

Д. Непонятно только, как он, Дельтик, с мужем поработал, да еще на расстоянии. Ведь это же мой личный джинн...

Б. Муж с вами — в одной «упряжке», вы соединены слышимостью, как родные люди. Поэтому ваша симпатизация распространилась на него. Но... советуем все же оставить Дельтика в покое. Симпатия, превращаемый в «джинна», — это симпотент. Знаете, вольный уссурийский тигр до поры до времени будет выполнять наказания дрессировщика, но однажды все же цапнет его...

Д. Но вы же предлагали помнить о том, что наше симоронское «Я» — там, впереди...

Б. «Я» — это я. Стану ли я обращаться к самому себе за подмогой? Станет ли правая рука заигрывать с левой? Помнить и поклоняться — это разные вещи...

ЗУМУРУДАН. Я, может быть, внесу диссонанс во всеобщее ликование, но у меня происходили довольно странные вещи. После того как я создавала своих симпатяг, я впадала в ступор, сидела, и мне не хотелось ничего... Я выпадала настолько из этого мира, что он мне был не интересен. И что самое удивительное — реальность откликнулась на мое состояние: дела мои тоже замерли. Пропали заказчики, с которыми уже вроде договорилась встретиться, подписать документы, исчезли куда-то и те, для которых работа сделана, надо было встретиться, передать им... Я им звоню — их нет, и сами не звонят. Вся неделя у меня прошла абсолютно безмолвно. Я не волновалась, внутреннее состояние у меня было абсолютно спокойным. Мне ничего не хотелось, и у меня ничего не происходило...

Б. Вы предложили своей личности программу, с которой она еще не познакомилась до конца. Предположим, вы всегда ходили задом наперед, а теперь развернулись передом назад. Сразу может не получиться. Надо остановить сначала весь свой механизм. Не так просто совершить этот поворот, многих начинает просто трясти, они себя вырывают из контекста привычного существования и в этом взвешенном состоянии чувствуют себя некомфортно. Некоторые кричат: «Пустите нас назад, нам неуютно без кандалов!» А тут зависла мадам — и спокойно себе висит. Слава богу, что ничего не происходит. Вы достигли за неделю такого

совершенства. Так что аплодируйте себе. Наслаждайтесь покоем. Через пять минут или пять дней клиенты будут отвечать вам. Правда, может быть, совсем другие клиенты. И совсем по другим делам. Которыми вы еще на занимались. И которые откроют для вас новые перспективы...

ТУЗИК-В-КЕФИРЕ. Я насчет ЯСного. Двигаться у меня не очень получается — есть какая-то природная скованность. Но вот петь мне понравилось безумно, и я просто всю неделю пела. Еду в маршрутке — пою дорогу. Жарю кабачки — каждый кабачок я пою. И потом незаметно отрываюсь от конкретностей и пою просто так — без подсказки... Если бы кто записал эти мелодии, большие деньги заработал бы: ни одной знакомой песни, все новое, авторское... Во-первых, то, что я готовлю на кухне, получается невероятно вкусно, а во-вторых... Обычно, когда стоишь, готовишь, думаешь: надо потом пойти постирать, потом поубирать, потом еще уроки сына проверить, — короче, ты уже эмоционально устаешь от самой прокрутки всего этого в голове, и к концу приготовления ужина уже ни на что не способен. А тут — наоборот: кушать приготовила, а сил еще — можно наперстком море вычерпать и не заметить. И неделя вся, несмотря на то что я не симоронила ни над чем конкретно, не делала никаких симпатяг, неделя прошла совершенно удивительно... Появился заказчик — таких у меня никогда не было, на качественно другом уровне, даже дизайн делала, свою работу, привычную, обычную — она получилась совершенно не в моем ключе, не в стиле, на порядок, на тон выше. Просто так...

Б. К этому рассказу можно добавить: вам только кажется, что вы не используете в ЯСном движение. Звук, производимый вами, осуществляется благодаря работе целого ряда физических органов тела, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с другими органами. Все тело участвует в создании этого звука, аккомпанирует ему. Вы просто не замечаете этих процессов, потому что пение у вас лично приоритетно. Ничего страшного, никто не говорит, что нужно скакать до потолка. «Танец» в ЯСном может быть весьма

экономным, так же как и вокал, — в тех случаях, когда для кого-то движенческий аспект более естествен.

Вспомним, когда у нас хорошее настроение, мы всегда напеваем что-то — работаем, занимаемся своими делами и одновременно мурлычем себе. И часто ловим себя на том, что напеваем какие-то неизвестные мелодии, не слышанные нами раньше... Это естественный процесс симпатизации: мы симпатизируем все вещи, которые проходят в это время через наши руки, и они получаются особенно вкусными, качественными, удачными... Возьмите это на вооружение. Чтобы взять разгон, распевайте все, с чем сталкиваетесь постоянно: каждый объект на улице, в метро... Входите в метро — у вас жетон, вы поете этот жетон, бросаете его в дырочку — поете этот турникет, подъезжает вагон — поете этот вагон, входите, и сколько там ног, внутри этого вагона, — поете все ноги, руки, лица, особенно утром, когда вас впихивают туда... Не обязательно заливаться соловьем, не обязательно подражать Паваротти — просто тихонько напевайте. Через какое-то время уже не будете отталкиваться от наружной среды, все будет делаться автоматически, вы себя поддержите тем самым в режиме симпатизации. И заметите, что все вокруг — и люди, и животные, и деревья, и облака — подпевают вам, потому что все они благодаря вам в это время на трассе...

РА-ТА-ДИЛ-ГО-СЫУР. Мне тоже как-то проще зеркалить вещи звуком, чем их изображать. Я их сначала пою и потом перехожу уже от звучания к пластике — все у меня получается намного лучше. И ритм в звучании ломать легче: несет тебя, ты не думаешь, как тебе двигаться, а просто идешь за звуком — и звук подсказывает рукам-ногам, как работать.

Б. Ну, это индивидуально, у некоторых наоборот: они от пластики больше идут, а потом звучат. Можно вообще только звучать, а можно только двигаться. Все зависит от того, какой у вас аппарат приоритетен, более выразителен. Чему вы больше доверяете, с тем и работайте, на ваше усмотрение.

РА-ТА-ДИЛ-ГО-СЫУР. Я постоянно звучу, на улице тоже, и даже вот плохая мысль забирается, я сразу: «Тру-ти-там» — и загогулину... Больше всего с тревогами мимолетными. Один раз в гостях была у архитектора известного, у него какой-то нереальный санузел, с кранами, как маленькие самолеты. Я начала петь с этими кранами, баллончиками... Не заметила, как я там час просидела, за мной уже все бегали, а мне не хотелось выходить, я забыла нормальную жизнь вообще...

Б. Это был пропускной пункт между общепитом и Симороном, вы отшлюзовались через него...

РА-ТА-ДИЛ-ГО-СЫУР. Несомненно. В другой раз у дочки был день рождения, ну, понятно там, уборка, готовка, все такое. А среди гостей должны были быть люди, с которыми... ну, не очень мне хотелось общаться. Они вечно меня воспитывают. Я вообще не люблю, когда меня воспитывают. Думаю, надо подготовиться к их приходу. Мою посуду и одновременно пою ее... Незаметно начала и танцевать по-симоронски — лицом, головой... И «оливье» получился у меня фантастический по вкусу — все это потом оценили. А пирог — как никогда... Приходят те самые кумовья, извиняются: «Ой, ой, караул, извините на этот раз, мы спешим, вот вам подарок, цём-цём». И исчезли.

РЫБКА-ВУАЛЕХВОСТКА. Я практически уже не занимаюсь симпатизацией, специальными прояснениями — просто пребываю на трассе. И все, что нужно, случается, находится само по себе. Ну например, внучке были нужны черные колготки, она в садике ворону играет. И невестка не может купить для пятилетнего ребенка этих черных колготок. Я забыла совершенно об этом, пошла просто в магазин за продуктами и иду себе, прохожу мимо какого-то киоска и вижу черные колготки — одни-единственные и как раз нужный размер. Или такой случай: я собиралась испечь торт — у сына день рождения. Не было дома нужного количества маргарина и яиц не хватало, а в магазин идти облом. И тут звонит приятельница — она большая болтуха —

и без всяких просьб с моей стороны диктует рецепт торта, который она где-то узнала, и все, что нужно для этого торта, у меня под рукой. Причем вкуснятина получилась — потрясающая...

А самое главное — это чудеса, которые у меня теперь на каждом шагу. Например, никогда в руках кисти не держала, вообще не могла качественно даже рожицу кривую нарисовать. И вот попала в художественную мастерскую к знакомым, просто так взяла кисть, чего-то намалевала... Они выставили эту работу на вернисаже вместе со своими картинами и — не поверите! — именно моя мазня была оценена кем-то в огромную сумму (не скажу, какую) и куплена...

